

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

На правах рукописи

Попова Элеонора Николаевна

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ В КОМИ ЯЗЫКЕ**

специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Цыпанов Евгений Александрович

Сыктывкар 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Изучение союза как части речи	13
1.1. Понятие о союзе в языкознании	13
1.2. Проблемы изучения союза	14
1.3. Классификация союзов	18
1.3.1. Классификация союзов по синтаксическому принципу	18
1.3.2. Классификация союзов по структурным особенностям	18
1.4. Союзы в памятниках древнекоми письменности XIV–XVII вв.	21
1.5. История изучения союза в коми и других финно-угорских языках	25
1.6. Союзы древнезырянского языка	37
1.7. Выводы по главе	38
ГЛАВА 2. Сочинительные союзы	40
2.1. Значение и семантическая классификация сочинительных союзов	40
2.1.1. Соединительные союзы	43
2.1.2. Присоединительные союзы	66
2.1.3. Сопоставительные (или градационные) союзы	74
2.1.4. Противительные союзы	76
2.1.5. Разделительные союзы	83
2.2. Особенности функционирования соединительных союзов	93
2.3. Выводы по главе	95
ГЛАВА 3. Подчинительные союзы и союзные слова	98
3.1. Значение и семантическая классификация подчинительных союзов	101
3.1.1. Союзы с временным значением	101
3.1.2. Союзы с причинным значением	111
3.1.3. Союзы с условным значением	114
3.1.4. Уступительные союзы	118

3.1.5. Сравнительные союзы	121
3.1.6. Целевые союзы	124
3.1.7. Изъяснительные союзы	127
3.2. Союзные слова	134
3.3. Разграничение подчинительных союзов и союзных слов	136
3.4. Выводы по главе	138
ГЛАВА 4. Частицы и союзные соединения как показатели связи в коми языке	141
4.1. Частицы как показатели связи в коми языке	142
4.2. Многокомпонентные показатели связи	150
4.2.1. Союзные соединения с конкретизаторами и квалификаторами	151
4.2.2. Составные союзы	155
4.3. Выводы по главе	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	164
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	165
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	169

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие синтаксической системы коми языка характеризуется обогащением набора средств выражения смысловых синтаксических связей и отношений. Союзы играют в этом процессе важную роль. Категория союза, относящаяся к морфологии, неотделима от синтаксиса.

Союзы как часть речи в коми языке являются постоянно развивающимся и обновляющимся языковым явлением. По мере развития и совершенствования национального языка (развития его письменной речи) число употребляемых в нем союзов растет.

Актуальность исследования. В современной лингвистике проблема показателей связи не утрачивает своей научной актуальности, хотя имеется немало работ, освещающих различные ее аспекты. Объяснением тому может быть усиление роста сложных конструкций в строе предложений и их сочетаниях, что ведет к увеличению корпуса связующих средств. Особое внимание в современном коми языкознании требуется уделить процессу пополнения корпуса союзных средств и проблемам их изучения.

Актуальность диссертационного исследования продиктована малоизученностью союзов и союзных средств в коми языке, отсутствием обобщающих теоретических работ об этой служебной части речи. Исследование союза актуально не только в связи с изучением вопросов формирования союза как части речи, но и с изучением вопросов, связанных с развитием и осложнением конструкций простого, сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, а вместе с тем синтаксического строя языка в целом. В истории развития сложного предложения отмечается активный процесс использования в союзной функции знаменательных слов, чаще местоимений и местоименных наречий, частиц определенной

семантики, сочетаний слов, приобретающих устойчивый характер, вопрос об употреблении которых в связочной функции до сих пор не исследован в коми лингвистике, и оценка которых как показателей связи заслуживает теоретического обоснования. В связи с этим возникает необходимость описания данной части речи как целостной развивающейся системы.

Объектом исследования являются союзы и союзные средства в коми литературном языке с привлечением материала по коми-зырянским диалектам.

Предмет исследования составляют функциональные и структурные особенности союзов, семантика, способы образования, происхождение.

Цель и задачи исследования. Диссертационное исследование ставит своей целью системное описание союзов и союзных средств в коми языке. В связи с поставленной целью определены следующие **задачи**:

- 1) систематизировать собранный из разных источников материал по союзам и союзным средствам в коми языке;
- 2) провести анализ грамматической семантики союзов;
- 3) описать происхождение, пути и способы их образования;
- 4) установить их генетическую связь с другими частями речи;
- 5) определить функционально-семантические и структурные особенности союзов и союзных средств;
- 6) рассмотреть вопросы о некоторых типах показателей связи в коми языке, функционально сближающихся с союзами; разграничения союзов от несоюзов, союзных соединений от составных союзов;
- 7) определить роль контактирующего русского языка в развитии и пополнении корпуса союзных средств в коми языке.

Методы исследования. Основные методы исследования определяются целями и задачами работы. Для достижения поставленной цели и решения вышеназванных задач использованы описательно-аналитический, этимологический, сравнительно-исторический, сопоставительный методы, метод лингвистического эксперимента, метод лексикографического поиска.

Теоретической и методологической основой диссертационной работы при разработке теоретических позиций и аспектов общих вопросов исследования союзов и союзных средств являются общетеоретические и методологические установки, разработанные в трудах отечественных и зарубежных исследователей-лингвистов: В. В. Виноградова, Р. Карелсона, Р. Д. Кузнецовой, В. М. Лудыковой, К. Е. Майтинской, Н. Д. Мановой, А. М. Пешковского, А. Ф. Прияткиной, Е. Ф. Троицкого, Р. Редеи, В. З. Санникова, М. И. Черемисиной, Е. Т. Черкасовой и др.

Источники исследования. Источниками диссертационного исследования послужили материалы, собранные из произведений коми и коми-пермяцкой художественной литературы (В. И. Безносикова, М. И. Игнатова, В. И. Исаева, И. В. Коданева, И. А. Куратова, Н. Н. Куратовой, В. Е. Напалкова, С. С. Раевского, Я. М. Рочева, В. А. Савина, В. В. Тимина, И. Г. Торопова, Т. П. Фадеева, Г. А. Федорова, С. А. Федосеева, И. Шадрина, В. В. Юхнина, Г. А. Юшкова и др.), из произведений устного народного творчества, коми диалектных текстов, памятников древнепермской письменности, словарей коми языка и севернорусских народных говоров. Используется также материал из работ других исследователей коми и финно-угорских языков.

Научная новизна. В работе рассмотрен исторический процесс становления грамматического разряда союзов и союзных средств коми языка как целостной и развивающейся системы и осуществлен системный анализ ее синхронного состояния и функционирования.

Впервые выявлен и описан весь корпус связочных средств современного коми языка, дана развернутая характеристика и последовательная классификация разрядов союзов и союзных средств. Выявлены и описаны активные процессы формирования связочных средств коми языка: 1) детально проанализирована семантическая структура союзов; 2) описан процесс перехода частей речи в союз, выявлены случаи гибридности; 3) выявлены случаи использования факультативных

показателей связи, функционально сближающихся с союзами; 4) предложены критерии разграничения союзов и несоюзов, союзных соединений и составных союзов.

Впервые: 1) подвергнута анализу и описана роль русского языка в формировании корпуса соединительных средств в контексте исторического развития различных типов сложного союзного предложения в коми языке; 2) на материале средств синтаксической связи выявлены контакты коми языка с севернорусскими говорами, определена возможность их взаимовлияния в области союзов и союзных средств.

Теоретическая значимость. «Формирование и развитие системы союзов и союзных средств в коми языке» – первое специальное исследование по союзам, которое представляет собой обобщение результатов научных изысканий диссертанта в области исследования истории развития союза как части речи в коми языке от древнекоми периода и до настоящего времени; структуры, семантики, происхождения союзов, их функциональных особенностей; формирования и пополнения фонда союзных средств.

Исследование союза и союзных средств в коми языке имеет общетеоретический характер для изучения морфологии и синтаксиса финно-угорских языков. Синхронно-аналитическое описание коми союза со сравнительно-историческими, сопоставительными экскурсами актуально для современной финно-угорской лингвистики как вклад в общую теорию союза родственных языков. На основе подробного и системного описания союза отдельных языков можно получить обобщающее углубленное представление о союзе финно-угорских языков в целом.

Союз, как показатель связи, играет важную роль в создании структуры предложения, его осложнения, изменения, а вместе с тем синтаксиса и в других типологически и генетически родственных и неродственных языках, поэтому теоретические выводы исследования актуальны для синтаксиса финно-угорских и других языков.

Материал коми языка представляет ценность и для общего языкознания, типологических исследований разных групп языков.

Практическая ценность диссертации заключается в возможном использовании ее материалов, результатов и выводов в процессе преподавания современного коми и русского языков, прежде всего в Институте гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета, на филологическом факультете Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; в лексикографической практике. Результаты работы могут быть использованы при написании обобщающих работ по коми языку, нормативных грамматик и монографий, создании учебных и методических пособий для студентов, разработке основных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по коми языку, составлении учебников и учебных пособий для общеобразовательных школ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Результаты, полученные в ходе исследования, соответствуют паспорту специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Система союзов современного коми языка представляет собой результат длительного исторического развития: от бессоюзных сложных конструкций древнекоми языка до развитой системы всех типов союзных предложений литературного языка.

2. Формирование союзных средств в коми языке происходило под мощным влиянием доминирующего русского языка путем калькирования моделей сложных синтаксических конструкций и заимствования связующих элементов. Это влияние прослеживается с самого раннего периода письменной истории коми языка: в древнекоми памятниках XIV–XVII вв. уже встречаются как бессоюзные, так и союзные сложные предложения.

3. Начавшийся процесс формирования сложных союзных предложений, конкурирующих с исконными бессоюзными предложениями,

обусловил активную интеграцию системы русских союзов, в том числе из севернорусских говоров, в грамматическую систему коми языка.

4. Преобладающее большинство союзов и союзных слов современного коми языка являются прямыми русскими заимствованиями либо кальками с русских моделей. Из сочинительных союзов собственно коми происхождения только союз *сэсся* 'и, и затем; да и', подчинительные союзы в большинстве случаев представляют собой результат калькирования русских моделей путем конъюнктивации разных частей речи, чаще местоимений, местоименных наречий и частиц.

5. Союзы и союзные средства русского происхождения в языке-реципиенте в целом сохраняют значения и функции языка-донора, однако постепенно подвергаются адаптации и переосмыслению с точки зрения как фонетической структуры, так и функционально-семантических характеристик. Эти процессы активны и продолжаются в уже сложившейся системе союзных средств современного коми языка, в частности, наблюдается формирование гибридных русско-коми образований, как например, *быттьёкё* 'как будто, будто бы; словно' (< рус. *быттьё* 'будто, как будто; точно, словно; как' + к. *кё* 'если').

6. Структурно-семантическая классификация коми союзов не отличается от русской. Союзы делятся на сочинительные и подчинительные, которые в свою очередь подразделяются на соответствующие разряды. Особенности проявляются на уровне функционирования отдельных союзов, в зависимости от их семантических и грамматических свойств. Например, в отличие от русского литературного языка, соединительные союзы в коми языке могут локализоваться как перед соединяемым компонентом, так и после него, причем постпозитивное употребление является предпочтительным.

7. Система союзных средств коми языка продолжает развиваться за счет вовлечения в поле конъюнкции новых языковых единиц, в том числе

многокомпонентных показателей связи, обладающих разной степенью устойчивости.

8. Русская система связочных средств как внешняя инновация за несколько столетий полностью адаптировалась в грамматической системе коми языка и определила появление и становление сегмента сложных союзных предложений в структуре современного коми синтаксиса.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации нашло отражение в 14 опубликованных работах, в том числе одной монографии, трех статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК, а также в многочисленных докладах, прочитанных на международных, всероссийских, региональных, зональных симпозиумах и конференциях в городах Сыктывкаре, Перми, Ижевске, Йошкар-Оле, Санкт-Петербурге: «III Всероссийская научная конференция финно-угроведов» (Сыктывкар, 2004), «XI Международный симпозиум «Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Пермь, 2006), «Всероссийская финно-угорская языковедческая конференция, посвященная юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Е. А. Игушева и 60-летию председателя Коми тета финно-угроведов Российской Федерации А. Н. Ракина» (Сыктывкар, 2009), «XIII Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 2010), «VIII Международный симпозиум «Языковые контакты Поволжья» (Йошка-Ола, 2011), «Филологические исследования на рубеже XX-XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы» (Сыктывкар, 2011), «Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы» (Сыктывкар, 2013), «XV Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 2014), «Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках» (Сыктывкар, 2014), «XLIV Международная филологическая научная

конференция» (Санкт-Петербург, 2015), «XVI Международный «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 2016), «Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия» (Сыктывкар, 2017), «VI Всероссийская научная конференция финно-угроведов» (Ижевск, 2019).

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения с выводами по проведенному исследованию, списка условных сокращений, списка источников материала исследования, списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 182 страницы.

Во введении диссертации представлена краткая характеристика исследования, обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертации, дается описание материала и методологии работы, излагаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о соответствии диссертации паспорту научной специальности и апробации результатов исследования, опубликованных работ.

В первой главе «Изучение союза как части речи» освещаются теоретические вопросы, касающиеся изучения союза отечественными и зарубежными исследователями-лингвистами о языковом статусе союза, его семантической структуре, составлении классификаций единиц данной лексико-грамматической категории; освещается вопрос об относительной хронологии формирования категории союза в коми языке, а также история изучения союза в коми и других финно-угорских языках.

Вторая глава «Сочинительные союзы» посвящена вопросам изучения значения сочинительных союзов в коми языке; детальному анализу их грамматической семантики; происхождения; выявлению особенностей функционирования соединительных союзов, общего специфического

в функционировании соединительных союзов в коми языке и севернорусских говорах. Определена степень влияния контактирующего русского языка на развитие и пополнение союзов сочинительного ряда в коми языке.

Третья глава «Подчинительные союзы и союзные слова» посвящена изучению происхождения подчинительных союзов в коми языке, путей и способов их образования, значения, структуры. Установлена их генетическая связь с другими частями речи. Проведены наблюдения над такими явлениями, как гибридность грамматических средств, переходность частей речи в союз. Детально проанализирована семантическая структура подчинительных союзов. Внимание уделено проблеме разграничения подчинительных союзов и союзных слов.

Четвертая глава посвящена неизученному вопросу в коми языке – рассмотрению некоторых типов показателей связи, функционально сближающихся с союзами; разграничения союзов от несоюзов, союзных соединений от составных союзов.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы и результаты.

ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ СОЮЗА КАК ЧАСТИ РЕЧИ

1.1. Понятие о союзе в языкознании

В самостоятельную часть речи союз был выделен в античной грамматике. У Аристотеля союзы составляли часть синкретического класса связок (*syndesmoi*), куда входили собственно союзы и предлоги. В отдельный класс союзы были выделены Дионисием Фракийским (2–1 вв. до н.э.). В средневековых грамматиках союзы включались в категорию «частиц речи» (*particulae orationis*). В языкознании XX в. союз вместе с модальными словами часто относят к синтаксическим служебным словам (в противоположность морфологическим – предлогам и артиклям) [ЛЭС 1990: 485].

Основной проблемой при разработке вопроса о союзах в русистике была альтернатива: оставить союзы в морфологии или рассматривать их за пределами морфологии? С именами выдающихся русских лингвистов А. М. Пешковского, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова связана традиция не включать союзы в морфологию. Союзы вначале обозначали термином «частица». Давая определение русским союзам, В. В. Виноградов писал: «Союзы – это частицы речи, которые обозначают логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и словосочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единств» [Виноградов 1972: 552].

При определении статуса русских союзов И. И. Мещанинов отмечает, что «вызванные к жизни синтаксисом и, сохраняя лишь синтаксическое значение, союзы не имеют достаточных данных для своего выделения в особую часть речи. Они остаются служебными частицами с отмеченным выше специальным синтаксическим заданием» [Мещанинов 1978: 384].

Большой вклад в разработку проблемы о союзах в русском языке внёс В. В. Виноградов, который подчёркивал, что, как и предлоги, союзы выражают разнообразные синтаксические отношения. Будучи неизменяемыми словами, союзы не имеют специальных морфологических показателей для выражения синтаксических отношений и не используются в морфологии. При этом в отличие от предлогов, согласно В. В. Виноградову, союзы «непосредственно не влияют на форму отдельных слов» и, «в сущности, запредельны морфологии» [Виноградов 1972: 553]. Тем не менее, следуя традиции, он оставил союзы в морфологии. Для этого имеются определённые основания. Дело в том, что союзы не изолированы от остальных разрядов слов. Они формируются на базе различных частей речи (местоимений, наречий, частиц и др.). Как отмечает В. В. Виноградов, «большая часть производных союзов еще не достигла той степени абстрактного значения, которая резко отделяла бы их от системы знаменательных частей речи. Генетическая связь многих из этих союзов с именами существительными <...> с местоименными словами и особенно с наречиями <...> непосредственно очевидна» [Виноградов 1972: 565]. А значит, представляют собой известную часть в лексическом составе языка, выполняющую определённую функцию в предложении. Следовательно, союз связан с другими частями речи, прежде всего, синтаксически.

1.2. Проблемы изучения союза

Для финно-угорских языков, как и для других европейских языков, основным типом показателей связи являются служебные слова и различные образования из нескольких слов (лексические или аналитические показатели связи).

Все лексические (аналитические) средства связи, служащие для соединения синтаксических единиц – членов предложения, частей сложного предложения, отдельных предложений в сложном синтаксическом целом – и выражающие синтаксические отношения между ними, принято делить на

союзы и союзные слова [РГ 1980 I: 713]. Союзы и союзные слова в совокупности образуют союзные синтаксические средства связи.

Союз – это средство связи между однородными членами, между предикативными частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте; характеристика определенного содержательного отношения. «Оформляя синтаксическую связь, союз в то же время выполняет квалифицирующую функцию: он обозначает – с разной степенью конкретизации – отношения между соединяемыми предложениями или их членами» [РГ 1980 I: 713]. В определениях понятия «союз» последних десятилетий указывается, что это служебные слова, которые выражают синтаксические отношения между членами предложения, частями сложного предложения, отдельными предложениями в тексте [Шанский, Тихонов 1981: 248; ÖКК 2000: 487; СРЯ 2006: 457]. Типичными признаками союза как служебной части речи являются: 1) строго определенная синтаксическая роль – связующая функция, которая является для союзов основной (за исключением субстантивации союзов: *и, а, но* – это сочинительные союзы); 2) выражение грамматических отношений между соединяемыми ими синтаксическими единицами; 3) автономность в составе предложения: его контакт с синтаксической конструкцией не закреплен никакими формальными показателями. Эта автономность составляет характерную особенность грамматического поведения союза, отличающую его от союзного слова, которое совмещает две функции: знаменательную и служебную; от предлогов и послелогов, служебная функция которых осуществляется во взаимодействии с падежным формантом.

При исследовании союза, прежде всего, внимание уделяется общепризнанным союзам, среди которых есть союзы исконного происхождения и заимствованные, представляющие собой как минимум одно служебное слово, часто несколько слов, контактных или дистантных.

Союзы в коми языке представляют собой относительно замкнутую систему с небольшим количеством языковых единиц и, в свою очередь,

функционально делятся на сочинительные и подчинительные (некоторые исследователи определяют общую функцию как участие в выражении сочинительных или подчинительных отношений [Гвоздев 1961: 420; Милославский 1981: 357, 359]. Сочинительные союзы делятся на семантические группы; классификация подчинительных союзов тоже имеет семантическую основу. Роль союзных слов выполняют местоимения и местоименные наречия. Такое разделение имеет место в академических грамматиках.

Как показывают исследования, не все союзные средства можно оценивать под таким углом зрения, поэтому многие показатели связи остаются в стороне. Есть немало переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий. В русском языкознании В. В. Виноградов назвал их «гибридными» [Виноградов 1972: 554]. В кругу союзов развиваются новые комплексы, сочетания, которые нельзя подвести ни к сочинительным, ни к подчинительным союзам, ни к союзным словам и которые требуют осмысления и особого наименования.

В истории развития сложного предложения отмечается активный процесс использования в союзной функции знаменательных слов, чаще местоимений и местоименных наречий, частиц определенной семантики, сочетаний слов, приобретающих устойчивый характер. Все это ведет к увеличению корпуса союзных средств.

Изучение сложного предложения, усилившееся со второй половины XX в., а также исследование средств выражения синтаксических связей в разных типах сложных предложений выдвинуло новые вопросы.

Многие из производных союзов выступают в роли других частей речи. Актуальной задачей синтаксиса сложного предложения остается выявление взаимодействия союзов и частиц, определение роли отдельных их типов в актуальном членении предложения.

Многие союзы осложнены модальными значениями. Модальные значения и оттенки союзов коми языка совершенно не изучены. Между тем этот вопрос, как отмечал В. В. Виноградов, «крайне важен для выяснения природы тех грамматических отношений, которые устанавливаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями» [Виноградов 1972: 566].

При изучении составных союзов наиболее сложным является установление границ между уже сформировавшимися в языке союзными единицами с устоявшимися значениями и относительно устойчивыми сочетаниями, выступающими в союзной функции.

С формированием и развитием союзных средств возникают трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при попытке определить границы корпуса союзных средств в современном языке. Для того, чтобы различить союзы и их аналоги, нужны четкие определения понятий.

В «Русской грамматике» [РГ 1980 I] дан список союзных и местоименных скреп¹ современного русского языка, куда вошли книжные и разговорные скрепы. Для именованного разного рода связующих средств здесь используются выражения: союз, аналог союза, союзный аналог, союзное соединение, союзное сцепление, союзное сочетание, «но связанные с ними понятия не разграничены, четко не определены, перед нами не термины, а пока еще терминоиды» [Черемисина, Колосова 1987: 124].

В коми языке наряду с признанными союзами и союзными словами выявляются такие единицы союзного характера, вопрос об употреблении которых в связочной функции до сих пор не рассмотрен в коми лингвистике, и оценка которых как показателей связи заслуживает теоретического обоснования. Необходимы специальные исследования в этом направлении.

¹ В русском языкознании применяется термин «скрепа», который определяется следующим образом: скрепа – это союзное связующее средство.

Поэтому в данной работе вопрос об основных типах специфических и не признанных пока союзных средствах в коми языке поставлен.

В целом вопросы определения союзных средств еще недостаточно разработаны даже в теоретической лингвистике. Вопрос об их границах до сих пор остается дискуссионным и не имеет однозначного решения в общелингвистическом плане.

1.3. Классификация союзов

Исходным положением для нас является то, что любой союз – это слово и как таковое «представляет собой внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений» [Виноградов 1947: 15]. Грамматическим значением союзов является их категориальное значение – значение указания на связь между синтаксическими единицами, а лексическим – указание на характер смысловых отношений между ними. Минимальный контекст, в котором реализуются значения союзов, – предложение (простое или сложное).

1.3.1. Классификация союзов по синтаксическому принципу

Союзы можно группировать на основе различных принципов, но наиболее известной является классификация по синтаксическим свойствам. Начиная с XIX в., в зависимости от характера связи, оформляемой союзом, стали выделять *сочинительные* и *подчинительные* союзы. Такая классификация в современном языкознании считается общепринятой.

1.3.2. Классификация союзов по структурным особенностям

Союзы можно группировать на основе их структурных особенностей.

Р. Карелсон в своей кандидатской диссертации «Союзы в прибалтийско-финских языках» на основании структурного своеобразия союзов делит на: простые, сложные, составные, групповые союзы, повторяющиеся союзы, коррелятивные союзы [Карелсон 1959: 8].

К. Е. Майтинская отмечает, что по своим структурным особенностям союзы могут классифицироваться по двум параметрам: 1) по кратности и расчлененности / нерасчлененности употребления; 2) по составу. По первому типу классификации исследователь союзы разделяет на: а) однократно употребляющиеся; б) повторяющиеся; в) коррелятивные и сопоставительно-расчлененные, ограничиваясь лишь несколькими замечаниями, поскольку «по данным разрядам союзы финно-угорских языков мало отличаются от союзов наиболее известных индоевропейских языков (в том числе и русского)» [Майтинская 1982: 105].

По составу союзы в коми языке делятся на простые и составные [ÖЖК 2000: 489]. Простыми являются союзы, состоящие из одной корневой морфемы (заимствованные не включаем): *да* ‘когда; потому что, так как’, *кӧ* ‘если, коли *уст.*’, *мед* ‘чтобы, чтоб’, *мый* ‘что’; диал. (уд.) *си*, *сы* ‘если, коли’, (иж.) *ди* ‘и, да и’.

Как отмечает К. Е. Майтинская, кроме корневых элементов большинство союзов финно-угорских языков содержит еще суффиксальные элементы [Майтинская 1982: 106]. Простыми также будут союзы, содержащие, помимо корневой морфемы, суффиксальные элементы. Среди суффиксов нет формантов, характерных для образования союзов. Среди суффиксальных элементов, выделяющихся в составе союзов, видное место занимают падежные форманты, которые уже содержались в словах, на основе которых формировались союзы. Таковыми, к примеру, в коми языке будут: *кытчӧдз* ‘пока’, сформировавшийся на основе вопросительного местоименного наречия *кытчӧдз*, содержащего суффикс предельного падежа (терминатива) *-ӧдз*; *мыйӧн* ‘как только, лишь только’, *мыйла* ‘потому что, оттого что’, сформировавшихся на основе вопросительного местоимения *мый* ‘что’, содержащих суффикс инструментала *-ӧн* (*мыйӧн*) и суффикс достигательного падежа (конзекутива (или каузатива) *-ла* (*мыйла*)).

В финно-угорском языкознании не определены четкие критерии разграничения сложных слов и словосочетаний. Составные (неоднословные)

союзы по своему строению представляют нецельнооформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово.

В состав большинства сложных (или составных) союзов в коми языке входят компоненты местоименного происхождения. Союз *сийӧн мый* ‘потому что, так как’ состоит только из местоимений: *сийӧн* ‘потому’ + *мый* ‘что’.

В состав союзов наряду с компонентами местоименного происхождения могут входить слова разного происхождения – имена, наречия, частицы: *кодыр* ‘когда’, сложное слово, первая часть которого представляет собой вопросительное слово *ку*, вторая существительное *дыр* ‘время’ [КЭСК 1999: 127]; *кыдз сӧмын* ‘как только’, *мыйӧн сӧмын* ‘как только’.

К. Е. Майтинская в прибалтийско-финских языках выделяет особую подгруппу союзов, сформировавшуюся путем сочетания слова местоименного или другого происхождения с формой отрицательного глагола. В пермских языках исследователь выделяет два союза: удм. *medam*, коми *medim / medum* ‘чтобы не’, образованных по такой же модели (*med* ‘чтобы’ + 1-е лицо отрицательного глагола) [Майтинская 1982: 109].

Сложные (составные) союзы могут состоять из трех компонентов, из которых один или два произошли от местоимения, напр.: *сы вӧсна мый, сы понда мый* ‘потому что’ (*сы / сi* ‘тот’, *мый* ‘что’ + послелог *вӧсна* ‘из-за; по’; *понда* ‘из-за; ввиду’).

Выявляются и такие сложные (составные) союзы, которые образовались путем сочетания исконного компонента и компонента, заимствованного из русского. При таком способе образования сложных или составных союзов «обычно объединяются элементы, которые в соответствующих языках выступают также в качестве союзов или компонентов сложных составных союзов» [Майтинская 1982: 109]. В союзах *быттьӧкӧ* ‘будто, как будто; точно; словно; как’, *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; словно’, первая часть является русским заимствованием с фонетической

адаптацией (*быттьӧ* = русскому *будто*, *ыштӧ* = русскому *что*), вторая – *кӧ* – исконно коми служебным словом; *кыдз быттьӧ* ‘как будто’ – к. *кыдз* ‘как’ + рус. *быттьӧ* ‘будто, как будто’ и др.

1.4. Союзы в памятниках древнекоми письменности XIV–XVII вв.

Образование союзов тесно связано со структурой предложения: с развитием и осложнением конструкций простого и сложного предложений. В письменной речи вполне обычными становятся сложносочинённые и сложноподчинённые предложения. Для бесписьменного разговорно-бытового языка сложные предложения нехарактерны. Они имеются, но их мало. Ему свойственны простые, часто даже нераспространённые предложения, а из сложных – бессоюзные.

Для прауральского / прафинно-угорского языка-основы уже характерны типы сочинительных и подчинительных предложений. В первоначальном примитивном сложном предложении не было никаких средств связывания следующих друг за другом простых предложений: предложения отделялись друг от друга интонацией, ударением и паузой. Бессоюзное соположение сложносочинённых и сложноподчинённых предложений присутствует и в современном коми языке [Редеи 1996: 40], однако частотность употребления таких конструкций не такая высокая, как союзных сложных.

В коми языке подчинительная связь между предложениями выражалась причастными и деепричастными оборотами. Об этом в свое время писал Г. С. Лыткин: « <...> в народных произведениях Зырян существуют особые обороты, особый строй речи, при котором нет надобности в союзах» [Лыткин 1889: VI]. Под особыми оборотами автор, конечно же, имел ввиду причастные и деепричастные обороты. Такие конструкции в удмуртском языке, под влиянием чувашского и татарского языков, до сих пор являются продуктивными; в коми языке причастные и деепричастные обороты также являются часто употребляющимися.

Появление и развитие союзов в коми языке связано с созданием памятников древнекоми² письменности во второй половине XIV в., в текстах которых встречаются бессоюзные и сложные предложения. В союзных сложных предложениях использовались союзы, заимствованные из церковнославянского языка и исконные.

Создание памятников древнекоми письменности во второй половине XIV в. связано с миссионерской деятельностью священника Стефана Пермского. Им и его преемниками было организовано церковное богослужение и обучение священников на коми языке, сделаны переводы на коми язык основных церковных книг. Обнаружено всего шесть видов памятников на древнекоми языке: несколько списков древнепермской азбуки, приписка Кылдашева на книге Номоканон, надпись на иконе Троицы, надпись на иконе «Сошествие святого духа», приписка от руки на книге Григория Синаита, подпись епископа Филофея Пермского. Эти памятники содержат 236 слов связного текста. Кроме того, сохранились памятники, написанные на древнекоми языке русскими буквами, содержащие около 600 слов связного текста и представляющие собой заупокойную обедню. Все сохранившиеся древнезырянские языковые памятники представлены в монографии В. И. Лыткина «Древнепермский язык» [Лыткин 1952: 9–19; 32–33; 38–39; 41–43; 44; 65–68], в которой на основе текстов ученый составил древнепермскую грамматику и указатель слов; снабдил тексты комментариями, значительно облегчающими их чтение и перевод.

В текстах встречаются и бессоюзные, и союзные сложные предложения. В союзных предложениях используются сочинительные и подчинительные союзы. Из сочинительных союзов встречаются: а) заимствованные из церковнославянского языка: *а* ‘а’, *и* ‘и’, *но* ‘но’; б) исконные: *сэс* ‘и, и потом’, *чӧчкӧ* ‘но’.

² В научной литературе используются также термины «древнепермский» и «древнезырянский»: «древнепермский язык», «древнепермская письменность»; «древнезырянский язык».

Из заимствованных союз *и* является самым частым в древнекоми текстах: он встречается уже в памятниках письменности на древнекоми языке XIV–XVI вв. 5 раз, в памятниках письменности, написанных на древнекоми языке русскими буквами – 24 раза [Лыткин 1952: 39; 65–69]. Союзы *а* и *но* встречаются по одному разу в памятниках, написанных на древнекоми языке русскими буквами (ЛЕ 72; 116) [Там же: 66, 67].

Исконный союз *сэс'* [Лыткин 1995: 96], подобно союзу *и*, встречается уже в ранних памятниках XIV–XVI вв., напр.: *сэс' тырисныс быдён вэжа полтёсён, сэс' пондисныс вёйпныс мёд кылйасён...* 'исполнишася вси духа свята, и начаша глаголати иными языки...' (Сош. 8) [Там же: 43]. По употреблению он равнозначен союзу *и*.

Союз *чёчкё* можно обнаружить в памятниках письменности, написанных на древнекоми языке русскими буквами. В лепехинско-евгеньевских текстах он встречается три раза (ЛЕ 49, 79, 190) [Там же: 66, 67, 69].

В сложноподчиненных предложениях в связочной функции выступают союзы и союзные слова: *вэвэс'* 'ц.-сл. яко (что, так как)'; *вэвэс'кыд* 'ц.-сл. яко, рус. как'; *кё* 'если'; *код* 'кто, который'; *кудз, кудзи, кудзы, кудзик* 'как, каким образом'; *кудзкё* 'когда'; *кучёмкё* 'как, ц.-сл. яко'; *кытён* 'где'. Примеры: *вэвэс' ог корсьы ас гажёс* (ЛЕ 78) [Там же: 67] 'яко не ищу воли моя', *вэвэс'кыд быдёнлён канёс бос'тыгён* (ЛЕ 93) [Там же: 67] 'яко да царя поднимем', *кытён лоиныс пукыгён* 'идеже бяху сидяще' (Сош. 4) [Там же: 42–43], *мэд воас гажыд, кучёмкё вэлтыдалан инын* (ЛЕ 182) [Там же: 69] 'да приди воля твоя, яко на небеси'.

В своем исследовании «Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского» К. Редери отмечает, что «в древнезырянском языке под влиянием старославянского развилось выражение связи между частями сложного предложения союзным способом. Ярким подтверждением этому является тот факт, что несколько сочинительных союзов были заимствованы из старославянского

в древнезырянский. Кроме того, создатели древнезырянского литературного языка конструировали по славянскому образцу союзы на основе внутренних языковых средств» [Редеи 1996: 40].

Говоря о времени появления союзов в коми языке, исследователи-финно-угроведы приходят к следующим выводам. К. Е. Майтинская, занимавшаяся проблемами служебных слов в финно-угорских языках, при решении вопроса об относительной хронологии формирования категории союза приходит к выводу, что «из коми и удмуртских союзов к прапермскому периоду можно отнести только коми *кӧ*, удм. *ке* ‘если’ <...> поскольку союзные слова типа коми *кыдз*, удм. *кызьы* ‘как’ являются прежде всего местоименными наречиями, а заимствованные союзы типа коми *кӧть*, удм. *коть* ‘хотя’; коми *либӧ*, удм. *либо* ‘либо’ и т.д.», как полагает исследователь, «заимствованы, скорее всего, параллельно коми и удмуртским языками». Далее К. Е. Майтинская делает следующее заключение: «Формирование категории союза в прапермский период только началось» [Майтинская 1982: 113–114; 2010: 114].

По мнению К. Редеи, «ни один из союзов не возводится к периоду языка-основы. <...> Они, как правило, восходят к древнезырянскому периоду. <...> Некоторые местоименные союзы могут быть отнесены к прапермскому периоду, но это недоказуемо. <...> Фонетические и морфологические изменения, происходившие в период самостоятельной жизни отдельных языков, означают серьёзное (неустранимое?) препятствие в реконструкции уральских / финно-угорских союзов. <...> Что касается подчинительных союзов языка коми, с большей вероятностью можно установить только то, что с начала самостоятельной жизни коми языка (IX–X в. н.э.) они уже определенно имелись» [Редеи 2005: 228; 230; 233–234].

Категория союза в коми языке, как и в большинстве финно-угорских языков, является продуктом относительно позднего образования. Как следует из работы К. Е. Майтинской, «полноценная категория союзов существовала в прибалтийско-финском, марийском и венгерском языках-основах,

поскольку в каждом из них употреблялось несколько «настоящих» (обособленных от слов-источников) союзов» [Майтинская 1982: 115].

В языках с более древними письменными традициями, а также письменность которых развивалась относительно равномерно, средства связи между предложениями-компонентами формировались постепенно: слова собственного языка в современные союзы преобразовались медленно. По этой причине нет заимствованных союзов в венгерском языке, и только один выявляется в финском – *ja* [Майтинская 1982: 102].

Категория союза в коми языке получила развитие за счет: 1) внутренних ресурсов, путем перехода других частей речи в союзы: чаще – местоимений, местоименных наречий, частиц; 2) заимствования из русского языка; 3) калькирования русских конструкций. Продуктивными путями развития категории союза в коми языке являются заимствование и калькирование русских конструкций, поскольку русский язык характеризуется развитым синтаксическим строем предложений. Р. Карелсон отмечает, что «заимствование союзов в финно-угорских языках – явление сравнительно позднее, причем оно относится в основном к периоду формирования литературных языков. Это касается, прежде всего, обско-угорских, пермских и волжских языков, но некоторые союзы перешли в те или иные языки, несомненно, раньше этого времени» [Карелсон 1959: 25].

По времени проникновения самыми ранними в коми языке являются те союзы, которые относятся к древнезырянским заимствованиям. Остальные союзы возникли позже.

1.5. История изучения союзов в коми и других финно-угорских языках

Исследование финно-угорских языков началось с первых грамматик, вышедших в XVIII–XIX вв. В 1775 г. вышла в свет первая научная грамматика удмуртского языка, изданная Академией наук в Санкт-Петербурге под названием «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикъ

вотского языка». Грамматика посвящена только морфологии, в которой выделены восемь частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, междометие, предлог. Союзы и частицы, как части речи, не нашли отражения в первой грамматике. В грамматиках Ф. И. Видемана марийского [Wiedemann 1847], удмуртского [Wiedemann 1851], эрзя-мордовского [Wiedemann 1865], коми-зырянского [Wiedemann 1884] языков союзы рассматривались в разделе «Частицы», куда вошли наречия, послелого, союзы, междометия. В грамматике эрзя-мордовского языка иногда включались местоименные формы. Специальных разработок, посвящённых союзам как части речи, по финно-угорским языкам мало. Среди них можно отметить диссертационные работы Р. Карелсона «Союзы в прибалтийско-финских языках» [Карелсон 1959] и И. С. Бузакова «Союзные слова и подчинительные союзы в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках» [Бузаков 1966]. Вопросы, касающиеся союзов, нашли отражение, главным образом, в разделах нормативных грамматик; чаще всего они рассматривались в рамках исследования сложных предложений в соответствующих разделах фундаментальных грамматик финно-угорских языков, а также в специальных работах: по мордовскому [Бузаков 1973], удмуртскому [Калашникова 1974]; коми [Манова 1976] языкам и др.

В «Грамматике финского языка» Л. Хакулинен союзы относит к вспомогательным словам (*partikkelit*), составляющим часть речи, которая за исключением междометий, в целом образовалась позднее других частей речи. Автор отмечает, что «пожалуй, самым интересным является то, что союзы имеют относительно позднее происхождение» [Хакулинен 1953: 69]. По утверждению Л. Хакулинен, в финском языке нет ни одного союза, который восходил бы к финно-угорскому языку-основе, а к финскому языку-основе, по ее предположению, восходят только три союза: *ku(i)n* 'когда, чем, нежели', *etta* 'что', *jos* 'если'. Эти три союза, считает Л. Хакулинен, являются по происхождению явно выраженными наречиями. Автор приходит

к выводу: «Вообще в финском языке любой союз, если он не заимствован из других языков, происходит из прежнего наречия» [Хакулинен 1953: 69–71].

Союзам посвящена диссертационная работа Р. Карелсона «Союзы в прибалтийско-финских языках» [Карелсон 1959], в которой автор рассматривает важные с точки зрения общего языкознания проблемы, связанные с общетеоретическими положениями о союзах, а именно: сущность союза, его происхождение, отношение и связь с другими частями речи, классификация союзов. Р. Карелсон в своей диссертации придерживается наиболее целесообразной, т.е. традиционной синтаксической классификации (деление на сочинительные и подчинительные союзы), причём из ряда подчинительных опускает лишь вопросительные союзы, т.к. «слова, которые обычно включают в эту подгруппу, вообще нельзя считать союзами». Такой же точки зрения придерживается и финский лингвист А. Пенттиля [Карелсон 1959: 8]. Р. Карелсон в работе союзы в прибалтийско-финских языках рассматривает также по структурным особенностям, разбивая их на следующие группы: простые, сложные, составные союзы, групповые союзы, повторяющиеся союзы, коррелятивные союзы [Там же: 8].

В грамматиках марийского [СМЯ 1961: 294–300], коми-пермяцкого [КПЯ 1962: 309–313], удмуртского [ГСУЯ 1962: 323–334] языков союзы классифицируются по функциям и значениям. Для связи предикативных частей в сложноподчиненных предложениях выделяются союзные слова.

В «Исторической грамматике марийского языка» И. С. Галкин рассматривает происхождение отдельных сочинительных и подчинительных союзов в марийском языке. Из всех имеющихся союзов собственно марийскими исследователь считает только четыре: *гын* ‘если’, *гынат* ‘хотя’, *ден* ‘и’, *манын* ‘чтобы, что’, которые возникли на древнемарийской почве; три союза марийским языком заимствованными из тюркских языков *тӓ* ... *тӓ* ‘не то ... не то’, *ала* ‘не то’, *я* ‘или’, остальные русского происхождения [Галкин 1964: 176–182].

В «Грамматике мордовских языков» по характеру оформляемой связи союзы классифицируются на сочинительные и подчинительные. Среди сочинительных союзов выделяются соединительные (перечислительные), противительно-сопоставительные, разделительные; среди подчинительных – изъяснительные, временные, меры и степени, сравнительные, целевые, причинные, следственные, условные, уступительные [ГМЯ 1980: 391–401].

В работе по тихвинскому говору карельского языка В. Д. Рягоев союзы классифицирует по значениям и функциям. Среди сочинительных союзов выделяет группу с пояснительным значением; среди подчинительных – союзы вопросительные. Также «для связи единиц в подчинительных синтаксических конструкциях» выделяет союзные (или относительные) слова местоименного происхождения. Функцию союзных слов, отмечает В. Д. Рягоев, могут выполнять: а) прилагательные *kumman* ‘который’, б) наречие *missa (mista)* ‘где’ [Рягоев 1977: 168–172].

В «Грамматике вепского языка» трактовка союзов мало отличается от грамматик других финно-угорских языков, вышедших в 50–60-ые гг. XX столетия. В ней союзы выделяются по морфологическому строению (непроизводные, производные) и по функциям (значениям) [ГВЯ 1981: 295–296].

В грамматике «Венгерский язык» в разделе «Союзы» К. Е. Майтинская отмечает, что категория союза объединяет служебные слова, связывающие предложения или члены предложения. Автор определяет важную особенность, присущую союзам: по своему происхождению союзы связаны со многими частями речи – одни с застывшими формами местоимений, другие могут состоять из соединения двух союзов, третьи связаны с глаголами через причастия и деепричастия, некоторые нередко образованы из сложения нескольких слов; даже целые предложения могут превращаться в союзы. Исследователь союзы классифицирует по структуре – на простые и сложные; по синтаксическим особенностям – на сочинительные и подчинительные. Автор считает: «Значения как сочинительных, так и

подчинительных союзов, удобнее всего рассматривать в связи со значениями связанных между собой предложений или частей предложений, поэтому о них будет сказано в разделе, посвященном синтаксису» [Майтинская 1955: 298]. Здесь же она отмечает, что в венгерских грамматиках союзные слова не выделяются в особую группу союзов [Там же: 298].

В работе «Основы финно-угорского языкознания [Основы 1976] в разделе «Пермские языки» союзам отведено незначительное место, дан лишь краткий обзор. Авторы ограничились перечислением основных разрядов сочинительных и подчинительных союзов. Если в грамматиках по пермским языкам [СКЯ 1955; КПЯ 1962; ГСУЯ 1962] подчинительные союзы разбиты на семь семантических групп, то в «Основах ...» выделено пять групп: не представлены сравнительные союзы; причинные и целевые союзы рассматриваются в одной семантической группе – причинно-целевой. Также отмечено, что состав удмуртских союзов в основном исходит от исконных слов, часть заимствована из татарского языка, что преобладающая часть употребительных в коми языках союзов является заимствованиями из русского языка. Обращается внимание на наличие в пермских языках группы союзов, представляющей собой кальки соответствующих по значению русских союзов [ОФУЯ 1976: 200–202], однако ни один такой союз не приводится.

В работе «Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка» С. С. Сибатровой раздел «Союзы» посвящен определению состава и места русизмов во всей системе марийских союзов. Установлен максимально полный перечень союзов, среди них разграничены собственно марийские и иноязычные – русские и тюркские союзы. Проведены количественные подсчеты союзов в зависимости от их происхождения (как в отдельности для семантических групп, так и в целом для всей системы). Автор замечает: «В работе союзные слова не рассматриваются, ибо в их качестве выступают вопросительные местоимения

и местоименные нречия, являющиеся, как правило, исконными» [Сибатрова 2021: 244–259].

Самые первые сведения о союзах коми языка можно найти уже в первой печатной грамматике коми-зырянского языка «Зырянская грамматика, изданная от главного управления училищ», написанной Ф. Козловым и опубликованной А. Ф. Флеровым (Фроловым), вышедшей в Санкт-Петербурге в 1813 г. VII глава в грамматике посвящена союзам, где дается определение: «Союз есть часть речи, связывающая или разделяющая между собою слова или предложения». Автор первой грамматики не только перечисляет союзы, среди которых обнаруживаются собственно коми и заимствованные союзы, но и подразделяет их на семантические группы: 1. Соединительные (*и* ‘и’; *жӧ* ‘же’; *сидзжӧ* ‘также’). 2. Разделительные (*или* ‘или’; *о* ‘но’; *либӧ* ‘либо’). 3. Условные (*ежели* ‘ежели’; *кодыр* ‘когда’). 4. Противительные (*а* ‘а’; *но* ‘но’; *ӧднако* ‘однако’; *кӧтя* ‘хотя’). 5. Винословные (*муй* ‘что’; *метко* и *муй* ‘чтобы’). 6. Заключительные (*исичь* ‘и так’; *сыпондась* ‘посему’) [Флеров 1813: 37–38].

В «Грамматике зырянского языка» П. И. Савваитов даёт следующее определение союзам: «Союз есть частица речи, показывающая взаимное отношение и связь мыслей и слов». Автор отмечает, что зырянский язык не богат союзами, но этот недостаток восполняют частицы, заимствованные из русского языка. Далее приводит собственно зырянские союзы: *мыј* (Удор. *муј*) что, *весјкӧ* бы, *мед* (Удор. *меткӧ*) чтобы, *мед весјкӧ* чтобы, для того чтобы, *кодыр*, *кор* если, когда. Сюда же относит и неотделяемую придаточную частицу *-кӧ* если, иногда, которая, по мнению автора, «соответствующую русской, также неотделяемой, частице *-то*». Приводит также заимствованные из русского союзы: *а* ‘а’, *вӧд* ‘ибо, потому что’, *да* ‘да, и’, *жӧ* ‘же’, *і* ‘и’, *і – і* ‘и - и’, ‘какъ - такъ’, *ілі*, *либӧ* ‘или, либо’, *кӧтј*, *кӧтја* ‘хоть, хотя’, *либӧ – либӧ* ‘или - или’, ‘либо - либо’, *нежели*, *нежӧ* ‘нежели’, *ні – ні* ‘ни - ни’, *но* ‘но’, *ӧднакӧ* ‘однако’ [Савваитов 1850: 80–81].

Г. С. Лыткиным была составлена первая нормативная грамматика на коми языке – «Грамматика зырянского языка», вошедшая в книгу «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык», изданная в 1889 г. в Санкт-Петербурге (переиздана в 1996 г.). Грамматика посвящена вопросам морфологии коми языка, в которой автор выделяет семь частей речи: имя, местоимение, глагол, послеположение, наречие, союз и междометие. «Существительное», «прилагательное», «числительное» составляют часть речи «имя». Частицы рассматриваются вместе с наречиями.

Г. С. Лыткин приводит только собственно зырянские союзы: *мыј* (Вот. ма) 'что', *мед мет-кӧ* 'чтобы', *нӧ* (Вот. но) 'же', *сес'с'я*, *сес'и* 'и', *кӧ* (Вот. ке) 'если', *ес'кӧ* 'если бы', *мед ес'кӧ* 'для того чтобы', *тај* Славянск. бо; *мыј-тај*, *сы понда мыј* 'ибо, потому что', *кор*, *кодыр* = *код* + *дыр* 'когда, в какое время' [Лыткин 1889: 41]. Как видим, в приведенном ряду нет ни одного заимствованного союза. О заимствованных союзах исследователь пишет: в зырянских переводах «я безусловно исключил русские союзы, которые чужды зырянскому языку и которых нет в зырянских переводах св. Стефана. – Русские и другие иноземные слова, особенно же русские союзы попали в зырянский язык, благодаря Зырянам-семинаристам, т.е. единственным образованным Зырянам прошлого и настоящего столетий» [Там же: VI].

В работе П. Михайлова замечено, что «зырянский язык скуден союзами <...> зыряне большей частью <...> употребляют союзы русские» [Михайлов 1873: 83].

Во второй половине XIX в. зарождается художественная литература на коми языке, основоположником которой является И. А. Куратов, переводивший классиков русской и мировой литературы, а также создавший лучшие образцы поэзии на коми языке. В его поэтических текстах используются сложные конструкции с союзами и союзными словами. Примеры: *Кодыр* олӧм оз сет синва / *И* оз петкӧд весиг серам, / *Вӧтъясӧс кӧ морта-мортлы* / *Висьтавлам, ми бур на керам, Вӧтӧн аддзыны зэв шогмӧ,* / *Мый* ми воим попӧс корны / *Кулысь дӧнӧ. Мунныс зэв дыш!* / «*Мыйыськӧ со-й*

пондіс ёрны!»(Куратов 1989: 265) ‘Если жизнь влачится нудно, / Если нет в ней слез и смеха, / Сны рассказывать мы станем, / Правда – делу не помеха’, ‘Видеть всем во сне полезно, / Как зовем попа с дарами / К умирающему, поп же / Нас в дверях встречает бранью’ (Куратов 1999: 62); *Мыля жö ме тиöтикöртала / Ассьым лякöм, **кор** эз пет / Меысьгырысьджык поэт?* ‘Но зачем кидаю прочь / Нынче все свои маранья? / Может, смолк во мне поэт?’ (Куратов 1985: 8, 9); ***Кор** ме тэкöд войын вежссим окасöмöн, / Эз некодi аддзыв мелiасöмöс... / Кодзувьяс енвевтын тiркöдчисны сöмын, **Но** эз повзöд кодзув чукöр миянöс...* ‘Как в ночи мы целовались, / от людей мы схоронились; / А от звездочек небесных / наших ласк и не таили’ (Там же: 148, 149).

До начала XX в. в коми-зырянском языке число союзов было весьма ограничено, так как язык со слабо развитой письменной литературой, а вместе с тем синтаксисом сложного предложения не ощущал настоящей потребности в союзах. Интенсивное развитие синтаксиса сложного предложения в коми языке получил в 20-ые гг. XX в., что было обусловлено бурным развитием Коми края, культуры коми народа, расширением общественных функций литературного языка. Коми-зырянский язык становится языком художественной литературы, печати, радиопередач и т.д. Усиление роста сложных конструкций в строе предложений и их сочетаниях привело к увеличению корпуса связующих средств.

В 1949 г. появилась первая научная грамматика коми языка – «Грамматика литературного коми языка» Д. В. Бубриха, в которой грамматический строй коми языка впервые получил системное освещение, и которая до сих пор не утратила своей актуальности и научной ценности. В грамматике выделен раздел служебных слов, куда вошли подразделы «Послелогии», «Союзы», «Частицы». Важным моментом в рассмотрении вопроса о союзах является то, что автор сосредоточивает внимание на особенностях функционирования некоторых сочинительных союзов: «<...> коми язык допускает трактовку сочинительных союзов как сопровождающих

то слово, после которого они стоят. <...> В этой обстановке большую роль получает перестановка. При перестановке может возникать изменение значения сочинительного союза: он может приобретать значение союза подчинительного» [Бубрих 1949: 190–191]. Но, как отмечает автор, не все сочинительные союзы причастны к описанным явлениям. Примером такого грамматического явления может послужить союз *да*. Союзы *но*, *жэ* трактуются так же, как в русском языке [Там же: 191–192].

В грамматике «Современный коми язык» определение союза получило не совсем точную трактовку. Освещение вопроса о союзах мало отличается от грамматик других финно-угорских языков, вышедших в 50–60 гг. XX в. В ней союзы классифицируются по морфологическому составу, функциям и значениям, а также выделяются союзные слова [СКЯ 1955: 270–276].

Наиболее подробное описание союзы получили в последней по времени издания грамматике «Öнiя коми кыв. Морфология» (Современный коми язык. Морфология), где глава о союзах по сравнению с предыдущими работами существенно дополнена и расширена. Затрагиваются вопросы происхождения союзов, даётся их классификация по структуре, функциям и значениям, более развернуто дана семантика союзов. Среди сочинительных союзов впервые выделены сопоставительные (градационные) и присоединительные союзы. Подчинительные союзы разделены на семантические и синтаксические (или функциональные). Рассматривается также вопрос о местоположении союзов в предложении [ÖКК 2000: 487–502].

Предметом исследования С. Н. Аксеновой являются сложносочиненные предложения с союзом *и* в коми и русском языках. Автор приходит к выводу: в современном коми языке союз *и*, заимствованный из русского языка, является очень употребительным как в простых предложениях, так и в сложных. В сложносочиненных конструкциях *и* выполняет все те функции, что и в русском языке [Аксенова 2001: 31–35]. Кроме этого, ею опубликованы научные статьи и тезисы в зарубежных

изданиях. Автор рассматривает в них параллельные и союзные предложения в коми языке, *да*-союзные предложения в коми языке, конкуренция заимствованных союзов в коми-зырянском языке [Aksjonova 2000: 4–5; 2002: 7–8; 2003: 43].

Вопросам изучения коми союзов посвящена статья К. Редеев «Сочинительные и подчинительные союзы коми языка», в которой автор затрагивает вопросы происхождения и структуры союзов. По его мнению, сочинительные союзы коми языка в большинстве случаев русского происхождения, а из подчинительных союзов лишь немногие имеют русское происхождение, в большинстве случаев они возводятся к местоимениям, наречиям местоименного происхождения, частицам [Редеев 2005: 228–234].

Союзы в литературном коми языке и его диалектах в синхронии и диахронии с точки зрения влияния русского языка подробно рассматриваются в статье М. Лейнонен «Russian Influence on Sentential Subordination in Komi-Zyryan» [Leinonen 1998: 81–98].

Союзы как служебные части речи выделены во всех монографиях по коми-зырянским диалектам. Союзы в диалектах в основном те же, что и в литературном коми языке; они классифицируются по синтаксическим особенностям – на сочинительные и подчинительные. Отмечается, что большинство союзов заимствовано из русского языка. В верхневычегодском, присыктывкарском, печорском, вымском диалектах выделяется союзная частица *a* ‘а; ведь’; в верхневычегодском диалекте также союзные частицы: *да* ‘да’, *и (й, ий)* ‘и’, *кэ* ‘видимо’, *коть* ‘хоть’ и отсутствующие в некоторых говорах составные союзы *сы вöсна мый*, *сы понда мый* ‘потому что’. Много союзов представлено несколькими вариативными и структурными формами, много специфических союзов, имеются общепермские образования [ВВД 1966: 124–126; ПСД 1971: 187–188; ВСД 1975: 150–151; ИД 1976: 112–113; ПД 1976: 47–48; НВД 1978: 52; ССД 1980: 60; ЛЛД 1985: 110–113; УД 1990: 99–102; ВД 1998: 163–165].

В коми-пермяцких диалектах союзы рассматриваются по составу и синтаксическим параметрам, основное внимание уделяется их специфическим фонетическим и семантическим особенностям [Баталова 1975: 203–206; 1990: 142–144; 1995: 136–137; 1998: 61; 2002: 121–122; Дмитриева 1998: 146–149; Лобанова 1993: 122–125; Пономарёва 2002: 157–159].

В монографии В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» союзам отведено незначительное место. Автор объясняет это тем, что в коми-язьвинском диалекте многие частицы выполняют функцию союзов, в некоторых случаях трудно разграничить функцию союза от функции частицы, «поэтому мы специально не останавливаемся на рассмотрении союзов, которыми коми-язьвинский диалект не особенно богат. Скажем лишь, что в этом диалекте употребляется целый ряд русских союзов в том же самом значении» [Лыткин 1961: 82].

Вопросы, касающиеся союзов, нашли отражение в кандидатской диссертации Н. Д. Мановой «Сложноподчинённые предложения в коми языке в историческом освещении (основные типы)», в которой при решении вопроса о происхождении сложноподчинённых предложений исследователь опирается, прежде всего, на историю средств связи, а именно, союзов. Устанавливается также этимология союзов, приводится семантическая характеристика предложений с данным союзом или союзным словом, выявляется структурная характеристика предложений с тем или иным союзным средством. Кроме этого, ею опубликовано несколько научных статей, в которых также рассматривается история образования некоторых подчинительных союзов [Манова 1975, 1978, 1987, 1990].

Вопросы, касающиеся союзов, нашли отражение в кандидатской диссертации Т. В. Кренделевой «Сложноподчинённые предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке», в которой дается система средств связи сложноподчинённых предложений с временными отношениями, проведен семантический анализ временных союзов.

Исследователем также опубликованы научные статьи, в которых рассматриваются союзы *кытчõдз* и *кор* как средства связи сложноподчиненных предложений с временными отношениями [Кренделева 2009: 37–43; 2011: 139–143].

Большой вклад в освещение вопросов по союзам внесла работа К. Е. Майтинской «Служебные слова в финно-угорских языках» [Майтинская 1982], в которой рассматриваются три категории служебных слов: предлоги / послелого, союзы и частицы. На основе сопоставления материалов финно-угорских языков сделаны теоретические выводы, выявлены закономерности функционирования служебных слов, описаны связи служебных частей речи со знаменательными словами, определены особенности служебных слов. Союзам в работе посвящена отдельная глава. Автор обращает внимание на определение союза, приемлемое для большинства языков, которое нуждается в ряде уточнений: «Союзами обычно называются служебные слова, выражающие связь между словами, словосочетаниями или предложениями» [СКЯ 1955: 270; КПЯ 1962: 309; Керт 1971: 219]. Ссылаясь на Е. Т. Черкасову, К. Е. Майтинская вносит уточнения в определение союза: «Союзы, как и предлоги и послелого (релятивные слова), выражают отношение. Но в отличие от релятивных слов, которые служат формальным средством соединения имен (местоимений) с другими словами в словосочетании или предложении, союзы соединяют не слова, а синтаксические единицы – члены предложения или части сложного предложения» [Майтинская 1982: 78]. В описательных грамматиках союзы обычно классифицируются по семантике (функциям). Для данного труда проводить такую классификацию автор считает нецелесообразным, «поскольку даже союзы неродственных языков по семантике (функциям) мало отличаются»; целесообразной же считает классификацию союзов по их расположению в предложении: «классификация союзов по их расположению представляет известный интерес, поскольку связана с вопросом развития сложных предложений или сочетаний однородных членов предложения»

[Там же: 79–81]. Союзы рассматриваются также по происхождению, по структурным особенностям. Выявлены пути обособления союзов от слов-источников, дается относительная хронология формирования категории союзов в финно-угорских языках [Там же: 78–115].

1.6. Союзы древнезырянского языка

К. Редей, рассматривая сочинительные и подчинительные союзы коми языка, подразделяет их в хронологическом плане на: 1) союзы древнезырянского языка; 2) союзы современного коми языка.

Сочинительными союзами древнезырянского языка автор называет: а) заимствованные из церковнославянского языка: *a* ‘а, но’; *i* ‘и’; *no* ‘но, зато’; б) внутреннего происхождения (по терминологии К. Редей): *ses* ‘и, и потом’, *čč-kε* ‘но, а’, который считает словом-неологизмом древнего языка коми: *čč* ‘вместе’, *kε* ‘когда’.

Как отмечает К. Редей, все подчинительные союзы древнезырянского языка исконные: *kε* ‘если’; *kjten* ‘где’; *veveś* ‘потому что, поскольку, так как, как’; *veveśkjđ* ‘так как’; *kôd* ‘кто, который’; *kuž*, *kuži*, *kuži*, *kužik* ‘как, каким образом’; *kuž-kε* ‘когда’; *kučem-kε* ‘как, каким образом’; *med* ‘что’ (союз цели). *veveś*, *kuž-kε*, *kučem-kε* исследователь определяет как слова-неологизмы древнезырянского языка, *veveśkjđ* – как неологизм старого коми языка [Редей 2005: 228–234].

Что касается союзов *вэвэс*’, *вэвэс’кыд*, вызывает сомнение, что они являются собственно коми союзами. По предположению В. И. Лыткина, слово *вэвэс*’ в древнепермском языке могло представлять удвоенное местоимение *вэс*’ ‘все, весь’: *вэвэс*’ < *вэс*’-*вэс*’ (для достоверности факта исследователь сравнивает с русскими союзными словами «*все-таки*», «*все же*») и употреблялось в значении русских союзных слов «что», «потому что», «так как» (славянское «яко») [Лыткин 1952: 70–71; 124].

О русском происхождении древнезырянских союзов *вэвэс*’ и *вэвэс’кыд* дает основание говорить еще один факт: *вэс*’ в виде специфических

местоименных форм функционирует в современных коми-зырянских диалектах (лл., вс., скр., нв., вым., уд.): *вэс'*, *вэс'өн*, *вэс'ыс* 'все, всё' [Сажина 2004: 20], которое, скорее, является заимствованным из русского обобщительно-определятельным местоимением. Нам кажется, что на формирование древнезырянских союзов *вэвэс'* и *вэвэс'кыд* повлияло русское местоимение *вс'*. Остальные подчинительные союзы исконного происхождения, в формировании которых заслуга вопросительно-относительных местоимений (*код*, *кӧ*, *кучӧм*) и местоименных наречий (*кудз*, *кудзи*, *кудзик*, *кудзы*, *кудзкӧ*, *кытӧн*).

Древнезырянские союзы *ӧӧ-ке*, *vevčs'*, *veveškid*, не выдержав конкуренции с новыми образованиями, вышли из употребления и в современном коми языке не употребляются. Союз *ӧӧ-ке* с противительным значением уступает место исконно русскому союзу *но*, который принимает активную функциональную позицию в заимствующем языке; союзы *vevčs'* и *veveškid* – союзам причинного значения: *сы вӧсна мый*, *сы понда мый*, *сийӧн мый* 'потому что; ввиду того что'.

1.7. Выводы по главе

1. Появление и развитие союзов в коми языке наглядно демонстрируют памятники древнекоми письменности, в текстах которых встречаются бессоюзные и союзные сложные предложения. В союзных сложных предложениях использовались союзы, заимствованные из церковнославянского языка и исконного происхождения, в формировании которых участвовали вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия.

2. Союзы и союзные средства рассматриваются главным образом в качестве раздела в нормативных и описательных грамматиках и работах по синтаксису. Нормативные грамматики не представляют достаточной картины союзов, дают очень краткую характеристику. Недостаточно детально описана грамматическая семантика, особенности их функционирования.

Монографических и диссертационных исследований по теме союзов немного.

3. На изучение союзов в российских финно-угорских языках, как отдельного разряда служебных слов, сильное влияние оказала русская грамматическая традиция, что отразилось в грамматиках, появившихся в 50–60-ые г. XX столетия.

4. Большой вклад в освещение вопросов по союзам внесла К. Е. Майтинская в работе «Служебные слова в финно-угорских языках» [Майтинская 1982]. Автор вносит уточнения в определение союза; для данного труда считает целесообразным проводить классификацию союзов по их расположению в предложении, поскольку связана с вопросом развития сложных предложений или сочетаний однородных членов предложения; дает относительную хронологию формирования категории союзов в финно-угорских языках.

5. Существенный вклад в изучении вопросов по союзам в коми языке внесла последняя по времени издания грамматика «Ӧнія коми кыв. Морфология» (Современный коми язык. Морфология) [ӦКК 2000], в которой союзы получили наиболее полное описание.

ГЛАВА 2. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Сочинительные союзы служат для связи (соединения) однородных членов предложения, предикативных частей сложносочиненного предложения и самостоятельных предложений в тексте.

Сочинительные и подчинительные союзы отличаются не только по типу выражаемых ими синтаксических отношений, но и по степени семантической слитности с теми синтаксическими единицами, взаимоотношения которых выражают, а также по своему месту в предложении. Сочинительные союзы занимают обычно интерпозицию – позицию между соединяемыми единицами, – не входя ни в одну из них (исключение составляют повторяющиеся союзы типа *и ... и, ли ...ли, то ... то* и др.). А. М. Пешковский отмечал, что сочинительные союзы «не только физически, но и по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нисколько ни с одной из них» [Пешковский 1956: 464].

2.1. Значение и семантическая классификация сочинительных союзов

В зависимости от значения и грамматических особенностей союзов в том или ином языке сочинительные и подчинительные союзы могут, в свою очередь, подразделяться на семантические подгруппы. Классификаций русских сочинительных союзов много, но есть общепринятое трехчастное деление сочинительных союзов на *соединительные, противительные и разделительные*. Кроме трех названных семантических классов часто выделяют и другие, к примеру, классы сопоставительных (или градационных), присоединительных, союзы следствия и пояснительные союзы [Карелсон 1959: 7; Керт 1971: 219–220; Шанский, Тихонов 1981: 251], «Однако выделение этих классов базируется уже на других основаниях, не на

тех, которые положены в основу «трехчастного» разделения сочинительных союзов» [Санников 2008: 178].

В. З. Санников рассматривает в качестве основного, классифицирующего семантического признака сочинительных союзов отношение к реальной действительности, т.е. реальность / возможность / нереальность компонентов. По этому признаку, по мнению исследователя, русские сочинительные союзы могут быть разделены на три класса: соединительные, разделительные, заместительные [Санников 2008: 349]. Что касается данной семантической классификации, исследователь отмечает еще одно важное обстоятельство: «Деление русских сочинительных союзов на соединительные, разделительные и заместительные хорошо согласуется с их синтаксическими свойствами и прагматикой» [Санников 2008: 178–182].

Большинство сочинительных союзов в коми языке заимствовано из русского языка или представляет кальку с русского. В последней научной грамматике коми языка сочинительные союзы разделены на следующие семантические группы:

а) соединительные: *и* ‘и’, *и ... и* ‘и ... и’, *да* ‘и’, *ни* ‘ни’, *ни ... ни* ‘ни ... ни’;

б) противительные: *а* ‘а’, *но* ‘но’, *да* ‘в значении но’, *зато* ‘зато’, *жӧ* ‘же’;

в) разделительные: *али* ‘или’, *либӧ* ‘либо’, *либӧ ... либӧ* ‘либо ... либо’, *ли* ‘или’, *ли ... ли* ‘или ... или’, *не то ... не то* ‘не то ... не то’, *нисьӧ* ‘не то ... не то, то ли ... то ли’, *то ... то* ‘то ... то’, *то ли ... то ли* ‘то ли ... то ли’;

г) сопоставительные (градационные): *кӧть – но* ‘хотя и – но’, *кӧть и – но* ‘хотя и – но’, *кӧть – а* ‘хотя – а’, *кӧть – да* ‘хотя – да (но)’, *дарӧм – а* ‘хотя и – а; несмотря на то, что – а; даром что – а’, *кыдзи – сідзи* ‘как – так’, *не сідз – кыдз* ‘не так – как’, *не (эз) сӧмын – но и* ‘не только – но и’, *не сымында – мыйта* ‘не столько – сколько’;

д) присоединительные: *а сідзжӧ* ‘а также’, *да и* ‘да и; и’, *дай* ‘да и; и’, *а то и* ‘а то и’, *да и то* ‘да и то’ [ÖKK 2000: 491–497].

В синтаксическом аспекте русские сочинительные союзы исследуются давно. Имеется множество работ по частным вопросам, содержащих ценные наблюдения и богатый фактический материал. Однако, что касается проблемы изучения значения сочинительных союзов, господствующей является точка зрения о многозначности сочинительных союзов. Зачастую имеющиеся толкования сочинительных союзов – это, в сущности, толкование предложений с сочинительными союзами. По справедливому замечанию А. М. Пешковского, «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский 1959: 142].

В отечественной лингвистике широко распространено представление об отсутствии у сочинительных союзов (и других служебных слов) лексического значения или «элементарности» этого значения. Некоторые исследователи сомневаются в справедливости такого положения [Вежицкая 1983: 236–237].

Актуальной задачей отечественной лингвистики на современном этапе является разработка теоретических и практических вопросов в области семантики. Значительные достижения семантических исследований последних десятилетий обусловили необходимость переосмысления языковых фактов и поиски иных путей интерпретации значения слова.

Анализ сочинительных союзов убеждает в том, что даже так называемые «основные» сочинительные союзы – *и, да, а, но* имеют значение и нуждаются в толковании. Так, В. З. Санников в работе «Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве» дает детальное, основанное на широком применении лингвистического эксперимента, описание значения большого числа русских сочинительных союзов [Санников 2008: 185–335].

Лингвистический эксперимент, «громадную роль которого настойчиво подчеркивали в 20-ых годах прошлого столетия А. М. Пешковский и особенно Л. В. Щерба», хотя, по замечанию В. З. Санникова, «возможности этого метода до сих пор используются недостаточно» [Санников 2008: 32,

33], является основным из способов, обеспечивающим большую точность описания значения языковых единиц и позволяющим «очистить» значения слова (в данном случае сочинительного союза) от семантических компонентов, принадлежащих другим словам.

При лингвистическом эксперименте «мы <...> должны оперировать тщательно подобранными примерами, по возможности, исключаящими воздействие добавочных факторов, и экспериментировать с этими примерами (например, заменять слово его синонимом, изменять тип речевого акта, расширять фразу за счет диагностирующего контекста и т.п.» [Санников 2008: 33]. При таком подходе многие сочинительные союзы, признаваемые многозначными, оказываются однозначными.

В ходе исследований был накоплен соответствующий материал и сделаны наблюдения, касающиеся значения и функционирования сочинительных союзов в коми языке. В данной главе проводится более полная инвентаризация сочинительных союзов в коми языке, выявляются их происхождение и значение, с точки зрения синтаксической типологии анализируется грамматическая семантика, выявляются функциональные особенности.

2.1.1. Соединительные союзы

Соединительные союзы указывают на то, что оба описываемых события имеют место; служат для связи синтаксических единиц «на основе равноправия, однофункциональности, полной позиционной равнозначности» [РГ 1980 II: 617].

И ‘и; а; но’.

По происхождению союз *и* является заимствованным из русского языка и относится к раннему пласту русских заимствований, он встречается уже в памятниках древнепермской письменности XIV в.

Словари и грамматики русского языка фиксируют многозначность союза *и*. Наибольшее количество значений приведено в «Большом

академическом словаре русского языка». Кроме отношения «чистой конъюнкции», куда могут быть включены отношения, называемые в словаре «объединительным», «перечислительным», «присоединительным» и «отношением однородности», в словаре выделены следующие значения союза *и*: «одновременности», «последовательности», «причинно-следственное», «условно-следственное», «сопоставительно-противительное», «отождествительное», «обобщительное», «результативное», «усилительное», «выделительное», «уступительное» [БАСРЯ 2007, Т. 7: 9–11].

А. М. Пешковский считал, что было бы ошибкой видеть в союзе *и* выразителя распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных и т.п. отношений; это значило бы, что «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский 1959: 142].

Для современного коми языка характерно широкое употребление синтаксических конструкций с союзом *и*, в которых между соединяемыми величинами выражаются различные смысловые отношения. Однако в выражении всех этих отношений заслуга не союза *и*, а других средств: интонации, порядка следования компонентов и их морфологических характеристик. Там, где дополнительные компоненты не имеют места, союз *и* обозначает «чистую конъюнкцию», не осложненную добавочными элементами смысла. В таких случаях компоненты равноценны, и поэтому никакие другие сочинительные союзы невозможны. В предложениях: *Гӧгрӧс чужӧма, ёсиник ныра Лёня тушанас и арлыднас медся ичӧт, сійӧ сӧмын на помалис коймӧд класс* (Коданев 1979: 114) ‘Круглолицый, немного остроносый, Леня ростом и по возрасту младше всех, он только еще закончил третий класс’, *А мупытшиса озырлунъясыс! Тани эм из шом и нефть, кӧрт и свинеч, зарни и эзысь* (Пыстин 1987: 182) ‘А полезных ископаемых! Здесь есть каменный уголь и нефть, железо и свинец, золото и серебро’, *Аддзис, локталӧны гортаныс рабочӧйяс да служащӧйяс, томъяс и пӧрысьяс,*

мужичёйяс и нывбабаяс (Попов 1986: 52) ‘Увидел, идут домой рабочие и служащие, молодые и пожилые, мужчины и женщины’ союз *и* соединяет однородные члены, компоненты которых равноценны, и между которыми другие сочинительные союзы недопустимы. На первый взгляд может показаться, что союз *и* здесь можно заменить союзом *да*. Вероятно, такое мнение ошибочно, поскольку союз *да* по значению существенно отличается от союза *и* (см. ниже).

Фактический материал коми языка убеждает нас в том, что союз *и* в конструкциях между соединяемыми им компонентами кроме своего основного соединительного значения может выражать соединительно-отождествительные, временные, причинно-следственные, условно-следственные, сопоставительно-противительные, присоединительные значения. Но все эти значения раскрываются в контексте.

Соединительно-отождествительные отношения наблюдаются в сложносочинённых предложениях между предикативными частями. При таких отношениях между действиями и признаками лиц и предметов, о которых говорится в составляющих частях, устанавливается тождество или сходство. При установлении тождества сказуемое первого компонента повторяется во втором компоненте или вообще опускается. Примеры: *Кывзысьяслы долыдджык, да и, кажитчö, машина көлесаяс öдйöджык тюрöны, озджык зöркйöдлы, и кадыс котöрöн мунö* (Игнатов 1988: 259) ‘Слушающим веселее, да и, кажется, колеса машины быстрее катятся, не так встряхивает, и время бежит’; ... *лöзьюгыдöн мунасны да пемыдöн локтасны; ачыс [Ардадьон] лым сюръя кодь, и понйыс голякылö йизьöм гöннас* (Юшков 1981: 346) ‘... на рассвете уходят и затемно приходят; сам [Ардадьон] как (досл. снежный столб), и собака позвякивает обледеневшей шерстью’; *Ме пукалi лöня, и вöрын шы ни тöв, а мышкын, кылö, кодкö шарöдчö* (Раевский 1988: 139) ‘Я сидел тихо, и в лесу тишина, а за спиной, слышу, кто-то шуршит’.

Временные отношения выражаются между однородными членами и предикативными частями в сложносочинённых предложениях и выступают как отношения одновременности или последовательности действий, явлений, состояний, событий, фактов. В одних случаях действия, явления, состояния, события, факты, о которых говорится в составляющих частях конструкции, совпадают во времени, в других – следуют друг за другом. Значение одновременности может передаваться: 1) формами глагола одного и того же времени в составляющих частях, напр.: *Отчыд сы дорті [пелысь пу дорті] мунигён ме друг шемёсми: видзёда и ог эскы аслам синъяслы* (Раевский 1988: 134) ‘Однажды, проходя мимо нее [рябины], я вдруг удивился: смотрю и не верю своим глазам’; – *Ачыд тёдан. Ме тай жаритчи и пёжаси-а. – Калиса выльысь копыртчис град весьтё* (Безносиков 1973: 17) ‘– Сам знаешь. Я ведь жарила и пекла. – Калиса снова нагнулась над грядкой.’; 2) разновыраженными сказуемыми: в одном компоненте – глагольным, в другом – именным, напр.: *Луныс лои шоныд, и зэв ёна дёсадитчисны номьяс* (Игнатов 1988: 10) ‘День был теплый, и очень сильно досаждали комары’; ... *а асла [Викенльён] веськалёма нин унмыс, юрыс сёдз и быдлаті шойччёма* (Торопов 1995: 6) ‘... а сам [Викентий] выпался, голова свежая и полностью отдохнувший’.

В выражении отношения временной последовательности действий, явлений, событий, состояний, фактов играет важную роль порядок размещения составляющих компонентов сочинительной конструкции, который непосредственно отражает естественную последовательность действий, явлений, событий, состояний, фактов в реальной действительности. Примеры: *Видзёдлі понёльяс сайё и чуйми: нейджыд пу дорын зымвидзё ыджыд, мича гёрд гоб, а сы гёгёр чеччалё ур* (Раевский 1988: 140) ‘Посмотрел за хвойную поросль и удивился: возле небольшого дерева стоит большой, красивый подосиновик, а вокруг него прыгает белка’; *Друг ылькнитіс тёвру, и тыыс серёссис* (Там же: 87) ‘Вдруг подул легкий ветерок, и озеро стало рябить’. Значения одновременности и

последовательности подчёркиваются введением в последующий компонент сочинительной конструкции специальных слов и сочетаний с временным значением – обстоятельства времени. Такими являются наречия *бөр* ‘снова, вновь, опять’, *вöлись (вöлисти)* ‘только; потом’, *öттиöтти* ‘одновременно; вместе’, *пыр жö* ‘сейчас же, сразу же, тотчас же’, *сэссия* ‘затем, потом’ и т.д., напр.: *Улö-улö копытчыла пожöмлы, и сьöлöм вылын пыр жö лоö кыыд* (Коданев 1979: 91) ‘Низко-низко поклонюсь сосне, и на сердце сразу же становится радостно’.

Временные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* нередко осложняются **причинно-следственными отношениями**, появление которых объясняется тем, что совершившееся действие, явление или состоявшееся какое-либо событие является причиной возникновения другого. Важным синтаксическим средством выражения причинно-следственных отношений является порядок расположения частей сочинительной конструкции: составляющая с причинным значением находится в препозиции, со следственным – в постпозиции. Это объясняется логической последовательностью высказывания: вначале проявляется причина, из которой вытекает следствие. Примеры: *Ыбьяс вылын лымйыс шнёпкысис-вöйис, и абу нин тöлын кодь син ёран югыд* (Раевский 1988: 41) ‘Снег на возвышенностях осел, стал рыхлым, и не такой уже ослепительно яркий, как зимой’; *Куим лун сйö [Ракин] эз вöв гортас, и сьöлöмыс майшасьышитискодь* (Напалков 1988: 99) ‘Три дня его [Ракина] не было дома, и на сердце было немного тревожно’.

В сочинительных конструкциях с союзом *и* отношение причины и следствия между составляющими компонентами особенно отчётливо выражается в том случае, когда соединительный союз *и* сопровождается местоимениями *та вöсна* ‘поэтому’, *сы вöсна* ‘потому’, *сйөн* ‘потому’ и др., напр.: *Барановалөн со и вом дорьясыс нин удитöмаöсь лöзöдышитны кöдыдысла, и буретти та вöсна синьясыс букышöсь* (Безносиков 1985: 48) ‘У Барановой вот уже и губы успели немного посинеть от холода, и именно

поэтому глаза хмурые'; *Мусюр мылькдорса бурөвөйын вөлі аслас аппаратура комплект, да тайө бурөвөйсыс аскөдныс нуны нинөм эз ков, и сійөн нин вөлі кокныдджык* (Игнатов 1988: 211) 'На буровой возле возвышенности был свой комплект аппаратуры, и с этой буровой брать с собой ничего не нужно было, и поэтому уже было легче'.

Временные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* могут осложняться также **условно-следственными отношениями**, которые наблюдаются только между предикативными частями в сложносочинённых предложениях, между однородными членами – нет. Первая часть таких конструкций выражает условие, при наличии которого происходит или возможно то, о чём говорится в другой части. Грамматическим средством выражения условно-следственных отношений, как и причинно-следственных, является порядок расположения составляющих компонентов сочинительной конструкции. Компонент, содержащий условие, всегда находится впереди компонента, который выражает следствие.

Условно-следственное значение ярче проявляется в таких сочинительных конструкциях, в которых сказуемое в обусловливающей части выражено глаголом в форме повелительного наклонения, а во второй части – со следственным значением – глаголом в форме изъявительного наклонения будущего времени, напр.: *Ов йөзлы бур вылө, и найө некор оз вунөдны тэнө* (Плесовский 1983: 118) 'Живи для блага людей, и они тебя никогда не забудут'; *Дядь меным гижө: петкөдлы асьтө бур боксянь медся кыв кутана уджын, и армия бөрын ме пыр жө босьта тэнө ас дорө* (Тимин 1990: 49) 'Дядя мне пишет: покажи себя с хорошей стороны на самой ответственной работе, и после армии я сразу же возьму тебя к себе'.

Союз *и* кроме своего основного соединительного значения может выступать в функциях союзов *а, но* и выражать **сопоставительно-противительные отношения**, которые находят своё отражение в структуре сложносочинённого предложения между его предикативными частями, где

говорится о предметах или действиях, сопоставляемых или противопоставляемых друг другу в каком-либо отношении.

При сопоставительных отношениях функция союза *и* близка к функции сопоставительного союза *а*. В данном случае в выявлении сопоставительных отношений между составляющими частями важную роль играет контекст. Сопоставительная связь осуществляется через сказуемые. Сопоставление может вестись в одном временном плане и в разных временных планах: – *Ныр вылад сутикысьтöдз тільсян, и тэнсьыд жö ставсö дарöм босьтöны* (Торопов 1989 : 12) ‘– До изнеможения трудишься, и (а) у тебя же и все даром забирают’; *Уджалим тöвбыд, и ставыс петі асланым нянь вылö да вöвлы зөр вылö* (Пыстин 1987: 19) ‘Работали всю зиму, и (а) всего получилось самим на хлеб (пропитание) и лошади на овес’.

При противительных отношениях функция союза *и* близка к функции противительного союза *но*. Противительные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* создаются на основе реального содержания составляющих частей. Эти отношения ярче выражаются в тех случаях, когда одна из предикативных частей является отрицательной, напр.: *Валялön руд синьяс весьтын кутісны бергавны пемыдгöрд кытшыяс, а вомыс калькмуніс. Кöсийö шыасьны, и оз вермы* (Безносиков 1994: 25) ‘Перед серыми глазами Валентины стали мелькать темно-красные круги, а рот приоткрылся. Хочет обратиться, и (но) не может’.

Наиболее отчётливо противительные отношения выражаются в таких сочинительных конструкциях, в которых сказуемое первой части выражено глаголом со значением желания, намерения, а во второй части указывается на невыполнение или невозможность выполнения по какой-то причине этого желания, намерения, напр.: *Паськöдліс позялём бордьяссö [энь сюзь] да кöсийліс нин лэбзыны, и кыліс болскöм* (Юшков 1981: 8) ‘Раскинула было онемевшие крылья [сова] и хотела было уже улететь, и (но) слышались звуки шлепанья по воде’.

Союз *и*, соединяя две противопоставляемые друг другу части, может употребляться в сочетании с частицей *век жё* ‘всё же’, которая даёт добавочное значение – уступительное, напр.: *Уна фашистскöй танк лои жугöдöма, и век жё ми этиша вермим мунны водзö* (Осипов 1979 : 7) ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, но все же нам мало удалось продвинуться вперед’.

Союз *и* в современном коми языке может выступать в **присоединительном** значении [СКЯ 1967 II: 199; Попова 1999: 152]. Присоединительные отношения находят своё отражение в структуре простого предложения, сложносочинённого предложения между его предикативными частями сложного синтаксического целого между составляющими его отдельными предложениями. Конструкции с присоединительными отношениями представляют собой синтаксическое построение, состоящее из двух частей, одна из которых включает основную мысль высказывания, а вторая всегда имеет добавочный характер по отношению к семантике основной части высказывания. Основным синтаксическим средством выражения присоединительных отношений является порядок расположения составляющих частей: в любом случае добавочной части характерна постпозиция по отношению к основной части высказывания. Сообщения, присоединяемые союзом *и*, не только дополняют, уточняют мысль основного высказывания, но и осложняют выделительно-усилительным значением.

С помощью союза *и* могут подключаться: а) однородные члены с оттенком добавочности, напр.: *Старик полис воштыны писö – велöдчас да вермас эновтчыны көр видзöмысь, сідзкö, и пöрысь батьысь* (Рочев 1980: 15) ‘Старик боялся потерять сына – выучится и может отказаться от оленеводства, значит, и от старого отца’; б) слово или словосочетание, вынесенное за пределы основного высказывания, которое может характеризовать главный или второстепенный член, дать что-то новое: *«Коралöны öд менö пöрысьö-нэмö. ... Ставнытö пö верда и уда, ог öбидит.*

Овмөдча али оз?.. Висьталёй, бобёяс, и регыдджык. Тян мам» (Безносиков 1973: 102) ‘«Замуж ведь меня на старости лет зовут. ... Всех, мол, буду кормить и поить, не обижу. Выходить или нет?.. Скажите, милые, и скорее. Ваша мама.»’, – *Эк тэ, ещö вöралысьöн көсьян лоны. Йöра таті гөнитöма, и дзик на неважöн* (Коданев 1979: 13) ‘– Эх ты, еще охотником хочешь быть. Лось здесь пробежал, и совсем еще недавно’; в) предложения, которые по своему содержанию являются дополнительным сообщением, пояснением или замечанием к предыдущему предложению, напр.: *Питирим ёна томджык Степан Федорович серти, комын сайö сылы, и мыгöрнас тöдчымöн ичöтджык* (Торопов 1976: 8) ‘Питирим намного моложе Степана Федоровича, за тридцать ему, и заметно меньшего роста, телосложения’.

Часто союз *и* с присоединительным значением сопровождается синтаксически специализированными словами. В основном это вводные компоненты (*торйöн нин* ‘в особенности’, *зэв нин* ‘в особенности’), некоторые частицы, чаще усилительно-выделительного и присоединительного значения (*весиг* ‘даже’, *ещö* ‘ещё’, *нöшта* ‘ещё’, *тшиöтши* ‘тоже’), вносящие смысловые оттенки добавления, выделения, напр.: *Весиг быдмögъяс сертиыс позьö торйöдны: конгломерат вылас нити кындзи пöшти нинöм оз и быдмы, а «депрессияясас», воргаясас, быттьö посныдик долинаясын – и кустъяс, и турун, и весиг дзоридзъяс* (Игнатов 1988: 39) ‘Даже по растениям можно определить: на конгломерате кроме мха почти ничего не растет, а в «депрессиях», в желобах, как будто в маленьких долинах – и кусты, и трава, и даже цветы’.

Союз *и* может употребляться в «начинательной» функции, как бы присоединяя предложение к предшествующему контексту: *Куим кукань петöмаöсь йөр сайö, мунöмаöсь кыр йылö. И öти на пиысь усьöма кыр горулö* (Изьюров 1984: 138) ‘Три теленка вышли за загон, пошли на обрывистый берег. И один из них упал под обрыв’; *Трактор кодъыс жö ён да уджач пыр вöвлі [Степан]. И киподтуя* (Куратова 1989: 142) ‘Сильным и работающим, как трактор, всегда был [Степан]. И мастеровым’. Лексема *и*

в построениях такой организации выполняет начинательно-присоединительную функцию, связанную с организацией текста. Такое построение текста характерно для русских письменных памятников. Как известно, древнерусский текст организовывался по принципу «цепочного нанизывания». «Средством соединения предикативных единиц в линейном ряду были союзы *и, а, да*, поэтому текст разворачивается по характерному для устной спонтанной речи принципу присоединительности» [Тихомирова 1987: 94].

Союз *и* также может занимать позицию после присоединяемой части, напр.: *Олѡ ныв ордас, а пыр сакѡ сійѡс, челядьсѡ видѡ и* (Попов 1986: 39) ‘Живет у дочери, а постоянно бранит ее, и детей ругает’; *Морѡсѡс бытъѡ изъялісны, горшѡй гѡрддзасис и* (Безносилов 1985: 153) ‘На грудь мою будто положили камни, и застряло в горле’, *Судзсянаджыка олысьяслысь нянь и скѡт мырддѡны, му и видз. Керкаяссѡ и...* (Торопов 1989: 12) ‘У более зажиточного населения хлеб и скотину отнимают, землю и луга. И дома...’; *ѡтнас-ѡ сійѡ [Ирина тѡтка] быдтіс нѣль челядьсѡ? Эз ѡмѡй сылы, дѡвалы, отсавны? Колхоз и. Государство и* (Попов 1986: 52) ‘А одна ли она [тѣтка Ирина] вырастила четверых детей? Разве ей, вдове, не помогали? И колхоз. И государство’.

И ... и ‘и ... и’.

Повторяющийся союз *и ... и* в русистике обычно рассматривают как вариант союза *и*. В конструкциях с *и ... и* между соединяемыми им компонентами видят выразителя соединительно-перечислительных отношений. В «Русской грамматике» *и...и* выделен как особый сочинительный союз [РГ 1980 II: 618], однако по значению этот союз признается синонимичным союзу *и*; как отмечает В. З. Санников «с чем трудно согласиться». По мнению исследователя, в смысл союза *и ... и* входит компонент «больше нормы», который «особенно отчетливо выступает при указании на количество» [Санников 2008: 297–298].

Рассмотрение фактического материала убеждает в том, что в конструкциях с союзом *и ... и* в коми языке также обнаруживается значение «больше нормы», напр.: *Сійӧ вотӧма и ӧмидз, и сэтӧр, и чӧд* ‘Он (а) собрал(а) и малину, и смородину, и чернику’ (= ‘Он(а) собрал(а) много’). В подобных конструкциях, по справедливому замечанию В. З. Санникова, «союз *и ... и* допускает постановку во фразе слов, указывающих на большое количество» [Санников 2008: 298]. Ср.: *Сійӧ вотӧма уна: и ӧмидз, и сэтӧр, и чӧд* ‘Он (а) собрал(а) много: и малину, и смородину, и чернику’; но он не может сочетаться со словами, указывающими на малое количество, напр.: *неуна* ‘немного, немножко’, *этиша* ‘мало’, *сӧмын* ‘только, всего лишь’ и т.п.

Во многих случаях употребления союза *и ... и* исследователь видит смысл ‘много’, однако предпочитает толковать этот союз не через компонент ‘много’, а через компонент ‘больше нормы’ по следующим причинам: 1) компонент ‘много’ (ссылаясь на Ю. Д. Апресян) сам определяется через понятие нормы: *много* = ‘больше нормы’; 2) имеются случаи, когда союз *и ...и* допускает толкование ‘больше нормы’, но не может быть истолкован через компонент ‘много’, – в частности, при указании на два предмета [Санников 2008: 299].

В. З. Санников указывает также на интересные и, на его взгляд, не отмеченные исследователями, употребления союза *и ... и*, когда «этот союз сближается по значению с разделительными союзами», что обнаруживается в конструкциях, где описываются узуальные ситуации [Санников 2008: 300]. *Водз асывнас сиктын и петук горӧдлас, и мӧс бакӧстлас, и пон увтышитас* ‘Рано утром в селе и (то) петух крикнет, и (то) корова замычит, и (то) собака залает’. В данном случае союз *и ... и*, скорее, является разделительным, близким по значению союзу *то ... то*.

В русском языке союз *и ... и* ставится перед каждым соединяемым компонентом, в коми языке может употребляться как перед каждым соединяемым компонентом, так и после. При таком употреблении союза *и ... и* также обнаруживается значение больше нормы, и союз *и ... и* также может

допускать постановку во фразе слов, указывающих на большое количество. Примеры: *Бур кӧзьеваыс и, винакторйыс и, мича Ӧдюкыс и – ставыс чужтисны сы пытикын овны радейтӧм* (Юхнин 1983: 25) ‘И хорошие хозяева, и вино, и красивая Одюк – все пробудило в нем любовь к жизни’; - ... *А ме ӧмӧй абу кӧзьяин? Керка и, мӧс и, кань и...* (Льпуров 1988: 61) ‘- ... А я разве не хозяин? И дом, и корова, и кошка...’; *Долыд вывсьыс Наталь самӧвар чуйдӧс пуктыны, а сэсся мыйсӧ на эз ваяв пызан вылас: чери латкатӧ и, сола тшаактӧ и, пувтӧ и* (Юшков 1988: 159) ‘От радости Наталья решила поставить самовар, а затем чего только не принесла на стол: и плоску с рыбой, и соленые грибы, и бруснику’.

Да ‘и; но’.

В словарях и грамматиках коми языка *да* указывается как союз сочинительной и подчинительной связи, функция которого, по мнению Д. В. Бубриха, зависит от его местоположения в предложении [Бубрих 1949: 191]. Однако сочинительное и подчинительное значения восходят к разным источникам.

Сочинительная функция союза *да* восходит к «готовому» русскому союзу *да* [Майтинская 1982: 90].

Самые ранние упоминания слова *да* как сочинительного союза зафиксированы в текстах И. И. Лепёхина конца XVIII в. [Лыткин 1952: 157]. В сочинительном значении союз *да*, как заимствованный из русского языка, приводится также в грамматике П. Савваитова [Савваитов 1850: 80], в словаре Й. Калимы [Kalima 1910: 63].

Союз *да* используется преимущественно в художественной литературе и разговорной речи, фольклоре. В стилистическом отношении является нейтральным. Чаще бывает одиночным (в сочинительных конструкциях соединяет не более двух однородных компонентов), но может и повторяться. Повторно может употребляться в разговорной речи и фольклоре, в письменной речи редко. Однако, в отличие от союза *и*, не употребляется перед первым соединяемым компонентом. По своей функции близок к союзу

и, но отличается от него тем, что придает связи между соединяемыми компонентами оттенок присоединения. Поэтому для союза *да* характерно соединительно-присоединительное значение.

Существующее мнение о синонимичности соединительных союзов *да* и *и*, скорее, ошибочно [Санников 2008: 304]. В ряде случаев замена союза *и* на союз *да* невозможна. Ср.:

(1) *Найö мөдiсны чукөртчыны, и ми мөдiм чукөртчыны* ‘Они начали собираться, и мы начали собираться’.

(2) *Найö мөдiсны чукөртчыны, да ми мөдiм чукөртчыны* ‘Они начали собираться, да мы начали собираться’.

В данном высказывании союз *да* не может заменить союз *и*, поскольку союз *да* по значению существенно отличается от союза *и*, чем и объясняется недопустимость использования союза *да* в приведенном примере.

Союз *да* ‘и’ употребляется **для соединения** двух понятий, выражаемых однородными членами: *Став туша кузяыс сялькнитiс шоныд да небыд гы* (Попов 1986: 9) ‘По всему телу прошла (букв. плеснула) теплая и мягкая волна’; *Дыр да гораа йöз кекеначалiсны* (Там же: 10) ‘Долго и громко люди аплодировали’; *Сьöлöмыс любöысла да мудзöмысла тiралiс* (Там же: 10) ‘Сердце от радости и усталости дрожало’; *Выль волы паныда лунö волiсны пединститутö да техникумьясö* (Напалков 1988: 52) ‘В день перед новым годом ходили в пединститут и техникумы’; 2) двух синтаксически равнозначных предложений: *Сöмын ме öтнамöн коля пукавны, да лöнь войыс тшöтш кывзö на тöлысьвывса ворсысьöс* (Игнатов 1988: 29) ‘Только я один остаюсь сидеть, и тихая ночь тоже слушает еще играющего на луне’.

В смысл союза *да*, подобно союзу *и ... и*, при указании на количество, входит компонент «норма». Для сравнения рассмотрим конструкции с союзами *и, и ... и, да*.

(1) *Бать вотöма ельдöг и ягсер* ‘Отец собрал грузди и волнушки’.

(2) *Бать вотöма и ельдöг, и ягсер* ‘Отец собрал и грузди, и волнушки’.

(3) *Бать вотõма ельдõг да ягсер* ‘Отец собрал грузди да волнушки’.

В первом предложении с союзом *и* нет количественной оценки. Во втором – союз *и ... и* вносит, как уже отмечалось выше, значение ‘много’; в третьем – союз *да* вносит, напротив, значение ‘мало’. Отсюда напрашивается вывод: союзы *и ... и* и *да* предстают как союзы-антонимы.

Нужно отметить, что союз *да* сочетается с наречиями, указывающими на малое количество (*этиша* ‘мало’, *сõмын* ‘только’ и др.). Однако союз *да* не всегда указывает на малое количество. Подобно союзу *и*, союз *да* в сочинительных конструкциях между соединяемыми им компонентами способен выражать различные смысловые отношения, в выражении которых есть заслуга других средств.

Временные отношения, выступающие как отношения одновременности или последовательности действий, явлений, признаков и состояний предметов.

Значение **одновременности** может передаваться: 1) формами глаголов одного и того же времени в составляющих частях, напр.: *Ме кывзi сийõс да шензи: мыйтõм выныс пуõ Леонтий Петровичын* (Шахов 1988: 200) ‘Я слушал его и удивлялся: сколько энергии кипит в Леонтие Петровиче’; *Либõ пуксяс орччõн, сетас карандаш да корõ мыйкõ рисуйтны* (Попов 1986: 33) ‘Или сядет рядом, даст карандаш и просит что-нибудь нарисовать’.

Если в русском языке союз *да* не может использоваться в случае следственной зависимости и временной последовательности, то в коми языке может.

Значение **временной последовательности** может передаваться порядком размещения составляющих компонентов сочинительной конструкции, который непосредственно отражает естественную последовательность действий, явлений, событий, состояний, фактов в реальной действительности. Примеры: *Ми Юлякõд сувтiм лыжи вылõ да мõдõдчим важ мельнича дорõ* (Раевский 1988: 25) ‘Мы с Юлей встали на лыжи и отправились к старой мельнице’; *Зэрыс найõс [уртиакъяссõ]*

мыськõма да вõччõмаõсь быттьõ праздник кежлõ (Там же: 124) ‘Дождь их [сыроежки] вымыл, и они нарядились как на праздник’; *Рам морт вылын серавны оз ков: рам мортсõ ва мыськас, нянь вердас, да сийõ морт лоõ* (посл.) ‘Нельзя смеяться над смиренным человеком: смиренного вода вымоет, хлеб выкормит, и станет настоящим человеком’.

Часто союз *да*, выражая значение одновременности или временной последовательности, может сопровождаться введением в последующий компонент сочинительной конструкции специальных слов или сочетаний с временным значением: *õtтиõtти* ‘одновременно’, *бõр* ‘обратно, снова, опять’, *вõлись (вõлисти)* ‘только, потом только’, *пыр жõ* ‘сразу же’, *сэсья* ‘потом’ и т.д. Примеры: *Ирина тётя завидьтõмпырысь нимкодясис моньыслõн ортсыса мичлуннас да õттиõtти тõждысис ...* (Попов 1986: 34) ‘Тетя Ирина немного с завистью восхищалась внешней красотой невестки и одновременно беспокоилась ...’; *Пукалышитис [рака] недыр да бõр лэбис* (Раевский 1988: 18) ‘Посидела [ворона] недолго и обратно улетела’; *Дыр курччõмысь Оксенлõн дубалис сойыс да вõлись воис ас садяс* (Безносиков 1973: 29) ‘От продолжительного укуса у Оксена онемела рука, и потом только пришел в себя’.

Временные отношения в сочинительных конструкциях также могут осложняться **причинно-следственными** и **условно-следственными** отношениями.

Важным синтаксическим средством выражения **причинно-следственных** отношений, как и с союзом *и*, является порядок расположения частей сочинительной конструкции: составляющая часть с причинным значением находится в препозиции, со следственным – в постпозиции, что объясняется логической последовательностью высказывания – в начале проявляется причина, из которой вытекает следствие. Примеры: ... *кутшõмкõ висьõм пõ кõвьясис, да ки и кок пõ турдõ, бõр пõ лоõ гортõ, паччõрõ, косны* (Юшков 1981: 229) ‘... какая-то болезнь, мол, привязалась, и руки и ноги, мол, коченеют, обратно, мол, придется домой, на печку,

вернуться’; *Коть бөрья суткинас и кӧдздӧдӧс да бурӧвӧй вышка йылын шутьляліс скӧр вой тӧв, бурӧвӧйын вӧлі шоныд, да Зюзев пукаліс регистратор дорын пӧрччысьӧмӧн, пинжак кежсьыс* (Игнатов 1988: 210)

‘Хотя и в последние сутки похолодало и на верху вышки буровой свистел злой северный ветер, на буровой было тепло, и Зюзев сидел возле регистратора раздевшись, в одном пиджаке’. Отношение причины и следствия между частями сочинительной конструкции особенно отчетливо выражается в том случае, когда союз *да* сопровождается местоименными словами *та вӧсна* ‘поэтому’, *сы вӧсна* ‘потому’, *сӧйӧн* ‘потому’ и др., напр.: *Ышловзис [Ирина]: тӧв йылын ӧні ог овлы да сӧйӧн татшӧм чужӧмӧй* (Попов 1986: 51) ‘Вздыхнула [Ирина]: на улице (букв. на ветру) теперь не бываю, и потому лицо такое’.

Условно-следственные отношения союз *да* выражает между предикативными частями в сложносочиненных предложениях, между однородными членами – нет. Грамматическим средством выражения условно-следственных отношений, как и причинно-следственных, является порядок расположения частей сочинительной конструкции: компонент, содержащий условие, всегда находится впереди того компонента, который содержит следствие.

В сочинительных конструкциях союз *да* может выражать **сопоставительно-противительные** отношения, которые находят свое отражение в структуре сложносочиненного предложения между его предикативными частями, где говорится о предметах или действиях, сопоставляемых или противопоставляемых друг другу в каком-либо отношении.

При **сопоставительных** отношениях функция союза *да* близка к функции сопоставительного союза *а*. Сопоставительная связь осуществляется через сказуемые. Сопоставление может вестись в одном временном плане и в разных временных планах: *Нимыс мича, да сямьыс мисьтӧм* (посл.) ‘Имя красивое, а нрав плохой’, *Тьпу! Кузь юрсиыд, да*

вежсӧрыд этша (Напалков 1996: 12) ‘Тыфу! Волосы у тебя длинные, а ума мало’.

При *противительных* отношениях функция союза *да* близка к функции союза *но*. Эти отношения ярче выражаются в сочинительных конструкциях: 1) когда одна из предикативных частей является отрицательной, напр.: *Видзӧда: ӧтилаын руч кӧйялӧ, кыйӧдчӧ. Лыйны кӧть эськӧ, да буретш ружьеӧй эз вӧв сьӧрысь* (Раевский 1988: 72) ‘Смотрю: в одном месте лиса оглядывается, подстерегает. Застрелить бы хоть, но как раз ружья не было с собой’; *Дерт, эськӧ татшӧм здукад пӧ пӧсь йӧв сорӧн ош госысь бурис нинӧм абу, да кысь сийӧс босьтан* (Торопов 1988: 40) ‘Конечно, в такие минуты бы, мол, нет ничего лучше медвежьего жира с теплым молоком, но откуда его возьмешь’; 2) в которых сказуемое первой части выражено глаголом со значением желанья, намерения, а во второй части указывается на невыполнение или невозможность выполнения этого желанья, намерения по какой-то причине напр.: *Кӧсйим эськӧ качайтчышитны, да гззсӧ лэччӧдӧмаӧсь комсомолецъяс сьӧрсыйс, медым сийӧс эз орлӧдлыны* (Льжуров 1988: 51) ‘Хотели бы покачаться, но веревку комсомольцы унесли с собой, чтобы ее не оборвали’.

Союз *да* выражает противопоставление с уступительным оттенком в сочетании с частицей *век жӧ* ‘все же’ между однородными сказуемыми: *А сэки буретш мыччысис шондӧ. Буракӧ, чайшис-косявлӧс кымӧръяссӧ да век жӧ мыччысис, но радлыны сы вылӧ, вӧлӧмкӧ, нинӧмла* (Раевский 1988: 17) ‘А тогда как раз вышло солнце. Кажется, разорвало облака и все же вышло, но радоваться ему, оказывается, было нечему’.

Союз *да* в коми языке может выступать в реализации *присоединительных* отношений [СКЯ 1967: 199; Попова 1999: 152]. С помощью соза *да* могут: подключаться однородные члены с оттенком добавочности; присоединяться слово или словосочетание, вынесенное за пределы основного высказывания, которое может характеризовать главный или второстепенный член, сообщить что-то новое: *А Еним локтӧс война мӧд*

вонас, ранитчõма, да век нин мужик (Куратова 1989: 8) ‘А Епим вернулся на второй год войны, раненый, да все же мужик’.

При помощи союза *да* присоединяются предикативные части в сложносочиненных предложениях, выражающие добавочное сообщение, оценку или замечание по поводу высказанного в первом предложении [СКЯ 1967: 199], напр: – *Тэтõг на аддза! – И эскис [Анна], мый аддзас, да воясыд тай кольõны* (Куратова 1989: 79) ‘– Без тебя еще найду! – И надеялась [Анна], что найдет, да годы-то вот проходят’.

При реализации присоединительных отношений союз *да*, подобно союзу *и*, может сопровождаться синтаксически специализированными словами, вносящими смысловые оттенки добавления, выделения: *весиг* ‘даже’, *ещõ* ‘еще’, *нõшта* ‘еще’, *зев нин* ‘особенно’, *торйõн нин* ‘особенно’, напр.: – *Тõдан, Васьõ, õни ме, пõрысьладор, да ещõ нин ыли йõз муад олигõн, частõ думайтла аслам пõльяс йылысь* (Торопов 1998: 31) ‘– Знаешь, Вась, теперь я, к старости, да особенно живя вдали на чужбине, часто бывает думаю о своих предках’.

Союз *да* в коми языке может занимать позицию после соединяемого компонента, напр.: – (...) *Асьныд жõ кутанныд гажъявны, ичõтджык чой-вокныд да* (Льжуров 1988: 46–47) ‘– (...) Сами же будете развлекаться, и младшие братья и сестры’; *Медсясõ ворслывлим войнаысь, дзедсясьõмысь да* (Там же: 24) ‘Главным образом играли в войну, а также в прятки’.

В коми языке часто встречаются простые и бессоюзные сложные предложения с лексемой *да* в позиции заключительного компонента, когда *да* выполняет функцию частицы с реализацией различных субъективно-модальных оттенков значений. Одна из причин ее широкого употребления кроется в специфике синтаксических построений, которые отражают особенности спонтанной разговорной речи. Такие предложения необходимо отличать от предложений с союзом *да*.

Ни ... ни ‘ни ... ни’.

Союз *ни ... ни* ‘ни ни’ заимствован из русского языка. По значению близок к союзу *и*, служит для связи однородных членов в отрицательных предложениях и отрицательных предложений в составе сложносочиненного. В «Русской грамматике» отмечается, что союз *ни ... ни* – это «аналог» союза *и ... и* с отрицательным значением [РГ 1980 II: 618]. Нельзя сказать, что *ни ... ни* в коми языке используется активно. Чаще он употребляется для соединения однородных членов в отрицательном предложении, может соединять любые однородные члены: подлежащие, сказуемые, дополнения и др. Основной функцией союза при этом является **выделительно-перечислительная**. Однородные члены, связанные союзом *ни ... ни*, ничем не отличаются от словоформ, соединяемых повторяющимся *и ... и*: также могут быть одиночными или с распространителями, напр.: *Со кык во сайö петіс öтлаасьöмныслы, а сійö [Настя] эз тöд, мый вöчсьö Миша сьöлöмын, эз кывлы сылсь **ни** радлöм, **ни** норасьöм, шог пыкöм, **ни** ошйсьöм* (Попов 1986: 16) ‘Вот уже два с лишним года прошло с начала их совместной жизни, а она [Настя] не знала, что делается в душе Миши, не видела у него ни радости, ни жалоб, ни горести, ни хвастовства’.

Сложносочиненные предложения с союзом *ни ... ни* по структуре и форме не отличаются от предложений с повторяющимся *и ... и*: предложения образуют открытый ряд. В сложных предложениях с союзом *ни ... ни*, образованного в языке-источнике на основе усилительной частицы и сохраняющего это усилительное значение, всегда имеется добавочное усилительно-отрицательное значение.

Составной элемент повторяющегося союза *ни ... ни*, подобно повторяющемуся *и ... и*, ставится в начале каждого соединяемого им компонента. Как и союз *и ... и*, союз *ни ... ни* «может указывать на всеобщность, которая в ряде случаев подчеркивается постановкой специальных слов» [Санников 2008: 301]. В коми языке это слова типа *некод* ‘никто’, *нинöм* ‘ничто, ничего’, *некор* ‘никогда’, *некöн* ‘нигде’, напр.: **Нинöм**

оз нин ков Прокö Васькалы вывсянь усяныс: **ни** ышнясян пенсияыс, **ни** ошкõм-ыдждöдлõмыс (Юшков 1988 : 8) ‘Ничего уже не нужно Проко Ваське дармового: ни пенсии, которой можно гордиться, ни похвалы и славы’, **Некõн ни** вотõс, **ни** тшак – кысь нин тулысын, арнас и то оз быд воõ овлы (Игнатов 1988 : 180) ‘Нигде ни ягод, ни грибов – откуда уже весной, осенью и то не каждый год бывает’. Подобно повторяющемуся союзу *и ... и*, составной элемент союза *ни ... ни* может стоять также после каждого соединяемого компонента, напр.: *Оз дзобöд ни, оз шыбелит ни* (Попов 1986: 131) ‘И не трясет, и не заносит’, Ручка **ни**, карандаш **ни** ки улын абу ‘Ни ручки, ни карандаша нет под рукой’.

В русском языке союз *ни ... ни* всегда повторяющийся, в коми языке он может быть одиночным, что является особенностью употребления в языке-рецепторе. Примеры: *Пом ни дор лöзалö Эжва, став дiяссö и лыа кöсаяссö ылькнитöма* (Торопов 1995: 142) ‘Ни конца, ни края синеет Вычегда, все острова и песчаные отмели затопило’, *Налы, майбыр, шог ни гöре* (Льюров 1988: 34) ‘Им, благодать, ни горя, ни печали’, *Гашкö, Макар Иван ордас и узис [бать], ме тай локтöм ни ветлöдлöм эг кывлы-а* (Там же: 34) ‘Может, у Макар Ивана и ночевал [отец], я же ни возвращения, ни ходьбы не слышал’. В предложениях при соединении отрицательных сказуемых союз *ни* освобождается от показателя отрицания и выступает в функции союза *и*, напр.: *Прöйдитчис [Коноплöv] Вадор грездöд. Понъяс оз омлявны ни шöйтны* (Безносииков 1973: 4) ‘Прошелся [Коноплев] по деревне Вадор. Собаки не воют и не бродят’.

Одиночный союз *ни* в коми языке выступает в сочетаниях фразеологического характера, напр.: *зык ни шум [овны]* ‘жить мирно’, *ис ни дук* ‘ни духу, ни слуху’, *ис ни ру* ‘ни жару, ни пару (в бане)’, *кыв ни пель* ‘глухой, глухая тетеря, немой’, *сы ни садь [узьны]* ‘крепко, мертвым сном [спать]’, *көр ни гос* ‘безвкусный; ни вкуса, ни навару’, *шы ни гу [ланьтны]* ‘полная тишина’, *шы ни тöv* ‘тишина’, *шыч ни рач* ‘тишина’, *кути ни котти* (оз/эз кыв) ‘не слышно ни звука’ и т. д. Примеры: *Таысь бурыс öд нинöм абу:*

зык **ни** шум, майбыр олѳм (Безносовых 1973: 18) ‘Лучше этого ведь ничего нет: спокойная, счастливая жизнь’, Ис **ни** дук пѳ налѳн некѳн абу (Шахов 1997: 13) ‘Ни духу, ни слуху, мол, у них нет (след простыл)’, Асныровлы кыв **ни** джын шутѳг, Микит водіс веж луг вылѳ (Юхнин 1983: 16) ‘Не сказав ни слова, ни полслова Аснырову, Микит лег на зеленый луг’, «Ха-ха! Рака кѳ штык йылын, сідзкѳ, часѳвѳй сы **ни** садь узьѳ» (Тимин 1990: 9) ‘«Ха-ха! Если ворона на штыке, значит, часовой спит крепко (мертвым сном)»’, Залаын шы **ни** гу ланьтісны (Фѳдоров 1988: 22) ‘В зале замолчали до безмолвия’, Сиктса лавкаѳ пырджык мѳд сорта чай лишавлѳ: пачка джынсѳ заваритан, а – кѳр **ни** гѳс (Безносовых 1985: 185) ‘В сельский магазин чаще достается чай второго сорта: половину пачки заварись, а – никакого вкуса’, вым. Мунам, мед куч **ни** коч нінѳм абу ‘Идем так, чтобы не было ни звука’ (Лыткин 1955 I: 65).

С помощью союза *ни* могут выражаться **присоединительные** отношения. Присоединяться могут однородные члены, предикативные части в сложносочиненных конструкциях, отдельные предложения в тексте. Сообщения, присоединяемые союзом *ни*, не только дополняют, уточняют мысль основного высказывания, но и осложняют усилительно-отрицательным значением. При присоединительных отношениях союз *ни* может занимать позицию как перед присоединяемой частью, так и после него. Примеры: – ... Совхозыдлы зорѳдтѳ вѳлі гѳг весьтѳдзыс и чѳвтѳ [Егорей], прамѳя оз йывды **ни** (Безносовых 1985: 161) ‘– ... Совхозу стог-то высотой до пупа и было метал [Егорей], и не довершал толком’.

В коми-пермяцком и удмуртском языках аналогом союза *ни...ни* является союз *не ... не* ‘ни ... ни’, подобно в коми-зырянском языке служащий для связи однородных членов в отрицательных предложениях и отрицательных предложений в составе сложносочиненного. Примеры: Эстѳн кѳркѳ вѳлісѳ дас ети керкуэз, олісѳ отир, но талун оз кыв **не** морт гѳлос, **не** поннэзлѳн вувтѳм (Федосеев 1991: 6) ‘Там когда-то было около десяти домов, жили люди, но сегодня не слышны ни голоса людей, ни лай

собак’, *Не* асланым, *не* йӧзыс керкуас юасьтӧг оз пыр, а ӧні... (Там же: 10)
‘Ни свои, ни другие люди в дом без спроса не заходили, а теперь...’.

Союз *не...не* в удмуртском языке помимо значения ‘ни ... ни’ может реализовать также значение ‘и ... и’: – *Не* валлян, *не* толон мон со ужез лэсьтыса ӧй вутты ‘Ни позавчера, ни вчера я не успел сделать эту работу’, – *Пукисько мон куак пӧлын, эшелэсь йырзэ ал вылам возьыса: не* сое кельтыны жаль, *не* эшьӧслэсь кылыны умойтэм... ‘Сижу я в кустах, держа на коленях голову своего товарища: и оставить его жалко, и от товарищей отставать нехорошо...’ [ГСУЯ 1962: 325].

Сэсся ‘и, и затем; да и’.

Иногда можно наблюдать случаи активизации возрождения устаревших союзов. В древнезырянском языке употреблялся сочинительный союз исконного происхождения *ses’* в значении ‘и, и потом’, который сохранился в языке до наших дней. Этому способствовало то обстоятельство, что союз *ses’* употреблялся не только в письменном языке, но и в разговорной речи.

Древнезырянский союз *ses’* восходит к форме **ses’a*, что представляет собой застывшую форму сравнительного падежа указательного местоимения **se* ‘тот’: **se-s’a* – первоначально означало ‘кроме того’ [КЭСК: 272]. Далее из этой формы образуется наречие *сэсся*, в современном коми языке имеющее значения: ‘1) затем, потом; 2) дальше, далее; 3) больше’ [КРК: 628]; позже из наречия формируются частица и союз, однако в грамматиках коми языка *сэсся* в системе союзов не фиксируется [Бубрих 1949: 190–193; СКЯ 1955: 270–276; ОКК 2000: 487–502]. В монографиях по коми-зырянским диалектам слово *сэсся* в функции союза тоже не отмечается.

В коми-русском словаре лексема *сэсся* отмечена в функции союза со значением ‘да и’. Однако, из приведенного в источнике примера: *сэсся и черинас пӧ юыс озыр* ‘да и рыбой, говорят, река богата’ [КРК 2000: 628] мы не находим, что лексема *сэсся* выполняет функцию союза. Начальная позиция служебной единицы *сэсся* в данной конструкции не дает полного

основания считать ее союзом, поскольку в такой позиции она может служить средством для направления внимания слушателя к сказанному ранее и выполнять функцию частицы. Для определения, какую функцию здесь выполняет лексема *сэсса*, нужен предыдущий контекст.

Союзную функцию лексемы *сэсса* трудно отграничить от несоюзной (наречной ‘затем, потом’). Объясняется это, по-видимому, меньшей степенью грамматикализации: союз *сэсса* еще недостаточно четко отделился от наречия *сэсса*.

Материал показывает, что слово *сэсса* способно выступать в качестве грамматического средства выражения смысловых отношений между однородными членами предложения и предикативными компонентами в составе сложносочиненного предложения, т.е. выполнять функцию сочинительного союза.

Союз *сэсса* в блоке однородных членов служит преимущественно для связывания глаголов-сказуемых, относящихся к одному субъекту, причем по времени действия они следуют друг за другом, напр.: *Понятойяс катласъышитісны кокъяс выланьыс, сэсса петісны* (Попов 1986: 59) ‘Понятые недолго покачивались на ногах, и вышли’, *Матыстчыласны [лэбачьяс] миян дорөдз, сэсса коз пу пөлөныс качөны вывлань, кытчөкө вошлөны да горзігтыр бөр тювөны увлань, миянлань...* (Раевский 1988: 21) ‘Приблизятся вплотную [птицы] к нам, и затем вдоль ели поднимаются вверх, куда-то пропадают ненадолго и, поднимая гвалт, обратно прилетают вниз, к нам’.

Второй однородный член (сказуемое) может выражать результат или исход того, что сказано перед тем, неожиданное действие: ... *лэбачьяс быттё команда серти дугдісны кокасьны, кыпөдісны юрнысө, видзөдісны ме вылө, сэсса друг жбыркнитісны-лэбисны* (Раевский 1988: 134) ‘... птицы будто по команде перестали клевать, подняли головы, посмотрели на меня, и вдруг вспорхнули-улетели’, *Вежөгтысь гөтыр кутіс ёрчыны, лёкмөмысла оз төд, мый вөчны, сэсса крапкис: «Мужик кө колө вөлі, мыйла ассъюд война вылө лэдзин!»* (Попов 1986: 49) ‘Ревнивая жена начала сквернословить, от

злости не знала, что делать, и брякнула: «Если мужик нужен был, почему своего на войну отпустила!»).

В сложносочиненных предложениях с союзом *сэсся* может выражаться последовательность действий, явлений с оттенком присоединения в значении 'да и'. Часто союз *сэсся* выступает в сочетании с частицей *и*, напр.: *Со нин менам берегын пу йывъяс югдисны, сэсся и шонді югөръясыс лэччисны нин юодз...* (Раевский 1988: 117) 'Вот уже на моем берегу вершины деревьев посветлели, да и лучи солнца дошли (букв. спустились) уже до реки...'. Для союза *сэсся* характерно соединительно-присоединительное значение.

2.1.2. Присоединительные союзы

Присоединительные союзы являются разновидностью соединительных союзов. Сюда мы включаем союзы: *а сідзжө* 'а также', *а то и* 'а то и', *да и* 'да и', *дай* 'да и', *да и то* 'да и то' основное значение которых – указание на добавочность информации: *и кроме того, и к тому же, и притом*. Они вводят информацию, которая заранее не была предусмотрена говорящим, и поэтому подключается после того, как завершена предшествующая часть. При этом сообщаемое во второй части информативно может быть не менее важным, чем предшествующее сообщение (первая часть).

А сідзжө 'а также'.

Союз *а сідзжө* 'а также' является калькой русского союза *а также*. Образован путем соединения основного, «базового» союза *а* и присоединительной частицы *сідзжө* 'также', которая, в свою очередь, сформировалась путем слияния местоименного наречия *сідз* 'так' и заимствованной из русского языка выделительной частицы *жө* 'же': *сідзжө* 'также' > *сідз* 'так' + *жө* 'же'.

В словарях и предыдущих грамматиках коми языка союз *а сідзжө* не фиксируется. Однако в монографии «Современный коми язык» при описании сложносочиненных предложений, выражающих присоединительные отношения, указываются средства связи, с помощью которых может

осуществляться присоединительная связь. Среди них выделяется также союз *a sidzjõ* ‘а также’ [СКЯ 1967: 198–199], однако без соответствующего примера. В последней научной грамматике коми языка он квалифицируется как союз присоединительного значения [ÖКК 2000: 198–199]. Редко встречающийся союз, соединяет, как правило, члены предложения. Выражая добавочное значение второго компонента, он устанавливает аналогичность между вторым, дополнительным, и первым, основным, компонентами. Примеры: – *Чолõмала тiянõс, курсант Оверин. Сиа виль вермõмьяс боевõй да политической дасьтысьõмын, а sidzjõ и личнõй олõмын* (Тимин 1990: 8) ‘– Поздравляю вас, курсант Оверин. Желаю вам новых успехов в боевой и политической подготовке, а также и в личной жизни’, *1931 воын сiйõ [Н. П. Попов] помалõ журналистика кузя коммунистическõй институт да кык во редактируйтõ «Вõрлэдзысь» да «За новый Север» газетьяс, а sidzjõ литературно-художественнõй коми журнал «Ударник»* (Попов 1986: 4) ‘В 1931 году он [Н. П. Попов] заканчивает коммунистический институт по журналистике и два года работает редактором в газетах «Вõрлэдзысь» («Лесоруб») и «За новый Север», а также в литературно-художественном коми журнале «Ударник»’.

А то и ‘а то и’.

Союз *a то и* также заимствован из русского языка, в котором В. З. Санников считает его мало изученным и очень интересным союзом. Исследователь отмечает, «не совсем ясно, является ли он соединительным или разделительным»; определяет как союз «со значением неравноценности компонентов» [Санников 2008: 209].

В словарях и предыдущих грамматиках коми языка союз *a то и* не фиксируется, в последней грамматике квалифицируется как союз «присоединительного значения» [ÖКК 2000: 496].

В коми языке этот союз сближается по значению с разделительным союзом *либõ* ‘либо’, напр.: «... *Õд налы ковмас шойчõдны вõвьяссõ, аслыныс узьмõдчывны да виль вõвьяс чукõртны, а то и подõн Пезмõг либõ*

Важкуръя вуджны. ...» (Тимушев 1986: 119) ‘«... Ведь им придется дать передышку лошадям, самим устроиться на ночевку и собрать новых лошадей, а то и (либо) пешком пройти через Пезмог или Важкурью»’; *Батьё мян ёна радейтлис ассьыс крепыдик, визув нывкаяссё и пыр новлөдлис сьёрсьыс то өтийёс, то мөддөс, а то и став аравасё аскөдыс босьтас* (Куратова 1989: 128) ‘Отец наш сильно любил своих крепеньких, подвижных девочек и всегда брал с собой то одну, то другую, а то и (либо) всю ораву с собой возьмет’; *Найё [ракаяс] быд рыт татчө воывлөны, медым өктыны кольём нидзувъяс, приманка коляс, а то и черияс* (Раевский 1988: 17) ‘Они [вороны] каждый вечер прилетают сюда, чтобы подбирать оставшиеся черви, остатки приманки, а то и рыбу’. Первый компонент в приведенных конструкциях действительно будет иметь место (подобно компонентам соединительных конструкций); второй компонент – возможен (подобно компонентам разделительных конструкций). Мы квалифицируем этот союз как присоединительный, поскольку в конструкциях с союзом *а то и* второй компонент: 1) всегда имеет добавочный характер; 2) выделяется в отдельную синтагму; 3) порядок членов ряда строго обязателен.

Да и ‘да и’.

В грамматике коми языка 1955 г. союз *да и* не зафиксирован. В учебнике по синтаксису он толкуется как союз, выражающий только присоединительные отношения [СКЯ 1967: 199]. В последней грамматике включен в состав присоединительных союзов [ÖКК 2000: 496].

Союз *да и* заимствован из русского языка. Как и в языке-источнике, употребляется одиночно. Союзу *да и* в коми языке позиция после соединяемого компонента нехарактерна: он всегда находится между соединяемыми им частями. Особенность в употреблении *да и* обнаруживается в некоторых севернорусских говорах, в которых он способен употребляться повторно, и составной элемент повторяющегося союза ставится после соединяемой части [Шапиро 1953: 70, 235].

Союз *да и* в блоке однородных членов служит преимущественно для связывания глаголов-сказуемых, относящихся к одному субъекту, причем по времени действия они следуют друг за другом. Второй однородный член (сказуемое) может выражать результат или исход того, что сказано перед тем, неожиданное действие, напр.: *Восьтіс [Кокшаров] да и аддзис* (Игнатов 1988: 186) ‘Открыл [Кокшаров] да и увидел’; *Шуис [начальник] тадз, пуксис вѳв вылѳ да и воши пуяс костѳ* (Там же: 19) ‘Сказал [начальник] так, сел на коня да и пропал между деревьями’. Он может выражать также дополнительное присоединение, близкое по своему значению к такому, которое выражает *кроме того, сверх того, а также*: *Нывьяслысь, да и том ичмоньяслысь йѳз корсьѳны мичлун* (Попов 1986: 11) ‘У девушек, да и у молодых невесток люди ищут красоту’.

Союз *да и* служит для присоединения одного предложения к другому, придавая указанной связи оттенок ‘и кроме того, и к тому же’. В «Русской грамматике» характеризуется следующим образом: союз *да и* «вводит информацию, которая заранее не предусмотрена говорящим, и поэтому подключается после того, как завершена предшествующая часть. При этом сообщаемое во второй части информативно может быть не менее важным, чем предшествующее сообщение (первая часть)» [РГ 1980 II: 626]. В. З. Санников считает, что положение об «информативной важности второй части сообщения» следует усилить: «вторая часть не только “может быть не менее важной, чем первая” – она всегда информативно сильнее. В результате высказывание приобретает особую уверенность и категоричность» [Санников 2008: 317]. Это значение союза *да и* В. З. Санников определяет «*да и* градационное».

Фактический материал коми языка подтверждает эти два положения. Примеры: *Газетъяс, журналъяс локтісны ёна сѳрмѳмѳн, да и Чернышевский йылысь цензура эз лѳдз уна гижны налы* (Федоров 1994: 258) ‘Газеты, журналы приходили с большим опозданием, да и цензура не разрешала им много писать о Чернышевском’. Иногда союз *да и* обозначает резкий переход

от одной ситуации к другой: – ... *Ловья на кӧ, мый сійӧ [Уляшов] сёйӧ, да и кӧни сійӧ ӧни?* (Игнатов 1988: 182) ‘– ... Если еще живой, что он [Уляшов] ест, да и где он сейчас?’.

Из вышеназванных положений и приведенных примеров следует: союз *да и* в высказываниях обладает способностью выражать градационные и присоединительные отношения.

***Дай* ‘да и; и’.**

Служебное слово *дай* в коми языке квалифицируется по-разному. А. И. Подорова *дай* считает усилительной частицей и функционально определяет как стилистическую вставку, т.к. употребляется главным образом в частушечно-песенном жанре [Подорова 1954: 12]. К. Е. Майтинская в своем исследовании считает *дай* сочинительным союзом, заимствованным из русского языка (< русский составной союз *да и*) [Майтинская 1982: 89].

В грамматике 1955 года издания по коми языку союз *дай* рассматривается в группе соединительных союзов со значением ‘да и’ [СКЯ 1955: 272], в функции частицы не обозначена. В последней научной грамматике квалифицируется как присоединительный союз и присоединительная частица [ÖКК 2000: 496, 515].

Союз *дай* по своему значению является присоединительным с усилительной функцией, восходит к русскому составному союзу *да и* с присоединительным значением. Может быть только одиночным, однако, употребляясь постпозитивно, может повторяться. Используется преимущественно в художественной литературе и разговорной речи.

К. Е. Майтинская в приведенных ею примерах союз *дай* характеризует так: в конце предложения выражает сопоставительное значение, в начале предложения – присоединительное [Майтинская 1982: 89]. Однако в приведенном исследователем предложении *Варчук ас местаас, ті ас местааныд дай* ‘Варя на своем месте, и вы на своих местах’ функция *дай* очень близка к сочинительному союзу *и*, который в коми языке, как отмечали выше, в простом и сложном предложении может завершать ряд событий

одного порядка и указывать на окончание перечисления. В подобных сложносочиненных конструкциях с союзом *и* мы выявляли отношения соединительно-отождествительные.

Функция *дай* в данном примере также очень близка к присоединительной частице *жө* ‘тоже’, имеющей значение приравнивания, уподобления и принадлежащей в коми языке к числу таких частиц, которые близки по своей функции к союзу. На основании этих фактов мы полагаем, что в приведенном К. Е. Майтинской примере сложносочиненной конструкции между предикативными частями проявляются не сопоставительные, а явные соединительно-отождествительные отношения.

Союз *дай* в блоке однородных членов служит преимущественно для связывания сказуемых. Между соединяемыми однородными членами предложения возможны следующие отношения: 1) усиленное, сравнительно с союзами *и* и *да*, соединение: *Ме эг вермы терпитны дай шуи*: «Наталья Андреевна, а ті төданныд, ...» (Льюров 1988: 6) ‘Я не мог сдержаться да и сказал: «Наталья Андреевна, а вы знаете, ...»’, *Көбрегас, көзөд вылын, пудм капуста на вөлма: аниса, буретша шоммөма дай көдзыд* (Безносиков 1985: 165) ‘В погребке, на леднике, вареная капуста еще, оказывается, была: с анисом, нормально заквашена да и холодная’; 2) второй однородный член может выражать результат или исход того, что сказано перед тем: *Мукөдыслөн дачаясыс өта-мөд вылас вожасьөмны, а талөн [Анфисалөн] – дзирьясө петан дай пожөма ягө пыран* (Куратова 1989: 78) ‘У других дачи друг на друге стоят, а у этой [Анфисы] – выйдешь за калитку да и в сосновый бор заходишь’; 3) дополнительное присоединение, близкое по своему значению к такому, которое выражает ‘кроме того’, ‘сверх того’, ‘а также’: *Мед тадзи, век на веж зонмөн, асьсө [Павел] петкөдлыны, эз и лысьт дай эз и сяммы эськө* (Юшков 1981: 21) ‘Чтобы так, все еще молодым (букв. зеленым) парнем, себя [Павел] показывать, и не смел да и не смог бы’.

Союз *дай* служит для присоединения одного предложения к другому, придавая указанной связи оттенок ‘и кроме того’, ‘и к тому же’: –... *Сэни өд*

номьяс курччасьоны **дай** вѳйны верман (Безносииков 1985: 9) ‘... Там ведь комары кусаются да и утонуть можно’; – ... *Сэсянь зэв мича гѳгѳрбок тыдалѳ дай некод оз мешайтчы...* (Там же: 9) ‘... Оттуда очень красиво видно вокруг да и никто не мешает’. В некоторых случаях обозначает резкий переход от одной ситуации к другой, напр.: – *А ме тоткысь на и эм тэ вылѳ. Лѳсьѳд гѳтыр, дай дугда* (Юшков 1988: 169) ‘– А я ворчать и буду пока на тебя. Женись, да и перестану’.

Подобно соединительным союзам *и, да, ни* союз *дай* может занимать позицию в конце предложения, как простого, соединяя однородные члены, так и сложного, соединяя предикативные части. В таких случаях он близок по значению к союзу *и*.

В коми языке нередко встречаются простые и сложные предложения со словом *дай* в позиции заключительного компонента, когда *дай* выполняет функцию усилительно-заключительной частицы, напр.: – *Век, мися, эн кедзовт, каитчан кѳ колхозас пырѳмсьыс, бѳр нет дай* (Юшков 1979: 27) ‘– Всегда, говорю, не отвергай, если раскаиваешься, что вступил в колхоз, так выходи обратно’. Такие предложения нужно различать от предложений с союзом *дай*.

Союз *дай* может употребляться в «начинательной» функции, как бы присоединяя предложение к предшествующему контексту: ... *сѳйѳ [Микит] бара на видзѳдѳс вывлань, сэзьмѳм энэжланьыс, и кажитчис сылы, мый кодзувтѳм бледѳник куш энэжыс сэтиѳм жѳ тыртѳм, кѳдзыд, кутиѳм сылѳн бѳрѳя кык во чѳж нин морѳс пытикыс. Дай ачыс некодлы ковтѳм, турун пѳвстса гаг моз дзик прѳста олысь лов* (Юхнин 1983: 19) ‘... он [Микит] опять смотрел вверх, на проясненное небо, и казалось ему, что беззвездное бледноватое чистое небо такое же пустое, холодное, как у него уже в продолжние последних двух лет на душе. Да и сам никому не нужен, просто как живое существо, живущее подобно букашке в траве’.

Союз *дай* в ижемском диалекте имеет огласовку *ди*. В монографии по ижемскому диалекту *ди* фиксируется как сочинительный союз со значениями

‘и, да и’: *Пинжактэ кул*, *ди оз ло жар* ‘Сними пиджак, и не будет жарко’, *Тшук пыроолис ди мунн* ‘Заходил на минутку да и ушел’ [ИД 1976: 112–113]. Однако диалектный материал показывает, что союз *ди* может выполнять также функцию подчинительного союза. В предложении *Дуб улас пырас, вужйасыс вылынэс* ‘*ди*’ ‘Зашел под дуб, так как корни его были наверху (снаружи)’ [Лыткин 1955: 69] *ди* выполняет функцию подчинительного союза, выражая причинные отношения. В литературном языке и других коми-зырянских диалектах данное значение может быть передано синонимической синтаксической конструкцией с союзом *да*. В данном случае диалектный союз *ди* выступает семантически и функционально равному подчинительному союзу *да* со значениями ‘потому что, так как’. Союз *ди* обнаруживается также в коми-язьвинском наречии, в котором многие частицы выполняют функцию союзов, которыми, как отмечает В. И. Лыткин, «коми-язьвинский диалект не особенно богат» [КЯД 1961: 82]. Таковым является союз *ди*, представленный повторяющимся союзом – *ди – ди* [Там же: 82].

***Да и то* ‘да и то’.**

Союз *да и то* в языке-источнике сформировался на основе союза *да и* при участии частицы *то* [РГ 1980 I: 716]. В коми языке употребляется одиночно. Как и союзу *да и*, ему нехарактерна позиция после соединяемого компонента: всегда располагается между соединяемыми им частями. Основное значение – указание на добавочность информации. Выражая добавочное значение второго, соединяемого компонента, экспрессивно подчеркивает его. Каких-либо функциональных особенностей в заимствующем языке не проявляет, напр.: – *Кино и гажыс сӧмын, да и то лун кост мысти* (Игнатов 1988: 128) ‘– Кино только и развлечение, да и то через день’.

В аналогичной функции в коми языке может употребляться сочетание *дай сійӧ* ‘да и то’, структурно представляющее сочетание союза *дай* ‘да и’ и указательного слова *сійӧ* ‘то’ в роли указательной частицы. Данное

сочетание в коми языке не рассматривалось. Употребляется оно в основном в разговорной речи. В письменной речи встречается редко, напр.: ... *Прохор Иванович татчö воліс сöмын на öтиысь, дай сійö тöвнас...* (Юхнин 1983: 24) ‘... Прохор Иванович сюда приезжал только лишь один раз, да и то зимой...’.

2.1.3. Сопоставительные (или градационные) союзы

Сопоставительные союзы служат для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненных конструкциях. В отличие от соединительных союзов, разновидностью которых, подобно присоединительным, они являются, подчеркивают особую (большую или меньшую) значимость второй из соединяемых ими синтаксических единиц – однородных членов и частей сложносочиненного предложения. Таковыми в коми языке будут: *кöть (и) – но* ‘хотя и – но’, *кöть – а* ‘хотя – а’, *кöть – да* ‘хотя – да (но)’, *дарöм – а* ‘хотя и – а; несмотря на то, что – а; даром что – а’, *кыдзи – сідзи и* ‘как – так и’, *не сідз – кыдз* ‘не так – как’, *не (эз) сöмын – но и* ‘не только – но и’, *не сöмын – но сідзжö* ‘не только – но также’, *не сы мында – мыйта* ‘не столько – сколько’. Все они образовались по образцу русских союзов. Ранее эта разновидность сочинительных союзов в коми языке не выделялась. Сопоставительные союзы всегда состоят из двух частей, соединяемые компоненты объединяются в двучленную, замкнутую структуру.

В составе сопоставительных союзов активное участие принимают местоименные элементы: *кыдзи – сідзи, не сы мында – мыйта*. Часто встречаются заимствованные элементы, например, в союзе *не (эз) сöмын – но и* частица *не* и сочетание *но и* заимствованы из русского языка. Союз *кöть – но* полностью заимствован из русского языка (с фонетическими изменениями).

Союзы *кöть (и) – но* ‘хотя и – но’, *кöть – а* ‘хотя – а’, *кöть – да* ‘хотя – да (но)’, *дарöм – а* ‘хоть и – а; не смотря на то, что – а; даром что – а’

придают сопоставлению условно-уступительный оттенок. Примеры: *Миян Рыжкоён сійё муніс, а Рыжкоыд миян, кӱть и тэрыб, но* зэв полысь (Юшков 1979: 18) ‘На нашем Рыжко он поехал, а Рыжко наш, хоть и быстрый, но очень пугливый’, *Кӱть и ӱтувтӱма нин вӱлі вӱвъястӱ, но асыя сеталігас быдӱн на ассыис корис* (Там же: 16) ‘Хотя и объединены уже были лошади, но во время утренней раздачи каждый пока просил свою лошадь’; *Кӱть* кутшӱм абу сюсь, *а ас юрсыыд вылӱ он чеччышт* (посл.) ‘Хоть каким бы ни был умным, а выше своей головы не прыгнешь’, *Кӱть вӱлі водз асыв на, а автобусын тырыс йӱз* (Коданев 1988: 99) ‘Хотя было еще раннее утро, а в автобусе полно народу’; *Сцена вылын йӱктісны нин нывкаяс. Дарӱм посниӱсь, а тырмӱ тай сямныс* (Игнатов 1988: 100) ‘На сцене танцевали уже девочки. Хоть и маленькие, а хватает, небось, умения’.

Сопоставительное значение, выражаемое союзом *не (оз, эз) сӱмын – но и* ‘не только – но и’ осложняется значением противопоставления: *Лов руысь шарп коркаасьӱ, да ме лолала нин не сӱмын кӱдзыд, но и васӱд сынӱдӱн* (Игнатов 1988: 6) ‘От пара при дыхании шарф покрывается коркой, и я дышу уже не только холодным, но и влажным воздухом’; *Ми вӱлі не сӱмын шоча янсӱдчывлам, не сӱмын тиӱкыда волам ӱта-мӱд ордӱ, а мукӱд дырйи и узям ёрта-ёрт ордын, но и отсалам ӱта-мӱдлы велӱдчыны, висьталам ӱта-мӱднымлы став гусяторъяс, став кӱсйӱмъяс, став думъяс* (Пыстин 1987: 181) ‘Мы бывало не только редко расстаемся, не только часто приходим друг к другу, а иногда и спим друг у друга, но и помогаем друг другу учиться, делимся друг с другом всеми тайнами, желаниями, мыслями’; *Вичкоӱ ветлысьыд эз жӱ вӱв этиша. И кыссьӱны ӱд оз сӱмын пӱрысьяс, но и томъяс* (Льнуров 1988: 29) ‘Прихожан тоже было немало. И ходят ведь не только пожилые, но и молодые’; – *Нывъяслысь, да и том ичмоньяслысь йӱз корсьӱны мичлун. Оз сӱмын томъяс, но и олӱмаяс корсьӱны* (Попов 1986: 11) ‘– У девушек, да и у молодых люди ищут красоту. Не только молодые, но и пожилые ищут’.

Союзы *кыдзи – сідз(и)* и ‘как – так и’, *не сы мында – мыйта* ‘не столько – сколько’ выражают сопоставление по степени, т.е. указывают на бóльшую значимость второго соединяемого компонента, напр.: *Кутіс шливгыны шоныд зэр, кисьтіс ведраысь моз. Сэссия кымөрьяс кыдзи локтісны, сідзи и мунісны водзё* (Раевский 1988: 85) ‘Начал лить теплый дождь, лил как из ведра. Потом тучи как пришли, так и ушли дальше’; – *Некытчö! – скöра мурöстас Öльöксан и весиг оз видзöдлы шмонитысь челядь вылö, кыдзи мыччысьлас, сідзи и вошö* (Коданев 1979: 72) ‘– Никуда! – зло рявкнет Олексан и даже не посмотрит на шутящих детей, как покажется, так и исчезает’.

2.1.4. Противительные союзы

Ряд противительных союзов составляют *а, но, а то, жö, зато*, которые также заимствованы из русского языка, и каких-либо функциональных особенностей в коми языке не проявляют. От соединительных союзов они отличаются тем, что могут соединять только два однородных члена внутри простого предложения и два предложения внутри сложносочиненной конструкции, образуя, таким образом, закрытые ряды. Двучленная структура обусловлена самой спецификой противопоставления.

Но ‘но’.

Союз *но* функционирует во всех пермских языках. В коми языках является заимствованным из русского. В «Грамматике современного удмуртского языка» союз *но* рассматривается в группе противительных союзов, однако указывается, что в значении *нош* [ГСУЯ 1962: 326]. По предположению Б. А. Серебренникова, «возможна связь его с частицей *пöštä* ‘еще’ в языке коми» [Серебренников 1963: 375].

Согласно К. Е. Майтинской, в удмуртском языке союз *но*, употребляющийся в начале присоединяемой части сложносочиненного предложения и выражающий противительно-сопоставительное отношение, заимствован из русского языка в «готовом» виде [Майтинская 1982: 90].

В. В. Виноградов считал, что у союза *но* «в сущности, одно основное значение... Все оттенки употребления этого союза... не выходят за пределы его основного противительного значения» [Виноградов 1972: 559]. Однако, по В. З. Санникову, «господствующей (особенно в последнее время) является другая точка зрения, согласно которой *но* – союз многозначный», что объясняется стремлением «приписать компоненты смысла, возникающие в предложении, грамматическим словам (в нашем случае – сочинительным союзам), однако желательно все-таки свести “возмущающее влияние контекста” к минимуму» [Санников 2008: 244; 245]. В. З. Санников разделяет точку зрения В. А. Белошапковой, когда она призывает к отвлечению от лексического состава и концентрации внимания на союзных средствах [Белошапкова 1977: 208–209].

В коми языке вполне сложилась структура с союзом *но* с различными видами противительных отношений, хотя союз *но* считается «недавно заимствованным союзом» [Бубрих 1949: 191]. Все эти виды отношений основываются на противоречивости фактов, событий, о которых говорится в соединяемых частях сочинительной конструкции.

Союз *но* может обозначать противопоставление с оттенком несоответствия: *Сійӧ [Сьӧд ты] абу ыджыд, но местаясын зэв джуджыд, ваыс векни вискӧд тюрӧ Мизин юӧ* (Раевский 1988: 109) ‘Оно [озеро Сед] небольшое, но местами очень глубокое, вода по узкой протоке бежит в реку Мизин’, *Ывлаас ӧвтіс нин тулыс кӧрӧн, но друг кӧдздӧдіс* (Там же: 40) ‘На улице веяло уже весной, но вдруг похолодало’.

В конструкциях с союзом *но* могут выражаться противительно-уступительные отношения: противительное значение осложняется значением уступительным. Первая часть таких построений допускает введение уступительного союза *кӧть (и)* ‘хотя (и)’, напр.: *Мудзӧмаӧсь, корсюрӧ и кӧтасьӧмаӧсь, но быдӧн шудаӧсь, долыдӧсь* (Коданев 1979: 99) ‘Уставшие, иногда и промокшие, но все счастливые, радостные’, *Пукала час кымын нин, но чери оз сӧй, вугыр тай оз на вӧрзьыв* (Раевский 1988: 107) ‘Сижу около

часа уже, но рыба не клюет, крючок вот не дергается пока’, *Берегын зэв номйось, но ме дорё оз матыстчывны: мавтча антикомаринён* (Там же: 107) ‘На берегу очень много комаров, но ко мне не приближаются: мажусь антикомарином’.

В сочинительных конструкциях с союзом *но* противительные отношения могут осложняться оттенком ограничения того, что говорится в первой части, чем-нибудь противоречащим, препятствующим тому, что содержится во второй части. Отчетливо эти отношения выражаются в тех предложениях, в которых сказуемое первой части выражено глаголом со значением желанья, намерения и т.п., а во второй части указывается на невыполнение этого желанья, намерения часто с указанием причины. В предложениях с противительно-ограничительным значением союз *но* оформляет значение типа «однако». Примеры: *Сэсся [сосед] кёсийис ме дорё локны, но эз лок* (Раевский 1988: 109) ‘Потом [сосед] хотел подойти ко мне, но не подошел’; *Коля кёсийис судоны дедсё, но буретши сэки вёрын мыйкё гораа трачмуні* (Там же: 109) ‘Коля хотел догнать деда, но как раз тогда в лесу что-то громко треснуло’.

Союз *но* может выступать в *присоединительной* функции, когда противительная семантика союза *но* в условиях контекста ослаблена. Вторая часть в таких конструкциях может содержать добавочное сообщение: оценку того, о чем говорится в первой части, пояснение, напр.: *Оти муткыр тыдалёкодъ, но абу ыджыд* (Юшков 1981: 183) ‘Одна складка слегка видна, но небольшая’; *Лизалы аслыс окота вёлі аддзёдлыны нывсё, ёна жё бырёма гажыс да, но татшём делёясад верёссьыс бурджык сёветчик оз сюр* (Напалков 1988: 86) ‘Лизе самой хотелось увидеть дочь, тоже сильно соскучилась, но в таких делах кроме мужа лучшего советчика не найдется’. – *Крестьянаёс колё мездыны, но мутёг, – со сылён [граф Киселевлён] вежссьытём девизыс* (Тимушев 1986: 9) ‘– Крестьян надо освободить, но без земли, – вот его [графа Киселева] неизменный девиз.

А ‘а’.

Союз *a* – один из употребительных союзов в коми языке, является стилистически нейтральным. Как отмечает В. З. Санников, наиболее полное и точное описание значения союза *a* содержится в работах исследователей-русистов Г. Е. Крейдлина и Е. В. Падучевой. В соответствии с данными словарей и грамматик русского языка Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева выделяют три значения союза *a*: *a* «несоответствия», *a* «сопоставления», *a* «присоединительное», или обобщающее [Санников 2008: 265–266]. Такие же значения союз *a* реализует в коми языке.

А «несоответствия». Обычно отмечают, что в этом значении союз *a* синонимичен союзу *но*. Однако мнение о полной синонимичности союзов *a* («несоответствия») и *но*, скорее, ошибочно. В предложении: *Батьлӧн вӧлі жар, а сійӧ муніс удж вылӧ* ‘У отца была температура, а он пошел на работу’ союз *a* близок по значению союзу *но* и может быть заменен этим союзом: *Батьлӧн вӧлі жар, но сійӧ муніс удж вылӧ* ‘У отца была температура, но он пошел на работу’. Однако эта замена связана с существенным изменением смысла, которое индуцировано именно союзами *но* и *a* (поскольку остальные компоненты предложений совпадают). Союз *но* указывает на **зависимость** соединяемых компонентов (Отец знал, что у него температура и все-таки пошел на работу); союз *a* описывает события как **независимые** (возможно, когда отец собирался на работу, еще не знал, что у него температура). Союз *но* указывает, что второй компонент – **ненормальное следствие** (нормальным было бы, зная о температуре, не ходить на работу); союз *a* указывает на **несоответствие событий** (нормальным было бы при температуре лучше отлежаться).

Независимостью, «равноправностью» компонентов, соединяемых союзом *a*, объясняется возможность перестановки частей предложения: *Батьлӧн вӧлі жар, а сійӧ муніс удж вылӧ* ‘У отца была температура, а он пошел на работу’ – *Сійӧ [бать] муніс удж вылӧ, а батьлӧн вӧлі жар* ‘Он

[отец] пошел на работу, а у отца был жар'. Во втором примере с союзом *но* подобная перестановка невозможна.

Значение несоответствия союза *а* может осложняться значением уступки: *Ракаяс тай нӧ оз кӧдзны, оз вундыны, а пӧтӧсь* (посл.) 'Вороны не сеют, не жнут, а сыты'.

В сложносочиненных предложениях с союзом *а*, стоящим между предикативными частями, могут выражаться противительно-ограничительные отношения. Функция союза в таких предложениях также близка к функции союза *но*, напр.: *Кӧсий босътны пӧртъяс, а ӧти кийӧ оз нин уджав: мина торйыс веськалӧма* (Льюров 1988: 94) 'Хотел взять котелки, а (но) одна рука уже не работает: осколок мины попал'.

А «сопоставления». Употребление союза *а* в значении сопоставления в коми языке – наиболее частотное.

Однородные сказуемые, соединяемые союзом *а*, могут иметь значение сопоставления. Часто сопоставление сказуемых поддерживается сопоставлением дополнений и обстоятельств, напр.: *Заводитны бурӧн, а помавны дурӧн* (посл.) 'Начать добром, а кончить злом (Начать за здоровье, а кончить за упокой).'

В сложносочиненных предложениях с союзом *а* могут выражаться сопоставительные отношения, когда сопоставляются различные в каком-либо отношении явления, причем эти явления при всем своем несходстве не отменяют друг друга, а как бы сосуществуют. Сопоставление ведется в одном временном и одном модальном плане: *Вӧлӧмкӧ, ме кыйӧдча сизь бӧрся, а ме бӧрся – ур* (Раевский 1988: 58) 'Оказывается, я слежу за дятлом, а за мной – белка'. Однако могут сопоставляться и события, относящиеся к разным временным и модальным планам: *Васӧд местаясын мыччысьӧма нин вижъяур, а пыдынӧжык, сука сулалысь коз пуйас костын, тыдалӧ на еджыд лым* (Там же: 71) 'В сырых местах показалась уже мать-и-мачеха, а глубже, между густо стоящими елями, виден еще белый снег', *Тури няньсӧ жугӧдӧ, а ош лёк ним кывзӧ* (посл.) 'Журавль посева травит, а медведь брань

сносит'. Могут реализовываться также отношения несоответствия, уступки, напр.: *Ышöдiсны морттö, а сiйö [Иринь] торъя эз и петитчы* (Безносиков 1982: 19) 'Подговорили человека, а она [Иринь] особо и не противилась'.

А «присоединительное». Союз *а* может употребляться в присоединительном значении. Присоединяет он такое дополнительное сообщение, которое содержит вывод, заключение к ранее высказанной мысли, оценку или замечание: *А тулыснас Вася Лаптандерöс ыстiсны Степан Войтов дорö, и сiйö кадсяньыс нин эз ло аддзысьлöма Раякöд, а сэки, мунiгас, көра доддясö кольöдны Рая волiс жö* (Игнатов 1988: 215) 'А весной Василия Лаптандера отправили к Степану Войтову, и с того времени уже не приходилось видеться с Раей, а тогда, во время отъезда, проводить оленью упряжку Рая тоже приходила'; – *Некод онö тöдöй, а ещö школьникъяс. Вот тайö розъяссьыс, гаикö, дедъясыдлөн батъясыс на вотлисны чöдсö* (Раевский 1988: 94) '– Никто не знает, а еще школьники. Вот с этих кистей, может быть, отцы ваших дедов еще собирали чернику'.

А то 'а то'.

Союз *а то* заимствован из русского языка, в котором считается многозначным союзом и квалифицируется как: 1) противительный; 2) подчинительный с причинным значением; 3) разделительный. Разделительное значение фиксирует лишь «Большой академический словарь русского языка» [БАСРЯ 2004 : 59].

В коми языке союз *а то* в словарях и грамматиках не фиксируется, однако в учебнике по синтаксису коми языка рассматриваются сложносочиненные предложения с союзом *а то*, который «употребляется при противопоставлении в сложносочиненных предложениях, в которых вторая часть или показывает, по какой причине совершается действие, выраженное в первой части, или же указывает на последствие, которое может быть в случае невыполнения того, о чем говорится в первой части» [СКЯ 1967: 196]. В предложениях: – *Аски Семен лун, ошъяс пö тай чуалöны. Мöстö луд вылö лун кум ог нулöй, а то уськöдчасны ещö рöзбойникъясыд*

...(Коданев 1979: 101) ‘– Завтра Семенов день, у медведей, мол, оказывается, течка. Корову на луг дня три не будем водить, а то нападут еще разбойники ...’; – ... *Тэ, Симьён, зiля чышкысь-косодчы, а то пöжасой кöдзalas да оз ло чöскыд* (Безносиков 1982: 19) ‘– ... Ты, Симьён, быстро вытрись-высушись, а то выпечка остынет и не будет вкусной’; – *Ловья! – горöдiс Гена. – Эк, воканö, чеччыит затяжнöйöн, а то кокалас* (Льюров 1988: 98) ‘– Живой! – крикнул Геннадий. – Эх, братан, прыгни затяжным, а то заключет’ между соединяемыми предикативными частями посредством союза *а то* ощутима противопоставленность. Вторая предикативная часть содержит обоснование того, о чем говорится в первой части: указывает, что может произойти, если действие первой части не осуществится.

Разделительное значение союз *а то* в коми языке не реализует.

Союз *а то* в коми языке можно квалифицировать как противительный. Он чаще служит для соединения предикативных частей в сложносочиненных предложениях, также может соединять отдельные предложения, т.е. выполнять начинательно-присоединительную функцию, напр.: *Пöрлöдлы пö став кын сюрьясö. А то юрнысö нин мыччöны* (Тимин 1990: 7) ‘Вали все мерзлые столбы. А то головы уже высовывают’.

Жö ‘же’.

Союз *жö* по своему происхождению связан с русской выделительной частицей *же* и сохраняет ее выделительное значение. Наряду с частицей *же* словари и грамматики русского языка выделяют сочинительный («противительный», «сопоставительный», «сопоставительно-противительный») союз *же*. Происхождение этого союза обуславливает и его позицию как в языке-источнике, так и в заимствующем языке: он стоит не между предикативными частями, а после первого слова второй части, выделяя его. Служит для соединения предикативных частей в сложносочиненных предложениях, в которых выражаются сопоставительно-выделительные отношения. Функция союза *жö* близка к функции союза *а*. Между однородными членами и отдельными

предложениями в тексте связочную функцию не выполняет. Примеры: *Кывнас сійö быдтор вöчö, делö вылас жö нинöм оз сулав* (посл.) ‘На словах он все делает, на деле же ничего не стоит (а на деле ничего не стоит)’.

Зато ‘зато’.

Союз *зато* в коми языке встречается редко. Между однородными членами выражает противопоставление с оттенком возмещения.

В сложносочиненных предложениях соединяет два предложения, в которых реализуются противительно-возместительные отношения. Какое-либо явление рассматривается с разных сторон, причем одна его сторона чаще всего оценивается как отрицательная, а вторая – как положительная. Содержание второго предложения противопоставляется сказанному в первом предложении и рассматривается как нечто более ценное, более важное или приятное. Примеры: *Ме видзöдлі на вылö [челядь вылö], найö ланьтісны, зато Галина эз лэччысь...* (Раевский 1988: 96) ‘Я посмотрел на них [на детей], они замолчали, зато Галина не отступала...’; *Мед поснийöсь кө [чери], зато лыыс небыдджык, сёйигад небось горшад оз тасасьны* (Безносиков 1973: 59) ‘Пусть и мелкие [рыба], зато кости мягче, во время еды небось в горле не застрянут’; *...Студентъяс тöдмаласны, кутшиöм сьöкыдлуньяс овлöны уджалігөн, зато бöрыннас сьöкыдсьыс озджык кутны повны* (Игнатов 1988: 111) ‘...Студенты узнают, какие трудности бывают в работе, зато потом меньше будут бояться трудностей’.

2.1.5. Разделительные союзы

Общее значение разделительных отношений, выражаемых разделительными союзами, состоит в том, что из всех перечисляемых явлений в данный момент возможно одно.

Али ‘или’.

Союз *али* также является русским заимствованием. В языке-источнике употребляется в русских народных говорах [Шапиро 1953: 228], литературный русский язык использует союз *или*, синонимичный союзу *али*.

Как русское заимствование союз *али* в финно-угорских языках имеет широкий ареал употребления: помимо коми языка, функционирует в прибалтийско-финских языках – водском, карельском, вепском, лутовском диалекте эстонского языка, в котором иногда имеет также оттенок противительного союза [Карелсон 1959: 26]; в саамском языке [Керт 1971: 220].

В коми языке союз *али* может быть одиночным и повторяющимся, но чаще бывает одиночным. В синтаксических конструкциях он способен соединять однородные члены и предикативные части сложносочиненного предложения, выражая отношения взаимоисключения, указывая на то, что из перечисленного возможно что-либо одно. Примеры: *Ставён локтöмаöсь встречайтны, но оз тöдны кодöс, оз тöдны, мый вайöны сйö тöдтöмъясыс: шуд али синва, нянь али тшыгъялём* (Пыстин 1987: 126) ‘Все пришли встречать, но не знают кого, не знают, что несут те незнакомцы: счастье или слезы, хлеб или голод’.

Союз *али* может выполнять присоединительную функцию, напр.: *Менö да гöтыръяснымöс дэльöдём могысь, али нöшта мыйлакö, ньöти соссьытöг Миша висьталіс, кыдзи Поликарпыс сйöс зібъявлёма...* (Юшков 1979: 92) ‘С целью подразнить меня и наших жен, или еще зачем-то, нисколько не отрицая, Миша рассказал, как Поликарп было избил его...’.

Союз *али* может выступать в «начинательной» функции, как бы присоединяя предложение к предшествующему: – *Мый локтін? – шпыньмунöмөн юалис Зоя зонлысь падмёмсö казялёмөн. – Али кывтö гортад колін?* (Изъюрлов 1984: 19) ‘– Что замолчал? – ухмыльнувшись, спросила Зоя, заметив у парня растерянность. – Или язык дома оставил?’.

Кöть ‘хоть’ (кöть ... кöть ‘хоть ... хоть’).

В словарях и предыдущих грамматиках коми языка союз *кöть* квалифицируется как подчинительный. В последней научной грамматике справедливо подчеркивается, что союз *кöть* способен выступать также

в сочинительной функции [ÖKK 2000: 489–490]. Однако не указывается, в какую семантическую группу союзов он входит.

Нужно отметить, что союз *кӧть* заимствован из русского языка, в котором он квалифицируется как «разделительный союз со значением равноценности компонентов» [Санников 2008: 204].

Союз *кӧть* может употребляться одиночно и повторяться. В современном коми языке он находит свое отражение в живой разговорной речи и художественных произведениях, в которых служит для выражения уступительных отношений. В конструкциях соединяет одноструктурные синтаксические единицы – однородные члены предложения и однотипные части сложного предложения. Примеры: – *Тӧдан, Васьӧ, ӧні ме, пӧрысьладор, да ещӧ нин ылі йӧз муад олігӧн, частӧ думайтла аслам пӧльяс йылысь. Кыдзи найӧ олісны. Кыдзи уджалісны да вӧралісны... И мый колӧ олӧм выланысь лышыкыда босьтісны. И повны найӧлы вӧлі немторйысь, гортас **кӧть** вӧрын* (Торопов 1988: 31–32) ‘– Знаешь, Вась, теперь я, к старости, да особенно живя вдали от родной земли, часто думаю о своих предках. Как они жили. Как работали и занимались охотой... И что нужно для жизни, щедро получали. И бояться им было нечего, дома хоть в лесу’; «*Слабог, йӧз моз жӧ овмӧдчим! Ӑні мянлы абу яндзим примитны профессорӧс **кӧть** министрӧс*» (Безносиков 1985: 32) ‘«Слава богу, тоже как люди зажили! Теперь нам не стыдно принять профессора хоть министра»’; *Любуйтчан, а синнад корсян нин керка, кӧні, тӧдӧмысь, виччысьӧны тӧнӧ лунын **кӧть** войын, ылысь **кӧть** матысь* (Тимин 1990: 7–8) ‘Любуешься, а глазами ищешь уже дом, где, наверно, ждут тебя днем хоть ночью, издалека хоть из ближайших мест’. При повторении союз *кӧть* ... *кӧть* ‘хоть ... хоть’ реализует уступительно-разделительное значение: *Поплы **кӧть** кольта, **кӧть** сӧрӧм – век на этиша* (посл.) ‘Попу хоть сноп, хоть скирду – все еще мало’; ***Кӧть** лунтыр сур ю, **кӧть** валяйтчы вольпасяд, **кӧть** дачаад мун да уджав* (Куратова 1989: 73) ‘Хоть целый день пиво пей, хоть валяйся в постели, хоть на дачу езжай и работай’.

Либö (либöнöсь) ‘или, либо’.

Заимствован из русского языка, фонетически адаптирован. Указывает на строгое разделение явлений, фактов. Может быть одиночным и повторяющимся. Способен соединять однородные члены, предикативные части в сложносочиненном предложении и отдельные предложения в тексте. Каких-либо отличий в грамматическом значении заимствованного союза *либö* в коми языке от своего источника – союза *либо* – не существует.

Союз *либö* может выступать в форме *либöнöсь*, которая могла образоваться на основе плеонастического употребления союза *либö* и частицы *нö*, содержащей суффикс множественного числа *-öсь*. В результате слияния союза *либö* и частицы *нöсь* образовалась форма *либöнöсь*, являющаяся, на наш взгляд, диалектным образованием.

Либö «разделительное». Примеры: *Казяласны кө [сьöлаяс] зверöс либö мортöс, пыр жö та йылысь сетöны тöдны öта-мöдылы* (Коданев 1979: 110) ‘Если заметят [рябчики] зверя либо человека, сразу же об этом дают знать друг-другу’; ***Либö мортөн лоны, либö нинöмö воны*** (посл.) ‘Либо человеком стать, либо ни во что превратиться’.

Либö «присоединительное». – ... *А арнас, кор керъясыс да бонаясыс лоöны налим кодь нильöгöсь, либö йизьöны? Лöсялö öмöй татшöм уджыс миян кадлы?* (Торопов 1995: 103) ‘– ... А осенью, когда бревна и боны, как налиммы, становятся скользкими, или леденеют? Соответствует ли такая работа нашему времени?’; *Гожöмнас югыдвиж дзоридзыс вошö, сыысь артмö небыдик гөн шар, либö гöна юр, кыдзи шуöны сиктын* (Раевский 1988: 84) ‘Летом ярко-желтый цветок пропадает, из него получается мягонький пушистый шар, или пушистая голова, как говорят в селе’; *Кыдзи став татшöм дойдалысь нелючкияссö торъя мортыд веськöдан? ... Кор лючкисö керöмаыс-вöчöмаыс олöмас быттö немтор нин и абу, либöнöсь сэтшöм нин этиа кольöма...* (Торопов 1988: 30) ‘Как одному человеку устранить все эти, причиняющие боль, неполадки? ... Когда толком сделанного в жизни будто ничего уже и нет, либо так уже мало осталось...’.

Ли ‘или’.

Союз *ли* по своему происхождению связан с русской вопросительной частицей *ли*, придающей высказыванию вопросительный смысл с оттенком сомнения. Союз *ли*, сохраняя оттенок сомнения, служит для связи однородных членов предложения, предикативных частей в сложносочиненных конструкциях, но реже. Он может соединять любые однородные члены, выражая разделительные отношения с оттенком выбора, напр: *Вежонтö кымын, этиша вылö кö нин, быть колö мичаавлыны, а сэсса мед, колöкö, зэр ли лым ваяс, сы вылö и арыс* (Юшков 1988: 3) ‘Примерно неделю, если уж по меньшей мере, обязательно должна стоять хорошая погода, а дальше пусть, если надо, дождь или снег принесет, на то она и осень’.

Союз *ли* может выступать в присоединительном значении. Добавочный характер присоединяемой части осложняется оттенком сомнения, неуверенности. При присоединительных отношениях союз *ли* занимает позицию только после присоединяемой частью, что можно объяснить его происхождением и позицией в языке-источнике, напр.: *Отпускалагас мамыс броткывлас жö вöли, дыр пö он гöтрась да вошан олёмсыйс, юсян ли* (Игнатов 1988: 185) ‘Во время отпуска мать, бывало, тоже ворчала, долго, мол, не женишься и потеряешься в жизни, или сопьешься’.

Ли ...ли ‘или ... или, либо ... либо’.

Г. Г. Мишина в статье «Употребление союза *ли* ... *ли* в сложноподчиненном предложении» рассматривает употребление одиночного союза *ли* и повторяющегося *ли* ... *ли* в функции сочинительных и подчинительных союзов в сложноподчиненном предложении с условной, уступительной и изъяснительной придаточной частью [Мишина 1987 : 136–144]. В коми языке союзы *ли* и *ли* ... *ли* выделяются как союзы сочинительной связи.

Повторяющийся союз *ли* ... *ли* употребляется при перечислении фактов одинаково возможных, когда говорящий хочет указать, что реальным из них

является лишь один, но какой именно – ему неизвестно. Элементы этого союза (*ли*) вводятся в каждое из связываемых частей – однородных членов или предикативных частей в сложном предложении, начиная с первого, и всегда после соединяемого компонента. Примеры: – *Манакыд пö, Владик, кутшöмкö кельяын ли, щельын ли олö, а тэныд со бара нин любезной письмо воöма* (Безносиков 1985: 81) ‘– Монах, говорят, Владик, либо в какой-то келье, либо в щели живет, а тебе вот опять уже любезное письмо пришло’; *Сöмын кылö, кыдзи пыр на броткöдчыштö «скала» вылö юыс, да корсюрö заводитлас котсьыны кустьяс пöвстын байдöг, да кöнкö тыын ли, нюрын ли чукöртö ассьыс семьясö сёрмöм жыдач* (Игнатов 1988: 29) ‘Только слышно, как все еще немного ворчит на «скалу» река, да временами начинала квохтать в кустах куропатка, да где-то или на озере, или на болоте собирает свою семью запоздавший чирок’. Препозитивное положение нехарактерно как для литературного русского языка, так и для заимствующего коми языка. Такая грамматическая особенность союза *ли ... ли* проявляется в севернорусских говорах: *Ли тьяло, ли пьрътапила* (Ряз.), *Ли каня тябе жалка, ли сбруи залатой, ли ’тца тябе жалка, ли матушки родной* (Раст. – См.) [Шапиро 1953: 81].

Не то ... не то ‘не то ... не то’.

Союз *не то ... не то* получает в русской лингвистической литературе разные характеристики. В «Русской грамматике» отмечается: «...взаимоисключение осложнено значением предположительности или указанием на затруднение в выборе точного обозначения ситуации» [РГ 1980 II: 628].

Союз *не то ... не то* в коми языке, как и в языке-источнике, повторяющийся, одиночно не выступает, употребляется всегда в позиции перед соединяемым компонентом. «Союз *не то ... не то* предпочтительнее используется при описании явлений, доступных восприятию, но производящих неоднозначное, неясное впечатление» [Хегай 1981: 10].

Существенных отличий в значениях и синтаксическом употреблении союз *не то ... не то* в коми и русском языках не проявляет. Он служит для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненном предложении. Примеры: *Сдайтõма нõ [Тшаков] ревизия бõрын ключьяссõ ОРС-õ да ачыс мунõма не то гортас, не то лэччõма районõ* (Изъюров 1984: 75) ‘Сдал, мол, [Тшаков] после ревизии ключи в ОРС, а сам ушел не то домой, не то уехал в район’; «*Майбыръяс! Гортаныс воõны [утка котыр]!*» – *не то шога, не то радлõмõн думышитис Василёк* (Там же: 159) ‘«Счастливые! Домой возвращаются [утиная стая]!» – не то печально, не то с радостью подумала Василек (Василиса)’.

***Нисьõ* ‘не то ... не то’.**

Сомнение может вызвать союз *нисьõ* ‘не то ... не то’, но и он, по мнению исследователей, не чужд русскому языку. Б. А. Серебренников отмечает: «В союзе *nišo* ‘не то’ первый составной элемент <...> заимствован из русского. Происхождение второго составного элемента неизвестно» [Серебренников 1963: 375].

Г. В. Федюнева союз *нисьõ* также считает русским заимствованием. По предположению исследователя, «он мог появиться в результате переосмысления устойчивого сочетания *ни сё* < рус. *ни то, ни сё*. Возможно также, что в его формировании участвовали и коми указательные основы на *сэ-*: лит. *нисьõ* ‘не то’ < **ни-сэ* “не то”, ср. иж. *н’эс’э-н’эс’э* [ИД 1976: 112], уд. *н’эс’и* ‘не то’ [УД 1990: 214]» [Федюнева 2007: 174].

На русское происхождение союза *нисьõ* указывает еще один факт: в русских говорах – вятских, владимирских, тверских – бытует семантически и функционально близкий ему аналог – разделительный союз *нись* со значениями ‘либо, не то ... не то’: *Нись придет, нись нет?* Даль [без указ, места]. Стариц. Твер., 1899. *Нись пойдет он в город, нись нет, кто его знает.* Калинин. Вят. *Уж и не помню, нись вчера это было, нись третенись.* Влад. *Нись Иван женился, нись нет.* Моск. [СРНГ 1986: 238].

Союз *нисьӧ* служит для соединения однородных членов. Он может употребляться одиночно и повторяться. Примеры: *Сійӧ [Иванлӧн ёртыс] аддзис Анна тьӧтлысь чуймӧм нисьӧ шӧйӧвошӧм чужӧмсӧ, тапнитӧс сылы пельномас...* (Попов 1986: 55) ‘Он [товарищ Ивана] видел у тетки Анны не то удивленное, не то растерянное лицо, хлопнул ей по плечу ...’; *Но узис сійӧ [Домна] кокни унмӧн, нисьӧ узис, нисьӧ олис* (Федоров 1981: 436) ‘Но спала она [Домна] легким сном, не то спала, не то бодрствовала’; – ... *Со и менам гӧтырӧй, жинкаӧй, хохлушка... А челядьӧй код тӧдас кодъяс... Коми нисьӧ хохол, нисьӧ роч...* (Торопов 1998: 32) ‘– ... Вот и моя жена, жинка, хохлушка... А дети кто знает кто... Не то коми, не то хохлы, не то русские’.

В коми языке с союзом *нисьӧ* оформились конструкции фразеологического характера, которые достаточно часто употребляются в разговорной речи и встречаются в художественных произведениях: *йӧй нисьӧ прӧсуж* ‘глуповатый, дурашливый (букв. не то глупый, не то умный)’; *кулӧма нисьӧ ловъя* ‘полуживой (букв. не то жив, не то мертв)’; *тшыг нисьӧ пӧт* ‘полуголодный (букв. не то голоден, не то сыт)’ и т. д. [КРК 2000: 433].

То ли ... то ли ‘то ли ... то ли’.

Союз *то ли ... то ли*, как и союз *не то ... не то* получает в русской лингвистической литературе разные характеристики. В. З. Санников поддерживает точки зрения А. Н. Гвоздева [Гвоздев 1973: 144], С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова [Крючков, Максимов 1977: 29], В. Н. Перетрухина [Перетрухин 1979: 146–147] и считает, что более правильной представляется квалификация этого союза как синонимичного союзу *не то ... не то* [Санников 2008: 222]. В. М. Хегай отмечает «тенденцию к разграничению союзов *не то ... не то* и *то ли ... то ли ...* Союз *не то ... не то* предпочтительнее используется при описании явлений, доступных восприятию, но производящих неоднозначное, неясное впечатление ... Союз *то ли ... то ли* тяготеет к передаче информации об отсутствии у говорящих полных или достоверных сведений об идентифицируемом объекте» [Хегай 1981: 10].

Существенных отличий в значениях и синтаксическом употреблении союз *то ли ... то ли*, подобно союзу *не то ... не то* в коми языке не проявляет. Он служит для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненном предложении. Подобно в языке-источнике, повторяющийся, употребляется всегда в позиции перед соединяемой частью. Примеры: *А леспромхозын кӧ юаласны, мый вылӧ туйӧ сійӧ вӧрыс, висътавны ог куж: то ли авиационной, то ли строительной, то ли палубник, то ли пес* (Пыстин 1987: 207) ‘А если спросят в леспромхозе, на что идет тот лес, сказать не смогу: то ли авиационный, то ли строительный, то ли палубник, то ли дрова’; *Мӧвпъяссӧ торкис палаткаӧ пыранінын то ли шаркӧдчӧм, то ли тотикӧдчӧм* (Игнатов 1988: 182) ‘Мысли сбило у входа в палатку то ли шуршание, то ли стук’; *А начальник сезон чӧжӧн сэсса нырсӧ эз и мычывлы: то ли кадыс эз вӧв, мӧдлаын вӧлі ёнджыка колӧ, то ли лыддис, мый тадзсӧ бурджык лоас* (Там же: 19) ‘А начальник в течение сезона нос больше не показывал: то ли времени не было, в другом месте больше нужен был, то ли считал, что так будет лучше’.

То ... то ‘то ... то’.

Союз *то ... то* всегда повторяющийся. Служит для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненном предложении, употребляется при перечислении фактов однородного характера, совершающихся поочередно между ними.

В определении «Словаря русского языка» отмечается, что это – разделительный союз, употребляющийся для описания «чередующихся фактов или явлений» [СРЯ 1984: 370].

В. З. Санников подчеркивает два важных обстоятельства:

1. «Чередование», выражаемое союзом *то ... то*, это всегда чередование во времени.

2. С другой стороны, чередование во времени не передается никакими другими разделительными союзами [Санников: 2008: 223–224].

Примеры: *Туйыс кыссис то нюрзьём увтасінъясöd, көні муыс эз тыдав мырпомысла да увьяснас кысьём бадь кустьясысла; то кайліс мыльк бокшаясö, то бөр лэччывліс, медым вуджны изья шорьяс вомён* (Игнатов 1988: 10) ‘Дорога тянулась то по болотистым низменностям, где не было видно земли из-за морошки и заплетавшихся ветками ивовых кустов; то поднималась на стороны холмов, то обратно спускалась, чтобы переходить через каменистые ручьи’; *Сергей оз на куж дедö моз бöжавныс. То сійö ёна йötкыштас пыжсö, то пыж дорас пелысыс камгыяс: и чери пышійö, оз сибöд* (Пыстин 1987: 207) ‘Сергей не умеет еще, как дед, управлять лодкой. То он сильно толкнет лодку, то весло об лодку стукнется: и рыба уходит, не подпускает’; *Асывьясыс лөньюсь. Енэжыс петкөдлас то ассьыс кушмём плешсö, то руд кымөрьяс мөдасны дышиника шывгыны парма весьтөд* (Коданев 1979: 103–104) ‘Утра тихие. То небо покажет свой лысый лоб, то серые облака начинают лениво плыть над лесом’.

Этому утверждению противоречат, как нам кажется, примеры типа: *Сулалö еджыд тошка дед. Сійö чатөртыштөмөн видзөдлывлö то Лида вылö, то внукуыс вылö* (Попов 1986: 71) ‘Стоит дед с белой бородой. Он, запрокинув голову, поглядывает то на Лиду, то на внука’; *Палатка костьясын, то öтилаын, то мөдлаын кыліс варовитөм, серам, көнкö брунөдчис гитара, гөрд чутьясөн ыпнитлісны чигаркаяс* (Льюров 1988: 132) ‘Между палатками, то в одном месте, то в другом слышны были разговоры, смех, где-то брэнчала гитара, красными точками вспыхивали сигареты’.

Описываемые компоненты в данных предложениях реально не сменяют друг друга по времени, относятся к одному времени. Однако союз *то ... то* выражает временную последовательность компонентов. С точки зрения наблюдателя мы воспринимаем эти компоненты не как одновременные, а как чередующиеся во времени, сменяющие друг друга.

2.2. Особенности функционирования соединительных союзов

Сочинительные союзы в коми языке, хотя и в большинстве своем заимствованы из русского языка, сохранив при этом свои значения, имеют некоторые особенности в функционировании. Об этом в свое время писал Д. В. Бубрих. И эту особенность исследователь находил, прежде всего, в том, что «коми язык допускает трактовку сочинительных союзов как сопровождающих то слово, после которого они стоят». Такая трактовка «не мирится с повторением союзов перед каждой из сочинительных единиц. Поэтому в соответствующих случаях окзывается одно из двух: либо союз опускается перед первой из сочиняемых единиц <...> либо союз повторяется после каждой из сочиняемых единиц; при трактовке сочинительных союзов как сопровождающих те слова, после которых они стоят (при старой трактовке), союз может оказываться заключающим все сочинительное построение» [Бубрих 1949: 190–191].

Как отмечали выше, союзы *да* ‘и’, *дай* ‘и’, *и* ‘и’, *и...и*, ‘и...и’, *ни* ‘и’, *ни...ни* ‘ни...ни’ в конструкциях при соединении синтаксических единиц – однородных членов, предикативных частей в сложносочиненных предложениях, отдельных предложений в тексте – могут употребляться как перед каждым соединяемым компонентом, так и после: *Став ылддчёмъяссьыс и, став лёкторъяс вёчёмъяссьыс и, ни вёснаыс и öні Ольöи эськё вермис кё, тайö, съöd вёр шöрын сулалысь зывöк позсö [Асныровöс], чер öбукöн из вылын колькйöс моз резыштис, резыштис сідз, мед эз коль ни öти чиртор* (Юхнин 1983: 172) ‘И за все вранье, и за все злодеяния, и за сына сейчас Ольош, если бы смог, этого [Аснырова], стоявшего в глухом лесу отвратительного человека, как яйцо на камне обухом топора тюкнул, тюкнул так, чтобы не осталось ни одной крупинцы’, *Ручка ни, карандаш ни ки улын абу* ‘Ни ручки, ни карандаша нет под руками’. Союзы *и*, *ни* могут занимать позицию после присоединяемой части – оказываться заключающим все сочинительное построение: – *Черыд быдса ведра багажникын, пестер тыр тшак и*, – *эз веськыда вочавидз мöдыс...* (Напалков 1996: 19) ‘– Рыбы целое

ведро в багажнике, и грибов полный пестерь, уклончиво ответил тот’, *Муста-Тунтури йылысь сэки пöшти некöн эз кывсьыв, военной сводкаясын эз гаравсьы ни* (Безносиков 1973: 20) ‘Про Муста-Тунтури тогда почти нигде не было слышно, и в военных сводках не упоминалось’.

Описанные грамматические явления характерны не для всех сочинительных союзов – только для соединительных. А. С. Сидоров также обращает внимание на необычное – постпозитивное – употребление соединительных сочинительных союзов в коми языке: «Соединительные сочинительные союзы могут употребляться в коми языке соответственно суффиксального строя коми слова в постпозиции, в роли союзных частиц. <...> Переход союзных частиц в препозицию, нужно думать, произошел под влиянием русского языка» [Сидоров 1992: 120]. Для современного русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции нехарактерно: они всегда локализируются перед соединяемой частью. Правомерно ли предположение А. С. Сидорова о специфике употребления соединительных союзов с агглютинативным морфологическим типом коми языка?

Постановка соединительных союзов после соединяемых ими компонентов – явление, характерное также для северновеликорусских говоров. Особенностью в употреблении обладают соединительные союзы *да*, *да и*, реже *и*. Союзы *да* и *да и* способны употребляться повторно, и как составные элементы повторяющихся союзов (*да ... да, да и ... да и*) ставятся после каждой соединяемой части, напр.: *Нету лесу – на острову кругом вода да, луга да* (Арх.), *Конь то был у нас хорошей да, молодой да* (Арх.); *Со снохой да и, с сыном да и* (Арх.), *От мужа наоставалась скотина да и, денег да и* (Арх.). Иногда встречается прием повторного употребления союзов *да* и *да и* в конце присоединяемого предложения: *В доски клали ёго, да закопали в яму да* (Арх.); *Им-то полно блюда наклали малины, да и высушили да и* (Арх.). Иногда союз *да и* ставится в конце второго предложения: *Два яйца разбито, молока да и* (Арх.) [Шапиро 1953: 69–70;

233]. А. Б. Шапиро в работе «Очерки по синтаксису русских народных говоров» при рассмотрении вопроса о способах связи между предложениями писал, что «постпозитивное положение возможно только у соединительных союзов». Причину такого грамматического явления А. Б. Шапиро объяснял тем, что «они обладают свойствами, отличающими их от союзов и приближающими их к частицам» [Шапиро 1953: 235–236].

Не исключено, что могло иметь место субстратное влияние. Несколько столетий тому назад предки нынешних коми-зырян и коми-пермяков проживали в сопредельных с русскими говорами ареалах – в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях [Жеребцов 1982: 26–33], – для диалектов которых характерно данное грамматическое явление. Тесные языковые контакты в течение продолжительного времени русских и коми народов могли стать результатом влияния на коми язык синтаксиса русских народных говоров. Влияние могло идти, главным образом, со стороны русских, что вполне понятно. Однако, живя в одинаковых исторических и географических условиях, русский язык сам мог, в свою очередь, испытать определенное влияние со стороны контактирующих народов – коми-зырян и коми-пермяков.

А. Б. Шапиро не исключает, что на синтаксическую структуру предложения (на особенности употребления некоторых служебных слов, в данном случае на особенности употребления соединительных союзов) в северновеликорусских (а также в некоторых сибирских) говорах могли оказать влияние другие языки, например, синтаксис языков финской группы (Шапиро 1953: 20–21).

Для более полного объяснения этих особенностей необходимо, прежде всего, накопить дополнительный фактический материал и осуществить его анализ.

2.3. Выводы по главе

Собранный и рассмотренный в главе материал по сочинительным союзам в коми языке позволяет сделать следующие выводы.

1. Наиболее употребительными союзами сочинительного ряда в современном коми языке являются соединительные союзы: *и*, который уже в древнезырянском языке являлся самым частым, *да*, не отстающий в реализации различных семантико-синтаксических отношений в сочинительных конструкциях от союза *и*; противительные *а* и *но*, из разделительных – *либӧ*, сопоставительные: *кӧть – но*, *кӧть и – но*, присоединительный *да и*. Другие встречаются значительно реже, некоторые чрезвычайно редко (*а сідзжӧ* ‘а также’, *дай сійӧ* ‘да и то’).

2. В формировании и развитии сочинительных союзов в коми языке первостепенную роль сыграл русский язык, начиная с древнепермского периода и до наших дней. Большинство из сочинительных союзов в коми языке являются русскими по происхождению или представляют кальку с русского. Среди сочинительных союзов на базе собственного языка сформировался только союз *сэсся* ‘и, и затем; да и’ соединительно-присоединительного значения; путем калькирования образовались сопоставительные союзы (*кыдзи – сідзи и* ‘как – так и’, *не сідз – кыдз* ‘не так – как’, *не (эз) сӧмын – но и* ‘не только – но и’, *не сы мында – мыйта* ‘не столько – сколько’), союзы *а сідзжӧ* ‘а также’, *дай сійӧ* ‘да и то’ присоединительного значения. Остальные заимствованы из русского языка.

3. Как показывают материалы исследования, многие сочинительные союзы (*и* ‘и’, *да* ‘и’, *а* ‘а’, *но* ‘но’, традиционно признаваемые многозначными, оказываются однозначными.

4. Проведенное исследование позволило выделить ряд семантических компонентов, не выделяемых ранее. Одним из таких важных компонентов является смысловой компонент «норма», который входит в значение некоторых сочинительных союзов (*и ... и* = «больше нормы», *да* = «меньше нормы» и т.д.).

5. Соединительные союзы *да*, *дай*, *и*, *и ... и*, *ни*, *ни ... ни* в языке-рецепторе имеют специфику употребления: в конструкциях при соединении синтаксических единиц могут употребляться как перед соединяемым

компонентом, так и после – в роли союзных частиц. Для русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции нехарактерно: они всегда локализуются перед соединяемым компонентом. Постановка соединительных союзов после соединяемых ими компонентов – явление, характерное для севернорусских (а также некоторых сибирских) говоров.

ГЛАВА 3. ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СЛОВА

Среди союзов выделяются такие, которые соединяют главное и придаточное в составе сложноподчиненного предложения. Такие союзы называются *подчинительными*. Подчинительные союзы организуют сложноподчиненное предложение – синтаксическую конструкцию строго определенной формальной (грамматической) и смысловой (семантической) структуры. Спецификой этой конструкции является бинарность (двучленность) как со стороны ее формы, так и со стороны смысловой организации. При помощи подчинительного союза выражается зависимость одной предикативной единицы от другой. Подчинительные союзы, находясь в придаточной части, не являются ее членами, а служат только для связи придаточной части с главной. Служебный характер союзов проявляется и в том, что они не могут быть выделены при помощи логического ударения, а односложные союзы сливаются в произношении с идущим за ним словом, как и другие проклитики. А. М. Пешковский отмечал, что подчинительные союзы так тесно сливаются с придаточными предложениями, что образуют с ними «одну цельную смысловую массу» [Пешковский 1956: 464]. Место подчинительного союза внутри придаточного предложения в коми языке не является строго фиксированным, однако, чаще занимает позицию перед придаточной частью.

Подчинительные союзы могут начинать текст, когда он открывается сложноподчиненным предложением и придаточная часть предшествует главной, напр.: *Мыйён тыдовтчисны посёлокса керкаяс, Вася регыд и воис öзынö* (Игнатов 1988: 215) ‘Как только показались поселковые дома, Вася быстро и дошел до причала’, *Кор идйыд воас да рудзöгыд, сйö вундам* ‘Когда созреют ячмень и рожь, (мы) это сжинаем’ (ОКЗР 1971: 238, 239).

Подчинительные союзы, как и сочинительные, употребляются для соединения отдельных предложений в тексте: *И со кольом ар нарошнйон мөддөдисны тиськөс Герасимос Питерөдз. Мед сэни, стольной карас висьталө налөн шогъяс да могъяс йылысь. Корсьө правдасө* (Тимушев 1986: 34) 'И вон прошлой осенью нарочным отправили проворливого Герасима в Питер. Чтобы там, в стольном городе рассказал об их бедах и задачах. Ищет правду'.

Подчинительные союзы коми языка по происхождению разделяются на два разряда: 1) союзы, сформировавшиеся на базе слов разных категорий собственного языка: как знаменательных, так и служебных; 2) союзы, восходящие к «готовым» союзам других языков (заимствованные союзы), а также образованные путем калькирования.

Резервом, пополняющим класс подчинительных союзов, являются главным образом местоимения, наречия, частицы.

В коми языке среди подчинительных союзов наиболее многочисленна группа союзов местоименного происхождения, т.е. таких служебных слов, в которых развитие союзных функций определяется местоименным компонентом. Союзные функции естественно развиваются у слов с релятивной семантикой. К таким словам по своей природе относятся местоимения, прямо не называющие предметы, явления, признаки, а указывающие на них через соотнесенность с чем-то другим. На современном этапе они играют первостепенную роль в процессах формирования новых союзных средств. Структурной основой союзов этого типа может быть местоименное слово, превратившееся в союз (*кор* 'когда', *кыдз* 'как', *мый* 'что', *си / сы* 'тот' и др.) и уже в этом, новом качестве, выступающее в роли опорного элемента составных производных союзов (*кыдз быттьө* 'как будто', *кыдз сөмын* 'как только'; *мыйон сөмын* 'как только'; *сийон мый, сы вöсна мый, сы понда мый* 'потому что' и др.).

К. Е. Майтинская отмечает, что «союзы прономинального происхождения в финно-угорских языках формировались главным образом на базе указательных и вопросительных местоимений» [Майтинская 1982:

93]. В финно-угорском языке-основе выявляются семь-восемь древних указательных местоимений, «каждое из которых участвовало в формировании союзов», и три вопросительных местоимения: «в образовании союзов участие принимали только два – *k̄j̄ и *m̄z» [Там же: 93–95].

Союзом указательно-местоименного происхождения может послужить бытующий в удорском диалекте специфический союз *c'и, сы, с'ик, ськ* (Ваш., верх. Мез.), *c'и* (ниж. Мез.) ‘если, коли’ [УД 1990: 99, 100].

Союзами вопросительно-местоименного происхождения в коми языке являются *кӧ* ‘если’, *кыдз (кыдзи)* ‘как; когда’, *кытчӧдз* ‘пока’, *мый* ‘что’, *мыйла* ‘потому что’, *мыйӧн* ‘как только’. Союзы *кыдз (кыдзи), кытчӧдз, кӧ* возводятся к вопросительному местоимению *k̄j̄; *мый, мыйӧн* – к вопросительному местоимению *m̄z [Майтинская 1982: 94, 95].

Союзы, сформировавшиеся на базе частиц. В коми языке с частицами связано происхождение следующих подчинительных союзов: союза *да* ‘когда; потому что, так как’ < частица *да* ‘да’ (< русская частица *да*); союз *а* ‘хотя’ < частица *а* (< русская частица *а*). Переосмысление этих частиц в союзы произошло уже в коми языке. Союз *мед* ‘чтобы’ < частица *мед* ‘пусть; да’, союз *медъя* < *мед* + частица *-я*) [Манова 1976: 19–26; Манова 1975: 90–91]. Союз *кӧ* ‘если’ преобразовался из вопросительной частицы типа финского *-ko / -kӧ*, венгерского *-e*, русского *ли*, которые часто занимают постпозитивное положение.

Подчинительные союзы по значению делятся на **семантические** и **асемантические** (или **синтаксические, функциональные**). Семантические союзы точно и однозначно указывают своим лексическим значением на те отношения, которые выражаются в сложноподчиненных предложениях с этими союзами. Асемантические союзы не указывают однозначно на определенный вид отношений: они могут употребляться в различных по значению сложноподчиненных предложениях, указывая лишь на

подчиненность придаточного предложения [СРЯ 1981: 203; СРЯ 2006: 457; ÖKK: 497].

Подчинительные союзы в коми языке получают свое развитие сравнительно поздно, и более богатые их разновидности связаны с письменной литературной речью. В современном коми языке подчинительные союзы подразделяются на следующие семантические группы: *временные, причинные, условные, уступительные, сравнительные, целевые, изъяснительные* [ÖKK 2000: 497–501].

3.1. Значение и семантическая классификация подчинительных союзов

3.1.1. Союзы с временным значением

В современном коми языке в сложноподчиненных предложениях между главной и придаточной частями временные отношения чаще оформляются: 1) семантическими союзами: *мыйён* ‘как только’, *мыйён сёмын* ‘как только’, *кыдз сёмын* ‘как только’, *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сёмын* ‘едва, только’, *сёмын на* ‘едва, только, едва только’, *сёмын кор* ‘только когда’, *кытчöдз* ‘пока’, *пока* ‘пока’; 2) синтаксическими союзами: *кор (кодыр)* ‘когда’, *кыдз(и)* ‘как’, *да* ‘когда’.

Временные отношения между главной и придаточной частями выступают как отношения *одновременности* или *разновременности*. В одних случаях действия, явления, состояния, события, о которых говорится в главной и придаточной частях, совпадают во времени; в других – действие, явление, состояние, событие, выраженное в главном предложении, следует за действием, явлением, состоянием, событием, выраженным в придаточном предложении, или предшествует действию, явлению, состоянию, событию, обозначенному в придаточной части.

Значение *одновременности* может передаваться семантическими союзами *кытчӧдз* ‘пока’ и его русским аналогом *пока* ‘пока’; синтаксическим союзом *кор/кодыр* ‘когда’.

Согласно Т. В. Кренделевой, союз *кытчӧдз* ‘пока’ имеет значение – ‘предел, до которого продолжается действие’ [Кренделева 2011: 140]. Формирование союза *кытчӧдз* подобной семантики вполне логично, поскольку слово-источник выражает подходящее значение. По происхождению данный союз является застывшей формой вопросительного местоименного наречия *кытчӧдз* в форме предельного падежа (терминатива) *-ӧдз*, функция которого, по определению исследователей, выражение предела [Бубрих 1949: 52; ÖKK 2000: 90].

Союз *пока* ‘пока’ заимствован из русского языка. Выражает отношение ограничительной одновременности двух действий.

В предложениях с союзами *кытчӧдз* ‘пока’ и *пока* ‘пока’ временное отношение осложнено ограничительным моментом: событие, действие, о котором говорится в главной части, совершается в период, ограниченный временными рамками, обозначенными придаточной частью. Ограничительная функция придаточного предложения обусловлена здесь спецификой самих союзов, в которых присутствует значение временной протяженности. Действие главной части совпадает с действием придаточной на всем его протяжении. При этом во втором предложении союзы *кытчӧдз* ‘пока’ и *пока* ‘пока’ ясно указывают на конечный момент этого совпадения. Сказуемые в главной и придаточной частях имеют чаще всего одинаковые формы времени. Примеры: – ... *Кытчӧдз дзотыс лоӧ мян, повны нинӧмысь* (Льжуров 1988: 161) ‘– ... Пока дзот будет у нас, бояться нечего’; *Пуксьы, зонмӧ, орччӧн, пока диваныс прӧст...* (Безносиков 1973: 119) ‘Садись, парень, рядом, пока диван свободный’, *Пока зарядка вӧчан да мыссян-пасьтасян, кадыс и кольӧ* (Куратова 1989: 50) ‘Пока зарядку делаешь и моешься-одеваешься, время и проходит’; *Пока вензим, Наташа кодакӧ кості ачыс нюзӧдӧма кисӧ съӧла дорӧ да малышитіс сійӧс* (Раевский 1988: 96)

‘Пока спорили, Наташа когда-то сама протянула руку к рябчику и погладила его’.

Союз *кор* ‘когда’ сформировался на основе местоименного наречия *кор* ‘когда’, образовавшегося путем сложения прауральского местоимения **ко* и существительного *дыр* ‘время’, восходящего к общепермскому периоду. В результате этого процесса образовалось сложное наречие *коддыр* > *кодыр*, впоследствии *кодыр* > *кор*. Союз *кор* является стяженной формой от слова *кодыр* [Манова 1975: 50; Редеи 2005: 230].

У союза *кор* ‘когда’ основное значение – временное. Условный же оттенок (не исключающий временного значения союза, а лишь дополняющий и несколько затеняющий его) выступает также при наличии определенных структурных и лексических данных. Союз недифференцированного временного значения *кор* ‘когда’ соотносит факты, названные в предикативных частях, в общем временном плане, конкретные же временные значения создаются формами глаголов-сказуемых. Примеры: *Нимкодъ вöлі и батьлы, Василий Ивановичлы, кор вильыш кага кутчысьліс ичöлик кекеньяснас сьлөн мича, кузь ускö да зілис вель доймана тракнитны* (Федоров 1988: 16) ‘Радостно было и отцу, Василию Ивановичу, когда озорной ребенок хватался маленькими ручонками за его красивые, длинные усы и старался довольно больно дернуть’; *Тайö вöлі Сыктыв ю кузя пыжсөн гуляйтигөн, кор сійö [Проня] лöсьöдчис мунны салдатö* (Федоров 1981: 252) ‘Это было, во время прогулки на лодке по реке Сысоле, когда он [Проня] собирался идти в солдаты’.

Союз *кодыр* ‘когда’ является сложным словом. Образован от вопросительного местоимения *ку-* и существительного *дыр* ‘время’ [КЭСК: 127]. Зафиксирован он уже в первой печатной грамматике коми-зырянского языка [Флеров 1813: 37–38]. Однако союз *кодыр* постепенно уступает место союзу *кор* и в современном коми языке встречается не так уж часто, как в разговорной, так и в письменной речи. Примеры: *Сэсса öд, кодыр лэчкад сьöлаыд сиасьö, сэки жö кыйныд-а* (Безносииков 1973: 121) ‘Да и ведь, когда

рябчик попадает в ловушку, тогда же охотиться-то’, *Кыдзкө абу жө лөсьыд, кодыр кодкө тэ йылысь лёка мөвпалө, кодыр тэ вөсна тадзи вензьоны* (Безносиков 1985: 106) ‘Как-то же нехорошо, когда кто-то про тебя плохо думает, когда из-за тебя так спорят’.

Значение *разновременности* может передаваться семантическими союзами *мыйөн* ‘как только’, *мыйөн сөмын* ‘как только’, *кыдз сөмын* ‘как только’, *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сөмын* ‘едва, только’, *сөмын на* ‘едва, только, едва только’; синтаксическими союзами *кор*, *кодыр* ‘когда’, *да* ‘когда’. В сложноподчиненных предложениях с данными союзами действие, о котором говорится в главном предложении, следует за действием, обозначенным в придаточном предложении (совершилось или начало совершаться).

В языке сосуществуют относительное местоимение *мыйөн* ‘чем’ и омонимичный ему союз временного значения *мыйөн* ‘как только’, структурно представляющие форму относительного местоимения *мый* творительного падежа (инструменталь) *-өн*. Местоимение *мыйөн* ‘чем’ также может выступать в связующей функции в сложноподчиненных предложениях между главным и придаточным предложениями, но при этом быть самостоятельной частью речи и входить в состав придаточного предложения в качестве одного из его членов. Было бы ошибкой трактовать о возможности формирования союза *мыйөн* ‘как только’ на базе местоимения *мыйөн* ‘чем’.

По происхождению союз *мыйөн* является застывшей формой местоимения *мый-* творительного падежа (*-өн*). Согласно Д. В. Бубриху, творительный падеж (инструменталь) употребляется в нескольких значениях, связанных между собой. Одним из таких значений является указание на промежуток времени, в течение которого разворачивается действие [Бубрих 1949: 39, 41].

Г. А. Некрасова в работе «Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках» подробно описывает семантико-синтаксические функции инструменталья с выявлением общего и частного в его семантической структуре в пермских языках, выделяя также временное значение с несколькими разновидностями, из которых, как отмечает исследователь, все проявляются в коми языке [Некрасова 1997: 5–7]. Г. А. Некрасова приходит к выводу, что «разнообразие семантико-синтаксических функций падежа послужило основой формирования на базе инструменталья новых лексем и даже грамматических форм» [Некрасова 1997: 18]. Исходя из этого, можем полагать, что основой формирования временного союза *мыйӧн* ‘как только’ могло послужить временное значение инструменталья: первоначально на основе местоимения *мый* ‘что’ и временного значения инструменталья на -*ӧн* образуется обстоятельственное слово *мыйӧн*, имеющее временной признак со значением ‘как только’. Позже это обстоятельственное слово переходит в союз. Примеры: *Мыйӧн Прокӧ тыртис румкаяссӧ, поп пернапасасис да чурскӧбтис курыдсӧ, сэсса песовтис дозмӧр кок пӧв да сатикысис чигъяс лэчӧд пиньяснас* (Тимушев 1986: 41–42) ‘Как только Проке наполнил рюмки, поп перекрестился и выпил с аппетитом горькое, затем вывернул глухариную ножку и впился острыми зубами в мясо’; *Мыйӧн джудждаммис тэчасыс, сылы [Васькалы] и тиӧктисны вылысас кайны* (Юшков 1988: 111) ‘Как только скирда стала выше, его [Ваську] попросили залезть наверх’. *Мыйӧн шондӧдас, тулысын тэ [кыдз пу] бӧр томман, пасьталан выль платье, гордӧя кыпӧдан юртӧ вылӧ* (Раевский 1988: 145) ‘Как только потеплеет, весной ты [береза] снова помолодеешь, наденешь новое платье, гордо поднимешь голову высоко’.

Составные союзы *мыйӧн сӧмын*, *кыдз сӧмын*, реализующие значение ‘как только’, образовались на основе частицы *сӧмын* ‘только’. *Мыйӧн сӧмын гольсмуни томан да усис кӧрт тас, выныштчӧмӧн чужйис [Габӧ] ӧдзӧссӧ да петис ывлаӧ* (Тимушев 1986: 38) ‘Как только звякнул замок и упал железный засов, [Габе], напрягшись, с силой пнул дверь и вышел на улицу’; *Сиктса*

том йѳз тулысьянь, **мыйѳн сѳмын** сылас лым да косьмас эжа, шондї лэчѳмсьянь да асья кыа ѳзйытѳдз танї коллявлїсны гажя рытьяс (Изъюров 1984: 98) ‘Сельская молодежь с весны, как только растает снег и высохнет трава, от захода солнца и до появления утренней зари провожали здесь веселые вечера’; *Сійѳ и ѳдѳк, кыдз сѳмын Борисыс висьталїс гѳстьяс воѳм йылысь, котѳртїс юктасян шорас да тыла выв няйтсѳ вывсьыс мыськис ключ ванас* (Юхнин 1983: 25) ‘Поэтомu и Одѳк, как только Борис сказал о приходе гостей, побежала к ручью, где поят скот, и подсечную грязь с себя смыла ключевой водой’.

Союз *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’ сформировался на базе наречия *муртса* ‘едва, еле, чуть’, не связанного с материальным признаком, в силу утраты категориального значения. Наречие *муртса* может примыкать к прилагательному и глаголу. Примыкая к прилагательному, обозначает степень проявления признака, качества, состояния: *муртса ловья* ‘еле живой’, *муртса югыд* ‘чуть светло’ и т.д. В предложении, примыкая к глаголу-предикату, наречие *муртса* может выражать: 1. Степень проявления действия: *Бать мудзѳмысла муртса воис гортѳдзыс* ‘Отец от усталости еле дошел до дому’; *Тѳлыс муртса лѳнис* ‘Ветер чуть утих’. 2. Количественную сторону действия: *Муртса пыралї орчѳн олысьясас* ‘Чуть (совсем ненадолго) заходил(а) к соседям’ – указывает на небольшой отрезок времени; *Вотѳссѳ вайис муртса* ‘Ягоды принес(ла) чуть (совсем мало)’ – указывает на малое количество. Его происхождение наложило отпечаток на выражение значения количественности. Наречие *муртса* является производным и структурно состоит из двух частей: корневого *мурт-* и архаического суффикса *-са*. В современном коми языке встречается ряд слов такого же корня: *муртавын* ‘мерить, смерить; вымерить; промерить; обмеривать; диал. снять мерку’; *муртавтѳм* ‘неизмеримый’; *мурталысь* ‘меряльщик’; *муртѳс* 1) ‘мера; критерий’; 2) ‘мерка’; 3) *диал.* ‘выкройка’; *муртѳса* ‘учитываемый мерой, мерный’ [КРК 2000: 408]. Во всех этих словах общим семантическим компонентом является «мера». 3. Временной признак

со значениями ‘едва, только что’: *Муртса помасисны урокъяс* ‘Только что закончились уроки’, *Артистъяс муртса воисны* ‘Артисты только что приехали’.

Предпосылкой для превращения наречия *муртса* в союз было его закрепление строго фиксированного места в порядке слов – непосредственное примыкание к глаголу-предикату. Возможно, переход наречия *муртса* в союз произошел следующим образом: были глагольные конструкции, где наречие *муртса* могло стоять перед глаголом, даже в начале предложения. Употребление наречия *муртса* с последующим ему глаголом-предикатом в абсолютном начале бессоюзных конструкций типа *Муртса петім туйö, заводитіс зэрны* ‘Едва только отправились в дорогу, начался дождь’, между частями которых существовала синтаксически не выраженная временная зависимость, явилось предпосылкой для превращения наречия *муртса* в союз. Наречие *муртса*, начинавшее сложное бессоюзное предложение, приобретало синтаксическую функцию подчинительного союза с временным значением.

Происхождение союза *муртса* наложило отпечаток на его значение. В значении наречия *муртса* и союза *муртса* имеется общий семантический компонент – указание на малое количество. Союз *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’ используется для выражения одновременности событий, указывает на маленький промежуток времени между действиями предикативных частей.

На основе наречия *муртса* и частицы *на* образовался составной союз *муртса на* со значениями ‘едва, едва только, лишь тоько’. Примеры: *Муртса на Домна удитліс локны аптекаысь да пуксьыны помавтöм письмöсö гижны, көзьяйка бара нин суйліс юрсö сы ордö да тиöктіс...* (Федоров 1994: 431) ‘Едва только Домна успела прийти из аптеки и сесть дописать письмо, хозяйка опять уже заглянула к ней и велела...’; *Муртса на вевъялісны партизан котыр чукöртчыны öтилаö ставöн, лым трöна кузя на дорö*

котӧрӧн лэччис Вежев (Там же: 680) ‘Едва только партизаны успели собраться все вместе, по снежной тропе прибежал к ним Вежев’.

В функции подчинительного союза исследователи коми языка выделяют союз *сӧмын* ‘только, только что’ [Бубрих 1949: 193; СКЯ 1955: 275], сформировавшийся на основе наречия *сӧмын*, имеющего временной признак со значением ‘только что’. В грамматике «Современный коми язык» союз *сӧмын* квалифицируется как подчинительный союз с временным значением ‘только, только что’, но без соответствующего примера [СКЯ 1955: 275]. В «Грамматике литературного коми языка» из приведенного Д. В. Бубрихом примера *Сӧмын на бригадаяс воисны местаяс вылӧ, пондӧс кывны кыпыд уджлӧн горыс* ‘Только еще бригады явились на места, начали слышаться бодрые звуки работы’ [Бубрих 1949: 193] находим, что *сӧмын* нужно рассматривать не как самостоятельный союз, а в сочетании с частицей *на* как составной союз *сӧмын на*. В учебнике по синтаксису *сӧмын* как самостоятельный союз не представлен, а только приведен в составных союзах с временным значением: *мыйӧн сӧмын* ‘как только’, *кыдз сӧмын* ‘как только’, *сӧмын на* ‘только еще’ [СКЯ 1967: 219–223]. Рассмотренный нами языковой материал показывает, что в современном коми языке лексема *сӧмын* в функции временного союза если и встречается, то редко.

Т. В. Кренделева в современном коми языке выделяет союзы *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ и *пока эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ аналогично русскому союзу *пока не* [Кренделева 2010: 13; 2011: 139–143].

Как отмечает Ш. К. Кадыров, к вопросу выделения построений с союзом *пока не* в современном русском языке исследователи-русисты имеют разные точки зрения: «одни исследователи вообще не выделяют построения с союзом *пока не* в особый тип, другие выделяют их, считая, что союз *пока не* выражает специфическое временное отношение ограничительного предшествования действия главной части действию придаточной». Вторую точку зрения Ш.К. Кадыров считает более обоснованной, в составе союза *пока не* находя роль *не* двойственной:

«с одной стороны, *не* сохраняет свою первичную отрицательную функцию в предикате придаточной части, обозначая отсутствие действия (отсутствие некоего события, положения дел) и, с другой стороны, вместе с элементом *пока* участвует в выражении синтаксического значения одновременности событий. Второй функцией из названных *не* как морфема (формант) в производном слове, т.е. в союзе *пока не*, отличается от омонимичной собственно отрицательной частицы *не*, не являющейся структурным элементом союза. <...> Формант-частица в придаточной части, реализуя функцию отрицания, может употребляться и контактно, и дистантно по отношению к элементу *пока*, тяготея к предикату» [Кадыров 1987: 13; 24].

Согласно Т. Н. Кренделевой, союзы *кытчөдз* ‘пока’ и *кытчөдз эг(ө) / эн(ө) / эз(ө)* ‘пока не’ являются самостоятельными союзами с разными значениями. Автор пишет: «Если события, действия, явления, названные в частях предложения с союзом *кытчөдз* ‘пока’ совершаются одновременно, то в предложениях с союзом *кытчөдз эг(ө) / эн(ө) / эз(ө)* ‘пока не’ – в разное время». Как и в русском союзе *пока не*, исследователь в союзе *кытчөдз эг(ө) / эн(ө) / эз(ө)* находит выражение временного отношения ограничительного предшествования действия главной части действию придаточной. При этом, как считает Т. Н. Кренделева, в придаточной части отрицательный глагол *эг(ө) / эн(ө) / эз(ө)* ‘я (мы) / ты (вы) / он (они)’ сказуемого теряет отрицательную функцию, в результате придаточная часть получает утвердительный смысл, поэтому «*эг(ө) / эн(ө) / эз(ө)* ‘я (мы) / ты (вы) / он (они) не’, уже не играющий отрицательной роли, входит в состав союза. Однако употребляться он может и контактно, и дистантно по отношению к элементу *кытчөдз* ‘пока’» [Кренделева 2011: 141].

На наш взгляд, выделение союза *кытчөдз эг(ө) / эн(ө) / эз(ө)* ‘пока не’ в коми языке является неправомерным. Аргументом может быть тот факт, что отрицательный глагол не только выполняет функцию отрицания. Он берет на себя все грамматические категории глагола: лица, числа, времени и наклонения, а не основной глагол, сопровождаемый им и обозначающий

действие, вместе с основным глаголом в предложении выступая в качестве сказуемого. Отрицательный глагол формирует отрицательное спряжение в коми языке, что является специфической чертой глагола большинства финно-угорских языков [КЯЭ 1998: 331]. Из изложенного следует: отрицательный глагол не может являться структурным элементом союза. Дифференциация признака одновременность / разновременность осуществляется здесь на основе соотношения временных значений глаголов-сказуемых и контекста. Примеры: – ... *Ёна на ковмис шыбласьны сэсся, кытчöдз эз сюр шогмана пожöм дi* (Юшков 1988: 23) ‘... Порядком еще пришлось бродить потом, пока не нашелся подходящий участок соснового леса’; *Ме асья войсö вуграси тыын. Эз шед. Но пукалi, кытчöдз асья шондi эз кут сотны дöрöм пыр мышкуöс* (Попов 1986: 77) ‘Я на заре удил рыбу на озере. Не клевало. Но сидел, пока утреннее солнце не начало жечь спину через рубашку’.

Отрицательную функцию в предикате придаточной части с временным значением может выполнять также отрицательный глагол настоящего времени *ог(ö) / он(ö) / оз* ‘я (мы) / ты (вы) / он (они)’: – <...> *вот мынтöмысь колö öткажичыны, кытчöдз оз лок вылiджык начальствосянь ревизия да пет эрдö, мыйта ми лишнöйсö да сiдз шусяна недоимкаяссö мынтiм* (Тимушев 1986: 40) ‘<...> от уплаты налога нужно отказаться, пока не придет ревизия от начальства выше и выявится, сколько мы лишнего и так называемые недоимки платили’. В приведенном примере момент совершения действия в придаточной части служит сигналом к совершению действия в главной части, т. е. действие в главной части будет совершаться только после выполнения действия, названного в придаточной части.

Союз *кор/кодър* ‘когда’, помимо значения одновременности, может передавать также значение непосредственного следования (предшествующим является действие, выраженное в придаточной части), напр.: *Ёна жö шемöсмöдiс мянöс ёлкаыд аслас мичлуннас, кор воссисны öдзöсьяс и пырим залö* (Льноров 1988: 19) ‘Сильно же удивила нас ёлка своей красотой, когда

открылись двери и зашли в зал’; *Ёна и нимкодясисны колхозын, кор кузнечасё мастер козьналіс сельхозартельлы да ачыс жё и мөдіс дорччыны сәні* (Там же: 36) ‘Сильно же радовались в колхозе, когда кузницу мастер подарил сельхозартели и сам же и стал там заниматься кузнечным делом’; *Кор участок вылын уджссё лоас вёчёма, ми йитам сійёс [вышкасё] тайё пунктъясыскөд* (Игнатов 1988: 20) ‘Когда на участке работа будет завершена, мы соединим ее [вышку] с этими пунктами’; *Кодыр сійё [Асныров] төдмаліс Свежовлысь бөрья воясса олөмсё, Лесной институтын велөдчөмсё да помалөмсё, партийностьсё, сэки висьталіс и ачыс* (Юхнин 1983: 12) ‘Когда он [Асныров] узнал о последних годах жизни Свежова, учебе в Лесном институте и его завершении, партийности, тогда рассказал и сам о себе’; *Кодыр уджлөн музыкаыс [удж шыяс] лөнис, сэк ёртъясылы Микит шуис...*(Там же: 41) ‘Когда музыка [звуки] работы утихла, тогда Микит сказал друзьям...’.

Отношение одновременности действий (предшествующим является действие, выраженное в придаточной части) способен выражать союз *да* ‘когда’. Об этом союзе будет сказано ниже, поскольку он является не специализированным союзом.

3.1.2. Союзы с причинным значением

Лёка ‘потому что, так как’. Союз *лёка* ‘потому что, так как’ является одним из старых подчинительных союзов коми языка. По предположению Д. Фокош-Фукса, он образовался на основе глагола, значение которого было ‘збыль’ [Манова 1976: 104]. Как устаревший союз, он уходит в пассивный запас языка и встречается в произведениях устного народного творчества (в таких поэтических произведениях, где речь идет о событиях прошлого) и разговорном языке. Примеры: – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад керкаыд вевттём.* – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад джоджыд плакатём.* – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад ведраыд пыдөстём, ведраыд пыдөстём.* – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад карнаныд*

тишундтӧм (Микушев 1969: 39) ‘– Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя дом без крыши. – Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя пол без плахи. – Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя ведро без дна, без дна. – Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя коромысло без выемки’; *мед ачыс вӧчас, лёка тишан* [КРК 2000: 350] ‘пусть сам сделает, так как гордый’. В современном письменном языке он вытесняется союзами *сы вӧсна мый, сы понда мый* ‘потому что, так как’.

Союз *лёка* семантически специализированный с причинным значением. Однако К. Е. Майтинская, ссылаясь на Н. Д. Манову, выделяет также условно-изъяснительное значение союза *лёка* [Майтинская 1982: 85], которое поддерживается особенностями структурного характера. Приведенная Н. Д. Мановой конструкция *Кыдз же ме тэ сайе муна, тэяд лёка турун туйыд абу* ‘Как я выйду за тебя, у тебя же (если у тебя) нет дороги за сеном’ [Манова 1976: 19] имеет разговорную окраску и представляет собой структуру особого типа, сложившуюся в разговорной речи. Необходимо обратить внимание на то, что первое предложение начинается вопросительно-относительным словом *кыдз* ‘как’ и произносится с полувопросительной интонацией. Перед нами структура, в которой подчиненность одного предложения другому не выражена с достаточной отчетливостью. Первое предложение *Кыдз же ме тэ сайе муна* легко трансформируется в отрицательное предложение *Ме тэ сайе ог мун*, в котором не может быть реализовано событие. Как показывают наблюдения, в сложноподчиненных конструкциях с союзом *лёка* главное предложение является отрицательным.

В монографиях по коми-зырянским диалектам союз *лёка* зафиксирован только в вымском диалекте: *Гӧс т’ин’дзи тэн ог вай, л’ока он кызыс*’ (К.) ‘Гостинца тебе не привезу, потому что не слушаешься’ [ВД 1998: 163, 165].

Союз *мыйла* ‘потому что’ с причинным значением по происхождению является застывшей формой местоимения *мый-* ‘что’ в достигательном падеже (конзекutive (или каузative) с суффиксом (-ла). Согласно

Д. В. Бубриху, достигаемый падеж употребляется для указания цели и причины действия [Бубрих 1949: 43]. Как мы полагаем, первоначально на основе местоимения *мый* и причинного значения конзерватива *-ла* образуется обстоятельственное слово – наречие – *мыйла*, имеющее причинный признак со значением ‘зачем’. Позже это обстоятельственное слово переходит в союз. *Борис медводзын шензьышитіс, мыйла первойысь на аддзысьём тёдтём морт тёддө сылысь нимсө* (Юхнин 1983: 14) ‘Борис сначала немного удивился, потому что в первый раз еще встретившийся незнакомый человек знает его имя’.

Союзы *сы вёсна мый*, *сы понда мый*, ‘потому что; ввиду того что’ принадлежат к союзам сравнительно новым по времени образования. Складываются они по уже имевшейся в русском языке модели *потому что*. Наиболее ранние из известных нам случаев употребления союза *сы вёсна мый* относятся к XIX в. (встречается в произведениях И. А. Куратова). Развитие этих союзов связано с развитием книжно-письменной речи. Употребляются для обозначения причинного значения и являются семантически специализированными. Союз *сы понда мый* встречается уже в «Грамматике зырянского языка» Г.С. Лыткина [Лыткин 1889]. В современном коми языке употребляется реже по сравнению с союзом *сы вёсна мый*.

Компоненты союзов *сы вёсна мый*, *сы понда мый*, наряду со слитным употреблением способны распадаться на две части (*сы вёсна мый* – *сы вёсна ... мый*, *сы понда мый* – *сы понда ... мый*), напр.: *Ягыс сөстём, татысь ни өти пөрөдём либө пөрём пу он аддзы, сы вёсна мый йөзыс видзёны, дөзьөритёны тайө ягсө* (Раевский 1988: 79) ‘Бор чистый, здесь не увидишь ни одно сваленное или свалившееся дерево, потому что люди оберегают, ухаживают за этим бором’; *А збыльысьсө, вёліны-ө недоимкаясыс? – гыжйышитіс кудриа юрсисө Русинов: өд недоимкаясыс лоисны сы вёсна, мый найө, тестя-зятя, асьныс ыдждөдісны вотсө...* (Тимушев 1986: 34) ‘А на самом деле, были ли недоимки? – почесал кудрявые волосы Русинов: ведь

недоимки получились потому, что они, тесть с зятем, сами увеличили налог...».

Однако как нужно понимать соотношение между этими построениями? При слитном употреблении такие образования определяются как одна лексическая единица – составной союз. При расчленении компонентов – как соединения соотносительного слова и простого союза или же как одна лексическая единица?

В лингвистической литературе по-разному понимается соотношение между подобными образованиями. Как отмечает Р. Д. Кузнецова, в русской лингвистике аналогичные образования (*потому что, оттого что* и др.) «одни исследователи при положении компонентов в придаточной части определяют как одну лексическую единицу – составной союз. При расчленении компонентов рассматриваются как соединения соотносительного слова и простого союза. Другие исследователи в обоих случаях употребления типа *потому что* видят в них одну лексическую единицу – составной союз». Р. Д. Кузнецова последнюю точку зрения считает более убедительной, «так как и при дистантном расположении компонентов *потому ... что, оттого ... что* и др. выполняют строевую роль в синтаксической организации предложения, образуя его структурную схему, и объединены общим значением, что позволяет рассматривать их как эквиваленты союзов *потому что, оттого что* и др., на каком бы расстоянии их компоненты ни находились» [Кузнецова 1987: 7].

Причинные отношения могут выражаться также синтаксическим союзом *да*, о котором будет изложено ниже.

3.1.3. Союзы с условным значением

***Кӧ* ‘если’.** В литературном языке специализированный союз *кӧ* ‘если’ является основным и стилистически нейтральным со значением условия.

Древнее слово *кӧ* в коми языке получило особое развитие и весьма широкое употребление как в устно-разговорной речи, так и в языке

художественной литературы. Коми *кӧ*, кп. *кӧ*, удм. *ке* восходят к прауральскому вопросительному местоимению **k̄ȳ* [Майтинская 1982: 94].

В современном коми языке *кӧ* имеет статус служебного форманта и квалифицируется как: 1) модальная частица; 2) суффикс; 3) подчинительный союз, который функционирует во всех пермских языках.

Союз *кӧ* в придаточном предложении занимает определенное место: всегда располагается после первого слова (либо после первого слова с его распространителями), что можно объяснить его происхождением от модальной частицы *кӧ* ‘если’, придающей речи оттенок предположения, сомнения, неуверенности и занимающей в высказывании позицию после того слова, к которому относится [Попова 2006: 241–246]. Между главным и придаточным частями в сложноподчиненных предложениях выражает три типа отношений: 1) условные отношения, выражающие *реальность / нереальность*. В коми языке типичным средством выражения реального / нереального условия является временная форма глагола. Реальное условие: *Нӧшта нӛль гоз [сапӧг] эм пыжаным: Поликарплы да Гришалы морт ӧти гозйӧн, сэсса вежас вылӧ, косясяс кӧ кодлӧнкӧ* (Юшков 1979: 99) ‘Еще четыре пары [сапог] есть в лодке: Поликарпу и Грише по паре сапог, остальные на замену, если у кого-то порвутся’, *Но немтор, велалан да, позьӧ тай овны и син пӧлӧн, мукӧдлаті кӧ лючки да ён* (Торопов 1989: 11) ‘Но ничего, привыкнешь, и можно, оказывается, жить и с одним глазом, если другие органы здоровые’. Реализации нереального условия может способствовать лексический показатель – частица *эськӧ* ‘бы’: *Егор эськӧ сідзи и вӧчис, кыйдӧсыс кӧ быттӧ эрдын вӧлі* (Куратова: 15) ‘Егор так бы и сделал, если улов, положим, на виду был’; 2) условно-временные отношения: *Ковмыліс кӧ, пыр нин отсалісны ӧта-мӧдныслы* (Тимушев 1986: 47) ‘Если приходилось, всегда уж помогали друг-другу’, *А мужикылӧн кӧ зептас сьӧмыд оз зӛльӧдчы, бурджык нин йирӧ пырны* (Безносиков 1973: 113) ‘А если у мужика в кармане нет денег (досл. деньги не звенят), лучше уж в омут броситься’; 3) сопоставительные отношения, в реализации которых, как

считает Н. Д. Манова, имеет место влияние русской конструкции типа *если ... то*, выражающей сопоставительные отношения (Манова 1987: 125), напр.: *А челядя да и челядьтӧм дӧваыс на ещӧ кымын?! Пӧт кынӧмӧн кӧ мичаа вӧччасны-пасьтасясны, то ой-ой-ой – любӧйӧс на ас дӧнас манитасны* (Напалков 1988: 35) ‘А сколько еще вдов с детьми и без детей?! Если сытые, приоденутся, то ой-ой-ой – любого еще к себе заманят’, *Мастерыс кӧ вӧлі еджыд юрсиа, сӧстӧма бритӧм банйӧм чужӧма, лӧз синьяса, гаж радейтысь морт, то сьлӧн отсасьысьыс мӧдарӧ – сьӧд юрсиа, чӧв олысь морт* (Льуров 1988: 36) ‘Если мастер был светловолосый, с начисто бритым румяным лицом, с голубыми глазами, веселый человек, то его помощник наоборот – темноволосый, молчаливый человек’.

В удмуртском языке союз *ке* ‘если’ в придаточном предложении не имеет фиксированного места, но не может стоять в начале придаточного предложения [ГСУЯ 1974: 89–90].

В мансийском языке союз *ке* ‘если’ условного значения имеет тенденцию располагаться обычно в конце придаточного предложения или перед сказуемым придаточного предложения, предшествующего главному: *Паль кӧвырн порс сам манос мӧнӧй ке сьлтани, паль кӧвыр тӧра ӧгумн ӧхтыгнаве* ‘Если в ухо попадет соринка или залезет мошка, внутри уха сразу же возникает боль’ [Ромбандеева 2017: 188–189].

В верхневашском говоре удорского диалекта коми языка семантически равным союзу *кӧ* является очень употребительный подчинительный союз *си* ‘если’ [Сорвачева 1950: 155]. Семантически равные, в структуре предложения различаются местоположением: если «союз *си* располагается всегда в конце одного из предложений (чаще после первого), союз *кӧ*, как и в литературном коми языке, после первого члена предложени» [Там же: 156] (в придаточной части), напр.: *Он куж карны си, ин и кутчис*’ (Крив.) ‘Если не умеешь делать, не берись’ [УД 1990: 99].

Из специфических союзов, реализующих условное значение, следует отметить в лузско-летском диалекте союзы: *инӧ* ‘если’, *сидз*, *сидзи* со

значениями ‘если; так как’: *Жар инё, олышты, рытыс куз*’ (Ч.) ‘Если жарко [в бане], пока не ходи, вечер долгий’; *Пылс’ы, окота сидзи* (Гур.) ‘Если хочется, мойся в бане’ [ЛЛД 1985: 112].

В коми-зырянских диалектах часто употребляются заимствованные из русского, семантически равные союзу *кõ*, устаревшие, имеющие просторечную окраску, союзы *так (дак), ежели, коли*, характерные для синтаксиса сложного предложения в севернорусских говорах, напр.: лл. *Здоровйатõ воштан так, д’ен’га вылõ он н’õб* (Лет.) ‘Если потеряешь здоровье, на деньги не купишь’ [ЛЛД 1985: 112], уд. *Мунан дак, бõр ин лок* (Важ.) [УД 1990: 101] ‘Коли пойдешь, обратно не приходи’; иж. *Йэжэл’и с’орма, ин пин’оо* ‘Если задержусь, не ругай’ [ИД 1976: 113], лл. *Йэжэл’и буд’и йуны кõ мõдас, бур оз ло* (З.) ‘Если пить будет, добра не жди’ [ЛЛД 1985: 112], вым. *Йэжэл’и тэ гортõ вэтлан, тайõ олõмтõ ин вис’тоо* (Онеж.) ‘Если ты поедешь домой, про это хозяйство не говори’ [ВД 1998: 165]; лл. *Кõл’и витчõ, эн и лэччы* (Н.) ‘Коли ругается, и не ходи’ [ЛЛД 1985: 112], вым. *Кол’и кыйин лõз кõрсõ, сэс’с’а н’экушиõм пõтка тэыс’ оз уд’ит, вэс’ыс тэнад лõ* (С.) ‘Коли поймал синего оленя, теперь ни одна птица от тебя не уйдет, все будет твое’ [ВД 1998: 165]. Для вымского диалекта характерно употребление условного союза *раз* в значении ‘раз, если’, также заимствованного из русского языка: *Раз тэ мэнõ эта ыллаõ нуõдин, мэ тэнõ лоойõн оз кол*’ (С. фольк.) ‘Раз ты завела меня в такую даль, живой я тебя не оставлю’ [ВД 1998: 165]. В лузско-летском диалекте (Пор.) встречается союз *кõбы (кабы)* ‘если бы, кабы’ [ССКЗД 1961: 168; ЛЛД 1985: 110], также пришедший из русского языка, образовавшийся в результате опрощения структуры *как бы*. «В союзе *кабы*, в отличие от союза *как бы*, основным становится условное значение. Другие значения угасают...» [Черкасова 1973: 110]. Однако соответствующего примера с союзом *кõбы (кабы)* в указанных нами источниках не находим, что можно объяснить, на наш взгляд, редким бытованием союза в диалекте.

Характерные для синтаксиса сложного предложения севернорусских говоров союзы условного значения *дак (так)* 1) ‘если (так)’; 2) ‘так как, потому что’, *ежели* ‘ежели, если’, *коли* ‘если, поскольку; коли’, *кӧбы* ‘если бы, кабы’, *раз* ‘раз, если’ [КПРС 1985: 113, 136, 180, 190, 397] функционируют также в коми-пермяцком языке [КПЯ 1962: 312]. Примеры: – *Ме сета [сюсӧ], ловьяӧсь лоам дак*, – *шуис Матвей* (Исаев 1997: 328) ‘– Я дам [зерна], если живы будем, – сказал Матвей’; *Верда, ежели согласитчан ме ордын уджавны* (Оласӧ 1990: 36) ‘Накормлю, если согласишься у меня работать’; *И кытшӧм жӧ тӱйӧ морттэз, коли стариксӧ ылӧтны эдӧ кужӧ* ‘И что вы за люди, если старика не сумели обмануть (из фольклора)’ [КПЯ 1962: 312]; *Ох, кӧбы ме ыджытжык чуть, некӧр бы тэ сьӧись эг кольччы* ‘Ох, если бы я побольше чуть, некогда бы от тебя не отстал’ [Там же: 312].

3.1.4. Уступительные союзы

Союз *кӧть* ‘хотя’, заимствованный из русского языка, в современном коми языке становится одним из самых употребительных союзов, служащих для выражения уступительных отношений в сложноподчиненных конструкциях. Союз *кӧть* не закрепляет место придаточной части в составе сложноподчиненного предложения. Придаточная часть может: 1) начинать предложение: – *Кӧть Кузьмалы кызь вит арӧс на сӧмын и тыри, Изьва кузя кайигӧн налӧн ӕртасьӧм кодь артмис* (Шахов 1987: 7) ‘Хотя Кузьме двадцать пять лет только еще и исполнилось, поднимаясь по р. Ижме, они подружились’; 2) находиться в постпозиции по отношению к главной части: – *Казенӧй письмӧ вая тэныд, Мироновна, роч акань. Крепитчы, сьӧлӧмӧн кыла, синва да шог вайи, – мыччис письмӧсӧ, а Афанасья оз лысьт сӱйӧс босьтны кias, кӧть мужиксяньыс быдса кык тӧлысь нин эз вӧв некутшӧм юӧр* (Коданев 1979: 54) ‘– Казенное письмо несу тебе, Мироновна, красавица. Крепись, сердцем чую, слезы и горе принес, – подал письмо, а Афанасья не смеет его взять в руки, хотя от мужа целых два месяца уже не было никакой весточки’; 3) находиться в интерпозиции (внутри главного предложения).

При интерпозиции придаточного предметом уступительной квалификации может быть лишь тот или иной компонент главной части. В таких случаях придаточное с уступительной семантикой сближается с вводным предложением, напр.: *Менам век на эз дѳбнитлы, а сійѳ [дядьѳ], кѳть сѳмын на воис, лѳптис нин ыджыдкодь сынни* (Раевский 1988: 108) ‘У меня все еще не клюнуло, а он [мужик], хотя только что пришел, поднял уже довольно крупного подъязка’.

Союз *кѳть* часто сочетается с компонентом *и*, выступающим на правах частицы и реализующей усилительное значение. Сочетание *кѳть и* ‘хотя и’ имеет уступительно-усилительное значение: *Кокныдика узис, кѳть и сѳрѳн нин лои водѳма* (Ширяев 1975: 42) ‘Спал легко, хотя и поздно уже легли’; *Кѳть и сувтлісны недыр кежлѳ, Карпов эз петав кабинасьыс, яндысис, тыдалѳ, ѳнтаясьыс* (Игнатов 1988: 210) ‘Хотя и останавливались ненадолго, Карпов не выходил из кабины, стеснялся, видимо, от недавнего’.

Союз *кѳть* также часто может сочетаться с частицей *эськѳ*, передающей в данном случае значение *и* с усилительной функцией. Сочетание *кѳть эськѳ*, подобно сочетанию *кѳть и*, между главным и придаточным предложениями реализует уступительно-усилительное значение: *Нывбаба вежѳрѳд котѳртис став олѳмыс, кѳть эськѳ сійѳ дженъыдик на ...* (Попов 1986: 7) ‘Сквозь сознание женщины пробежала вся жизнь, хотя и она еще недолгая...’; *Отсаліс Мишельѳн Вадим дядьыс, код йылысь ми, челядь, тѳдїм зѳв уна, кѳть эськѳ асьсѳ синмѳн эг на аддзылѳй* (Льшуров 1988: 18) ‘Помог у Мишеля дядя Вадим, о котором мы, дети, знали очень много, хотя и самого глазами еще не видели’; *Мый вѳчан, ординарецьлы быть тѳждысь командир вѳснаыд, кѳть эськѳ окопсьыд петныд и абу зѳв окота да* (Там же: 94) ‘Что поделаешь, ординарец должен беспокоиться о командире, хотя и выходить из окопа не очень-то охота’.

Союз *кѳть* может выступать в выражении связи между предикативными частями в сложноподчиненных предложениях, в которых придаточная часть раскрывает меру или степень действия или признака,

выраженного в главном предложении, напр.: *Ме лөгөн тыри, кӧть ачымӧс чашъя* (Юшков 1979: 19) ‘Я разгневался, хоть себя разорву’. Иногда в главном предложении может быть соотносительное слово: *сідзи (сідз) ‘так’, сэтшиӧм ‘такой; так’, сэтшиӧма ‘так’, сэтчӧдз ‘до того’* и т.д.: *Войдӧрлун на сэтшиӧма кокъясӧй юкалісны, кӧть чер вӧлі босьт да керав* (Там же: 5) ‘Позавчера еще так ноги болели, хоть было возьми топор и отруби’; *Удж вылын офицерьяс сідз курутчисны, кӧть чер ӧшӧд* (Федоров 1988: 20) ‘На работе офицеры так закурили, хоть топор вешай’.

Союз *кӧть* ‘хоть’ может выражать присоединительные отношения, когда уступительная семантика союза *кӧть* в условиях контекста может быть ослаблена и когда вторая, по своей форме, придаточная часть содержит добавочную информацию к первой части. В подобных сложных конструкциях между предикативными частями нет подчинения: главного и зависимого; составляющие ее части являются независимыми друг от друга; смысловые отношения между ними характерны для связи сочинения. Например: *Но, тыдалӧ, мӧрччӧма кытчӧкӧ ошкыслы, абу нин вермӧма сы вылӧ усъкӧдчыны, гырӧсьтӧма вӧлі нитшӧ да кузьяла на кольӧма сэсса гырӧсӧ, кӧть вӧтчыв* (Юшков 1981: 362) ‘Но, видимо, досталось куда-то медведю, не смог уже на него броситься, запачкал кровью мох и далеко еще тянулись следы крови, хоть догони’.

Присоединительные отношения может выражать также сочетание *кӧть* и ‘хоть и’: *Мыйла нӧ эськӧ и оз юав? Ӧд быдмим ӧтлаын, а ӧні со и письмӧасям, кӧть и шочиника* (Тимин 1990: 15) ‘Почему же бы и не спросить? Ведь росли вместе, а теперь вот и переписываемся, хоть и редко’.

В. М. Лудыкова выделяет семантический союз с уступительным значением *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* [Лудыкова 1995: 24], однако, описывая уступительные придаточные предложения, примеры с союзом *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* автор не приводит. Наблюдения показывают, что сочетание *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* ‘несмотря на то что’, представляющее собой фразеологическое единство и являющееся калькой русского союза *несмотря*

на то что, в коми языке, как союз, развито слабо. *И сы вылӧ видзӧдтӧг, мый страда кадӧ на прӧйдитисны гыма зэръяс, воздухын тшын эз чин, а ӧтарӧ содӧс, сы пыр муртса тӧдчис сӧмӧм шондӧ* (Юхнин 1981: 6) ‘И несмотря на то, что еще во время страды прошли дожди с грозами, в воздухе дыма не уменьшалось, а стало больше, через него едва виднелось темно-красное солнце’.

Как отмечает О. И. Некрасова, в языке прессы и других СМИ наблюдается активизация сочетания *та вылӧ видзӧдтӧг* ‘несмотря на это, при всем притом, тем не менее’, зафиксированное в «Коми-русском словаре» [КРК 2000], представляющего собой кальку из русского языка ‘тем не менее’, указывающее на отношения между частями высказывания [Некрасова 2014: 241].

В ряду подчинительных союзов исследователи коми языка выделяют союз *а* ‘между тем как, в то время как’ [Бубрих 1949: 193; СКЯ 1955: 273], происхождение которого связано с русской частицей *а*, переосмысление которого в союз произошло уже в коми языке [Манова 1976: 19–26]. Авторы «Современного коми языка» рассматривают как союз, выражающий уступительные отношения: *Гымалӧ-а, кӧдзыд* ‘Гремит, хотя и холодно’ [СКЯ 1955: 276]. Нужно отметить, что сложноподчиненные предложения с уступительным союзом *а* употребляются чаще в разговорной речи; в письменных текстах современного коми языка они не распространены.

Союз *а* ‘между тем, как; хотя’ употребителен в коми-пермяцких диалектах: б.-к. *Кӧримӧ-а, эз тай лӧктӧ* ‘Хотя пригласили, а ведь вот не приехали’ [Баталова 1975: 205; 1998: 61].

3.1.5. Сравнительные союзы

История развития и становления сравнительных конструкций привлекает постоянное внимание как литературоведов, так и лингвистов. В различные исторические периоды изменяется не только содержательная

сторона сравнений (что сравнивается и с чем сравнивается), но и средства оформления сравнительных отношений.

Основными сравнительными союзами в коми языке являются: *бытьӧ* ‘будто’, являющийся русским заимствованием; *бытьӧкӧ* (*бытьӧкӧнӧсь*), *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; точно; словно; как’, образовавшиеся путем слияния заимствованного компонента и исконного компонента; *кыдз* *бытьӧ* ‘как будто; словно’ – путем сочетания исконно языковых компонентов и заимствованного.

Сравнительные союзы в коми языке возникли в более позднее время, о чем свидетельствует тот факт, что в грамматиках XIX в. данные союзы еще не фиксируются. Их появление в языке обусловлено, на наш взгляд, с развитием художественной литературы. Судя по нашим наблюдениям, сравнительные союзы в коми языке являются одними из употребительных союзов в художественной литературе, где писатели активно пользуются образными сравнениями.

Описанию процесса образования сравнительных союзов необходимо предпослать рассмотрение вопроса о принципах разграничения сравнительных союзов от несоюзного употребления.

Е. Т. Черкасова выделяет четыре признака сравнительных союзов, отличающих их от одноименных частиц. Такими признаками являются: 1) **их связующая роль**: эти союзы соединяют либо два однооформленных непредикативных члена предложения, либо предикативные части сложного предложения, соотношением реального содержания которых создается общее синтаксическое значение, выразителем которого является сравнительный союз (функция частиц – внесение дополнительных смысловых оттенков тем словам и словосочетаниям, к которым относятся); 2) **союзы являются обязательным структурным элементом сравнительных конструкций**: устранение их ведет либо к полному распаду логико-грамматических связей (между членами предложения), либо к изменению этих связей между частями сложного предложения. При устранении частицы эти связи не нарушаются;

изменяется лишь модальность всей конструкции в целом или отдельной ее части; 3) союзы, являясь единственным формальным показателем синтаксических связей, **выражают отношения уподобления, сходства** (частицы же этих отношений не выражают, а служат лишь указанием на предположительность тех отношений, которые существуют между членами простого предложения или частями сложного предложения); 4) **место союза строго закреплено**: в простом предложении локализуется всегда перед вторым членом сравнения, в сложном – в абсолютном начале придаточной части (частица может передвигаться вместе с членом предложения, модальность которого она выражает) [Черкасова 1973: 164–165].

Союзы *быттьö, быттьöкö (быттьöкөнöсь), кыдз быттьö, ыштöкö* указывают на то, что сближение двух сравниваемых явлений представляется говорящему условным, предположительным. Конструкции с данными союзами выражают значение субъективной модальности, создаваемое семантикой самих союзов, в значениях которых уже содержится вполне четкое и определенное указание не только на предположительность сообщаемого, но также и на отношение говорящего к этому сообщению. Примеры: *А лэччан нюрö – мырпом сэні кисьмö, гырысь, сьöкыд, виж мольяса, быттьö зарни ёкмыльяс гөрддзасьöмаöсь, вомад вöзйысьöны* (Федоров 1981: 316) ‘А пойдешь на болото – морошка там поспекает, крупная, тяжелыми желтыми ягодами, будто слитки золота завязались, в рот просятся’; *Мат, зонмö, сё мат, со и мышкöй мыйлакö луддзис, быттьö тшыг лудік курччис...* (Безносилов 1973: 61) ‘Беда, парень, беда, вон и спина почему-то зачесалась, будто голодный клоп укусил...’; *Эз и казьявлы [Васька], корья чепöсийис пöсьыс: малыштис гиялöмысла морöссö, а пасьтала нин посни ва туся, быттьöкö зэрөн буситöма* (Юшков 1987: 13) ‘И не заметил [Васька], как выступил пот, погладил от щекотания грудь, а везде уже мелкие капельки воды, словно мелкий дождь моросил’; *А сідзсö эз кажитчы Васькалы моньыс. «Мед, кутшöм эм», – такöдіс нин эськö асьсö, но эз дай тіркмунлі вьвтырнас, ыштöкö кодзувкот ветлöдліс дөрöм увтіыс*

(Юшков 1987: 3) ‘А так-то не понравилась Ваське сноха. «Пусть, какая есть», – успокаивал бы уже себя, но нет-нет да и содрогался всем телом, словно муравьи бегали под рубашкой’; *Гортаныс мамыс да Пекла ичиньыс бара на юасьышитісны Васькалысь, ыштöкö мыйкö висьтавтöм на сьлөн кольлі...* (Юшков 1988: 77) ‘Дома мать его и тетка Пекла снова еще раз спрашивали Ваську, будто что-то осталось еще недосказанным...’.

3.1.6. Целевые союзы

Союзами цели в коми языке являются *мед* и *медым*. *Мед* исторически представляет собой общепермскую древнюю частицу [Майтинская 1982: 152], во всех пермских языках сохранившую свою первичную функцию и на современном этапе в конструкциях со сказуемым реализующую различные модально-волевые значения. В древнезырянский период развилась союзная функция. В современных коми языках союз *мед* ‘чтобы’ занимает одно из главных мест в системе подчинительных союзов. В структуре сложноподчиненного предложения локализуется в начале придаточной части; такое расположение объясняется его происхождением: слово-источник – частица *мед* – в пермских языках является препозитивной.

Возможность превращения модальной частицы *мед* ‘пусть (пускай)’ в союз реализуется, когда она включается в такую придаточную часть, глагол-сказуемое которой не способен в соединении с *мед* образовать форму повелительного наклонения, и *мед* выступает уже в качестве грамматического средства выражения смысловых отношений между предложениями-компонентами.

Союз *медым* – образование более позднее и исторически восходит к соединению двух служебных слов, первое из которых общепермская частица *мед* и второе – *ым*, по предположению Н. Д. Мановой, являющейся отрицательной частицей [Манова 1975: 90]. Однако в современном коми языке союз *медым* не членится на морфемы. Первоначально в качестве союза

выступал только *мед*, зафиксированный уже в «Грамматике зырянского языка» П. И. Савvaitова [Савvaitов 1850: 80–81].

Предпосылкой для слияния *ым* с союзом *мед* было не только наличие отрицательной частицы *ым*, но также закрепление за данной частицей строго фиксированного места в порядке слов предложения – непосредственное примыкание к союзу, вводящему придаточную часть, и препозиция по отношению к глаголу-сказуемому этой части. Образование данного союза сопровождалось определенными сдвигами в членении предложения: *ым*, ранее игравший в предложении определенную роль и примыкавший к глаголу, позднее сливается с предшествующим союзом *мед*. Н. Д. Манова отмечает, что в качестве союза *medim* впервые зафиксирован в XX в. Его появление в функции союза исследователь связывает с формированием литературного языка. «Возможно, что *medim* сначала употреблялся в поэзии, поскольку именно поэтическая речь больше, чем какой-либо стиль, нуждается в дублетных формах слов, состоящих из разного количества слогов» [Манова 1975: 91].

В коми-зырянском языке союз *мед* (*медым*) ‘чтобы, чтоб’ в сложноподчиненных предложениях между главной и придаточной частями выражает причинно-целевые и изъяснительные отношения. Основное значение – целевое. Причинный оттенок дополняет и несколько затеняет целевое значение. – *Позьё Линаёс босьтлыны, мед тиётти ельдөгсё вотё* (Напалков 1996: 7) – ‘Можно Ангелину взять, чтобы тоже грузди собирала’; *Чери на кыйис Васька, ыж начкис (солавлём чериыс да кукань яйыс сідз вёліны), мед пукалём вёчлыны, йёзёс корлыны* (Юшков 1987: 3) ‘Порыбачил еще Василий, овцу зарезал (засоленная рыба и телятина еще имелись), чтобы вечеринку сделать, людей пригласить’; *Сирёд чаг сэтысь кералис батъыс, медым кыбны коркё ветлыны, пемыдджык да лёнджык войё...* (Юшков 1988: 10) ‘Смолистые щепки оттуда нарубил отец, чтобы лучить рыбу когда-нибудь сходить, в более темную и тихую ночь...’. Причинные: *Мёскас и кутчысисны дёваясыд, мед кызкё-мыйкё бергёдчыны во гёгёрсё* (Юшков

1979: 50) ‘На коровах и держались вдовы, чтобы как-нибудь продержаться в течение года’; *А автобусъяс мунёны лабутнёя, мед сэні пукалысь йёзёс эз дзетёд* (Попов 1986: 38) ‘А автобусы едут тихо, чтобы сидящих там людей не трясло’; *Кывтісны лун и вой, медым не веськавны лёк поводдя шёрё* (Рочев 1965: 34) ‘Плыли днем и ночью, чтобы не попасть под плохую погоду’.

О реализации изъяснительных отношений союзом *мед* (*медым*) будет изложено ниже.

В коми-пермяцком языке союз *мед* ‘чтобы’, как и в коми-зырянском, между главным и придаточным предложениями выражает причинно-целевые отношения: *Быд вынісь каждой морт уджав, мед быд гектарыс вёлі кёдзём и сетіс вылын урожай* ‘Изо всех сил работай каждый человек, чтобы каждый гектар был посеян и дал бы высокий урожай’ [КПЯ 1962: 312]; – ... *Ме тэнё водтёда кроватьё, небытінас, мед бурджыка шоччысин* (Федосеев 1991: 9) ‘– ... Я тебя положу на кровать, на мягкое место, чтобы получше отдохнул’.

В языке активно функционирует сложный союз *медбы* ‘чтобы’, образованный путем сложения компонента собственного языка *мед* и заимствованной из русского частицы *бы*, и выражающий: 1) целевые отношения, когда целевое значение также затеняется причинным оттенком: – *Бусик, Бусик! – кеймися поныслё, медбы сія лэдзис керкуас* (Федосеев 1991: 7) ‘– Бусик, Бусик! – упрашиваю собаку, чтобы она пустила в дом’; 2) изъяснительные отношения: *Сэтиём зонкаыслён айыс, и Степаныс, натътё, айыс кодъ жё, но талунёдз эз кывсьы, некин оз норась, медбы кинкё вылё лэбтіс кисё или кинёскё дойдіс кывнас, а ёні видзёт мый петіс...* (Федосеев 1991: 15) ‘Такой отец у парня, и Степан, видимо, тоже как отец, но до сегодняшнего дня не было слышно, никто не жаловался, чтобы на кого-то поднимал руку или кого-то обидел словом, а теперь вот что выяснилось...’.

3.1.7. Изъяснительные союзы

Союзами, выражающими изъяснительные отношения, являются синтаксические союзы: *мый* ‘что’, *ыштö* ‘что’, *быттьö* ‘будто’, *быттьöкö*, *быттьöкөнöсь* ‘как будто, будто бы’, *кыдзи (кыдз)* ‘как’, *мед (медым)* ‘чтобы’.

Однако собственно изъяснительным союзом является союз *мый* ‘что’, который возводится к вопросительному местоимению **тз* [Манова 1976: 10]. Его основное значение – сообщение о факте, в достоверности которого сообщаящий не сомневается. Союз *мый* стилистически нейтрален, всегда занимает позицию в начале придаточного предложения, которое следует за главным. Примеры: *Пуксис да сэки нин казяліс, мый вöрас кызаджык усьöма пужйыс, аслас кок туйыс со лючки нин кольöма пуж сорыс варкалöм нити вылас* (Юшков 1988: 4) ‘Сел и тогда уже заметил, что в лесу иней выпал сильнее, свои следы вон четко уже остались вместе с инеем на примятом мху’; *И некоднанныслы эз эскыссьы, мый бара öтлаынöсь, гортын* (Тимушев 1986: 39) ‘И обоим им не верилось, что опять вместе, дома’.

Союз *мый* может выступать в таких сложноподчиненных предложениях, в которых придаточная часть 1) характеризует член главного предложения или раскрывает его признак (определительное придаточное) и 2) раскрывает способ или характер действия, а также меру или степень действия, признака, выраженного в главном предложении (придаточное образа действия, меры и степени) [СКЯ 1967: 205, 232]. В учебнике по синтаксису коми языка в обоих случаях отмечается, что союз *мый* ‘что’ вносит в придаточное предложение оттенок следствия [СКЯ 1967: 205, 233]. Тем не менее, на наш взгляд, в обоих случаях придаточное имеет изъяснительный оттенок, напр.: 1) *Оз кöсйы вунöдны [кыдз] важся öбидасö, мый сійöс ранитісны* (Раевский 1988: 107) ‘Не хочет забыть [береза], что ее ранили’, *А частö овлö и сідз, мый узьны водан арын, а асывнас чеччан тöлын* (Там же: 9) ‘А часто бывает и так, что спать ложишься осенью, а утром встаешь зимой’; 2) *Кыскисны сы мында юр, мый лыбис кык ыджыд зорöd*

(Там же: 113) ‘Привезли столько копен, что получились два больших стога’,
Сэтишом асылыс гулыд, / мый Муыслыс лов шысö кылан (Бабин 1993: 36)
‘Утро такое гулкое, / что слышишь дыханье Земли’.

Союз *ыштö* ‘что’ является вариантом русского союза *что* с фонетическими изменениями. Союз *ыштö* сложился в разговорной, устной речи, о чем свидетельствуют наличие разных его форм в коми-зырянских диалектах и широкий ареал функционирования: вв. *ыштэ* (М.) ‘что’ [ВВД 1966: 125]; вс. *ыштö, што* (Кб.) ‘что’ [ВСД 1975: 150]; лл. *штö, ыштö* ‘что’ [ЛЛД 1985: 110]; иж. *ыштэ* ‘что’ [ИД 1976: 112]; вым. *ыштö, штö* ‘что’ [ВД 1998: 163]; уд. *штö* (Ваш.), *ыштö* (Венд.), *уштö, уштöсы* (Мез.) ‘что, будто’ [УД 1990: 99].

В диалектах коми языка союз *ыштö* может употребляться в сочетании с собственно коми союзом-аналогом *мый* ‘что’, функционирующим в литературном языке и во всех диалектах: скр. *мый ыштö* ‘что’ [ПСД 1971: 187]; *мый ыштö, ыштö мый* ‘что’ [ССКЗД 1961: 230; НВД 1978: 201; ВД 1998: 163]. *Мэ иг и думышлы, мый ыштö сйа воас* (Онеж.) ‘Я и не думал, что он приедет’; *Абу и бардуйтлöма н’инöм, ыштö мый мам* (Онеж.) ‘Он и не догадался, что это мать (чья-либо)’ [ВД 1998: 164].

В современном коми языке союз *ыштö*, получив широкий ареал употребления, закрепился в литературном языке и введен в нормативный словарь [КРК 2000: 765] и научную грамматику [ÖКК 2000: 500]. Примеры: *Он мортыд чайтлы, ыштö сэтöн овны кутан да сэтишöмтö удж уджавны* (Юшков 1981: 24) ‘Человек заранее не может знать, что там-то жить будет и такую-то работу выполнять’; *Нянь колö! А няньсö буретш оз вай Сöветыд, зэв эськö гöль дор сулалысьöн висьтасьö да. Бытьö оз аддзы, ыштö кач сёйöны да пыкталöны йöзыс* (Там же: 32) ‘Хлеб нужен! А хлеб как раз Советы не везут, хотя очень бы сторонником бедноты считают себя. Будто не видят, что корой питаются и пухнут люди’.

Изыяснительные отношения могут выражать сравнительные союзы *бытьö* ‘будто’, *бытьöкö, бытьöкөнöсь* ‘как будто, будто бы’. Они

присоединяют изъяснительную придаточную часть, когда сообщается или мыслится (воспринимается) факт недостоверный, подвергающийся сомнению: *Дмитрийлы кажитчө, быттьөкө отарө нин лолалө Сөдздиныс, лолалө сідз жө сьөкыда, кыдзи, шуам, лыжник кузь дистанция котөртөм бөрын финиш дорас воигөн* (Напалков 1996: 18) ‘Дмитрию кажется, будто бы дер. Содздин уже не молодая (букв. дышит уже в одну сторону), дышит так же тяжело, как, скажем, лыжник при подходе к финишу после пробежки длинной дистанции’; *Висьтавлөны, быттьөкөнөсь Максимлөн батъыс, Джыдж Ёгор, овмөдчылөма корөм вылын* (Изьюров 1984: 59) ‘Говорят, будто бы отец Максима Джыдж Ёгор, нажился на попрошайничестве’.

Союз *кыдзи* (*кыдз*) ‘как’ присоединяет изъяснительную придаточную часть, когда изъясняемое слово в главной части имеет значение восприятия (*аддзыны* ‘видеть’, *тыдалө* ‘видно’, *гөгөрвоны* ‘понимать’, *казявны* ‘замечать’, *кывны* ‘слышать; ощущать; почувствовать’, *кылө* ‘слышно’, *төдчө* ‘заметно’ и т.п.). Союз *кыдзи* (*кыдз*) вносит в придаточную часть добавочный (по сравнению с союзом *мый* ‘что’) смысловой оттенок: не только сообщается о каком-то явлении, но и уточняется, как оно происходит. Примеры: – *Мед баксөны [скөтина], уджыс тай налөн эштөма, – шуис Викень и пыр жө кыліс, кыдзи бөр вугыртисны сьөлөмсө йирысь думъясыс* (Торопов 1989: 12) ‘– Пусть мычат [скотина], делать им нечего, – сказал Викентий и сразу же почувствовал, как снова нагнали точащие сердце мысли’; *Проня помнитө, кыдзи сійөс төрыт нуөдлісны тюремнөй канцелярияө допрос вылө* (Федоров 1981: 317) ‘Проня помнит, как вчера его водили в тюремную канцелярию на допрос’.

В реализации изъяснительных отношений между главной и придаточной частями в сложноподчиненных предложениях может выступать союз *мед* (*медым*) ‘чтобы, чтоб’, при этом придаточное с союзом *мед* (*медым*) выражает ирреальную модальность объекта, который представляется желательным, возможным или необходимым: *Вөлөмкө, корлөмаөсь Мишельлысь батъсө сиктсөветө, висьталөмаөсь, мед оз дзеблав*

эмбурсо (Тимушев 1988: 17) ‘Оказывается, отца Мишеля вызывали в сельский совет, предупредили, чтобы не прятал имущество’; – *Вай юам сы вöсна, мед тайö гажыс дыр кезлö кольö мян сьöлмö* (Напалков 1996: 14) ‘– Давай выпьем за то, чтобы этот праздник надолго остался в наших сердцах’; *Да ме эг и кöсйы, медым казялас [нывка], меным сйö ёна кажитчис, но ме яндыси сысысь...* (Игнатов 1988: 21) ‘Да я и не хотел, чтобы заметила [девочка], мне она сильно нравилась, но я стеснялся ее...’. Союз *мед* (*медым*) употребляется также для присоединения определительного придаточного предложения к главному, при этом определительное придаточное имеет изъяснительный оттенок [СКЯ 1967: 208], напр.: *Сöдздінсö Дмитрий кöсйö аддзыны сэтшиöмön, мед сйö öвтіс пöсь няньön да мöс вöра йöлön, льöм дзоридзön да чай дука турунön; мед унджык на чужисны сэн вель Воваяс да Ираяс; мед öчередьын сулалісны йöзыс коми книгала, а эз вина-водкала; мед некод эз нин урöст Важ Эжвасö да Сöдзьюöс* (Напалков 1996: 18) ‘Дмитрий хочет видеть дер. Содздин таким, чтобы веяло оттуда ароматами горячего хлеба и парного молока, цветов черемухи и душистых чайных трав; чтобы еще больше родились там новые Вовы и Иры; чтобы в очереди люди стояли за коми книгами, а не винно-водочными изделиями; чтобы никто уже не загрязнял ни Старую Вычегду, ни реку Содзью’, *Да и аслас [Дмитрийлön] абу кöсйöмыс, мед мынтöдчыны сйö нальксъыс* (Там же: 18) ‘Да и у самого [Дмитрия] нет желания, чтобы освободиться от этой ловушки’.

В коми-пермяцком языке в качестве источника для выражения изъяснительных отношений между главной и придаточной частями в сложноподчиненных предложениях послужил широко представленный в синтаксической сфере коми-пермяцкого языка русский аналог коми-зырянского союза *мый* союз *что* [што] [КПЯ 1962: 311; Кривошекова-Гантман 1985: 616]. Примеры: *Эта кадсянь Сизёв казяліс, что Дуся пондіс кыссъыны сы дынö* (Фадеев 1981: 20) ‘С этого времени Сизев заметил, что Дуся начала тянуться к нему’, *Вежöртісö челядь, что корö кö Опонь дядь,*

сідзкӧ, не весь (Там же: 171) ‘Понимали ли дети, что если зовет дядя Опонь, значит, не зря’, *Позис нельки думайтны, что паныт сылӧ сибӧтчӧ ош, кӧда шогъя воштисьны нач некытчӧ* (Там же: 181) ‘Можно было даже подумать, что навстречу ему приближается медведь, от которого деваться совершенно некуда’, *Дёма казяліс и сійӧ, что посадас велӧтчйтӧн сы синнэс одзын крестьяналӧн оланыс тӧдчӧмӧн мӧдкодьяліс* (Шадрин 1997: 66) ‘Дёма заметил даже то, что во время его обучения в волости на его глазах жизнь крестьян заметно изменилась’, *Но Дёма вежӧртӧ и сійӧ, что уджавтӧг велӧтчӧмыс оз пет* (Там же: 66) ‘Но Дёма понимает и то, что без труда учебы не получится’.

Союз *что* может способствовать реализации причинных отношений: *И гордӧй талун тэ и рад, что тэись петіс виль учитель* ‘И горда ты сегодня и рада, что из тебя вышла еще одна (букв. «новая») учительница’ [КПЯ 1962: 312].

Союз *что* ‘что’ в изъяснительном значении употребляется также в удмуртском языке, в котором, согласно «Грамматике современного удмуртского языка» (1962), в литературном письменном языке употребляется сравнительно редко: *Операция сыӹе мастерствоен но жӧглыкен лэсьтэмын вал, что тӧдьяос сое ӧз ик вӧталлялэ* ‘Операция была проделана с таким мастерством и с такой скоростью, что белые ее и во сне не видали’ [ГСУЯ 1962: 331]. Союз *что* может выражать также следствие [Там же: 331]. Фонетически адаптированный союз *што* ‘что’ функционирует также в диалектах удмуртского языка [Карпова 2006: 106].

Да ‘когда; потому что, так как’. Союз *да* семантически не специализирован. Что касается происхождения: коми союз *да* восходит к русской частице *да* выделительного значения. Коми языком из русского была заимствована лишь частица *да*, переосмысление этой частицы в союз произошло уже в коми языке [Майтинская 1982: 90]. Союз *да* ‘когда; потому что, так как’ < частица *да* ‘да’. В функции подчинения он локализуется

в конце придаточной части, которая обычно располагается после главного предложения.

Исследователи затрудняются утверждать что-либо о времени появления предложений такого типа, поскольку нет древних письменных памятников устной спонтанной речи. Как отмечают М. Лейнонен и В. М. Лудыкова, в фольклорных текстах и художественной литературе начала XX в., союз *да* используется в конце предложения для выражения временных и причинных отношений [Лейнонен, Лудыкова 2001: 128].

Д. В. Бубрих одним из первых о подчинительном союзе *да* замечает, что «при перестановке может возникать изменение значения сочинительного союза: он может приобретать значение союза подчинительного: *Тайё книгасё ме лыддя да тэныд сета* ‘Эту книгу я прочту и тебе дам’. Это предложение можно сконструировать так: *Тайё книгасё ме тэныд сета, лыддя да* ‘Эту книгу я тебе дам, когда прочту’; *Поводдяыс таво бур вёлі да урожай воис бур* ‘Погода в этом году хорошая была, и урожай получился хороший’ возникает *Урожай воис бур, поводдяыс таво бур вёлі да* ‘Урожай получился хороший, так как погода в этом году хорошая была’» [Бубрих 1949: 191]. Перестановка союза *да* в примерах сопровождается перестановкой частей сложного предложения.

Придаточные предложения с постпозитивными союзами свойственны и удмуртскому языку. Весьма распространенными постпозитивными союзами в удмуртском языке будут усл.-причин. *бере* ‘раз, если, поскольку’, *дырря* в знач. врем. союза ‘пока, когда’, *шуыса* 1. *изъяснит.* ‘что’; 2. *причинно-целевой* ‘потому что; чтобы’ [УРС 1983: 44, 132, 511]: *Бригадир ужез понна сюлмаське бере, бригадаез но умой ужа* ‘Поскольку бригадир заботится о своей работе, хорошо работает и его бригада’ [ГСУЯ 1962: 329], – *Мон староста дырря, мыным люкетыны эн малпа* ‘Пока я староста, не смей мне мешать’ [Там же: 327], *Пиналъёс гурезь йылэ ик тубизы, отысен куасэн нискылскыны умой луоно шуыса* ‘Ребята поднялись на самую вершину горы, потому что оттуда хорошо можно скатиться на лыжах’ [Там же: 329].

Исследователи заметили, что расположение союзов в конце одного из компонентов сложного предложения встречается только в восточном ареале финно-угорских языков. «Это наводит на размышление, что формирование вышеописанной структуры сложного предложения интенсифицировалось в результате контактирования с тюркскими языками, в которых также распространены сложные предложения, характеризующиеся союзами, занимающими замыкающее место в одном из предложений-компонентов» [Майтинская 1982: 88].

В современном коми языке в подчинительной функции союз *да* выражает *временные* и *причинные* отношения и стоит в конце придаточного предложения [ÖКК 2000: 497–498]. 1) временные ‘когда’: *Гөтрасян да, бабаыд лоӧ ма, а мамыд ва* (посл.) ‘Когда женишься, жена будет медом, а мать – водой’, *А кымын во сайӧ нин кольӧма сійӧ шуда кадыс! Ёнтӧ сьӧлӧмтӧ, мӧвныштан да* (Безносиков 1985: 145) ‘А сколько лет уже прошло от того счастливого времени! Щемит сердце, когда вспомнишь’; 2) причинные ‘потому что, так как’: *Но ковмис сэсся планшет вылад мӧдджык синъясӧн видзӧдлыны да думыштлыны кыдз-мый. Первойсӧ эз ладмы, нервничайті да* (Игнатов 1988: 19) ‘Но пришлось потом на планшет по-другому посмотреть и подумать что и как. Вначале не получалось, так как нервничал’, *И луныс шодлана коли, тэчсьыны ветлі да* (Юшков 1988: 111) ‘И день незаметно прошел, потому что ходил скирдовать’.

В монографиях по верхневычегодскому, присыктывкарскому, ижемскому, печорскому, удорскому диалектам также указываются два значения: временное и причинное [ВВД 1966: 125; ПСД 1971: 187; ИД 1976: 112; ПД 1976: 47; УД 1990: 99]; в верхнесысольском, лузско-летском, вымском диалектах – только причинное значение [ВСД 1975: 150; ЛЛД 1985: 110–111; ВД 1998: 163–165]; в монографии по среднесысольскому диалекту союз *да* в подчинительной функции не зафиксирован, в описании нижневычегодского диалекта союзы не рассматриваются, отмечено лишь,

что союзы в диалекте в основном те же, что и в остальных диалектах [НВД 1978: 52].

Союз *да* в подчинительной функции фиксируется в коми-пермяцком языке, в котором также локализуется в конце придаточной части и реализует временное и причинное значения – ‘когда; так как, потому что’: *Таво урожайыс бур, гожумыс зэра вöлі да* ‘В этом году урожай хороший, так как лето было дождливое’ [КПЯ 1962: 311].

3.2. Союзные слова

Помимо подчинительных союзов в выражении связи в сложноподчиненных предложениях между главным и придаточным предложениями могут участвовать *союзные слова*. Так называются местоименные слова, в которых совмещены свойства самостоятельной (знаменательной) и служебной частей речи. В отличие от союзов союзные слова входят в состав придаточного предложения в качестве одного из его членов. В качестве союзных слов в коми языке способны употребляться вопросительно-относительные местоименные слова (*кодi, код* ‘кто, который’, *мый* ‘что’, *кутшöм* ‘какой’, *кымын* ‘сколько’, *кымынöд* ‘который’, *мыйта* ‘сколько’) и местоименные наречия (*кöні* ‘где’, *кыті* ‘где, откуда’, *кытчö* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *кор* ‘когда’, *кыдз(и), кыдзикöн* ‘как’, *мыйла* ‘почему’ и др. Употребляясь в роли союзов, вопросительные местоименные слова утрачивают вопросительное значение. Примеры: *Миян водзын сулаліс эз младшöй лейтенант, а олöма опытнöй морт, кодi майшасис сы вöсна, мый эз вермы сетны миянлы колана сöвет* (Льшоров 1988: 121) ‘Перед нами стоял не младший лейтенант, а немолодой опытный человек, который волновался за то, что не мог дать нам нужный совет’; *Кöсийис уськöдны тöд вылас, кутшöм олöмыс сьлön [Ирина тьöткалön] вöлі колхозын, кутшöма уджавліс сэні* (Попов 1986: 52) ‘Хотела вспомнить, какова жизнь была у нее [тетки Ирины] в колхозе, как работала там’; *Сійö [Лида] кöсийис тöдны, кыдзи, завуч ногön, муніс сьлön медводдза урокыс* (Попов 1986: 72) ‘Она

[Лида] хотела знать, как, по мнению завуча, прошел ее первый урок'; *Быд мортлөн мышку саяс вöлі килограмм кызь вита ноп, **кöні** куйлis сёян, дозмук да мукöд пöлöс колантор: папирос, истöг, книга* (Игнатов 1988: 114) 'У каждого человека за спиной был примерно двадцатипятикилограммовый рюкзак, где лежали еда, посуда и другие нужные вещи: папиросы, спички, книги'; *Сійö [Носков] кыскис зепсыс каллян да мичаа вышивайтöм табак кöшель, **кытчö** вöлі гижöма «Куритчигад казътышт», да кутis нюмъялiгтырйи тэчны табаксö каллянас* (Игнатов 1988: 20) 'Он [Носков] вытащил из кармана трубку и красиво вышитый кисет для табака, где было написано «Закуривая, вспомни», и, улыбаясь, начал набивать табаком трубку'; *На шöрти [видзьяс шöрти] чуклясис-муклясис нейджыд ю, **кытысь** ми неважöн Генакöд да Алексейкöд видлим кыйны чери* (Льноров 1988: 133) 'По середине их [лугов] извиристо текла небольшая речка, откуда мы недавно с Геннадием и Алексеем пытались ловить рыбу'; *Помнита, кыдзи медводдзаысь бöрдi ёна да дыр, **кор** фронт вывсянь бать гижис кыкнан кокас сьöкыда ранитчöм йылысь* (Игнатов 1988: 21) 'Помню, как в первый раз плакал сильно и долго, когда с фронта отец написал о тяжелом ранении в ноги'.

Местоименные союзные слова (*кодi* 'кто, который', *мый* 'что', *кутшöм* 'какой') могут изменяться: иметь форму множественного числа, падежа. Так, в предложении *Романыслөн шог кывьясыс паськалiсны да вошисны сьöкыда вугралысь пуяс пöвстö, чужтiсны шог мöвпьяс, **кодьяс** чеплялöны сьöлöмтö, гудралöны ловтö* (Льноров 1988: 108) 'Грустные слова романса разнеслись и пропали между тяжело дремлющими деревьями, породили грустные мысли, которые щиплют сердце, щемят душу' местоименное слово *кодьяс* 'которые' при помощи формы множественного числа связано с существительным *мöвпьяс* 'мысли', принадлежащим главному предложению.

Падежная форма союзного слова устанавливается в зависимости от того, каким членом придаточного предложения оно является. Местоимения-

существительные *кодi*, *код* ‘кто, который’, *мый* ‘что’ могут употребляться с послелогоми. Союзные слова наречного происхождения не изменяются.

Союзное слово может выступать в роли подлежащего: *Ирина тётя вöли сэтшöм нывбаба, кодi вöчас кö мыйкö да вöчöмыс лöб неладнö, некор йöз вылö оз ыстысьлы, а век асьсö мыжавлис* (Попов 1986: 52) ‘Тетя Ирина была такой женщиной, которая, если сделает что-нибудь и сделанное получится неладно, никогда не будет кивать на людей, а всегда обвинит себя’; дополнения: *Митдинов да Чёрный виччысьöны, мый ме шуа* (Игнатов 1988: 21) ‘Митдинов и Чёрный ждут, что я скажу’, *Но код тöдас на, мыйöн эськö помасис водзöса лöгалöмыс тайö, эз кö арнас Зоя мун велöдчыны институтас* (Юшков 1988: 24) ‘Но кто еще знает, чем бы закончилась эта взаимная обида, если бы осенью Зоя не уехала учиться в институт’; обстоятельства: *Паськыд ордым петкöдiс нöрыс йылö, код сайын вольсьшитчöмны пуктытöм видзьяс* (Льуров 1988: 133) ‘Широкая тропа вывела на возвышенность, за которой раскинулись нескошенные луга’.

В придаточном предложении возможно одновременное употребление двух союзных слов, напр.: *Медводдзаысь колö индавны йöзлы, кодьяс ыджыдджыкöсь арлыднас, кыдзи да мый ковмас вöчны* (Игнатов 1988: 21) ‘Впервые нужно указывать людям, которые старше возрастом, как и что придется делать’.

3.3. Разграничение подчинительных союзов и союзных слов

Проблема разграничения союзов и союзных слов и на современном этапе составляет определенную трудность. В языке сосуществуют некоторые относительные слова и омонимичные им союзы местоименного происхождения: *мый* ‘что’ / *мый* ‘что’, *мыйöн* ‘чем’ / *мыйöн* ‘как только’, *кор* ‘когда’ / *кор* ‘когда’, *кыдз*, *кыдзи*, *кыдзикöн* ‘как’ / *кыдз*, *кыдзи*, *кыдзикöн* ‘как’.

Разграничение местоименных скреп (союзных слов) и союзов *мый* ‘что’ / *мый* ‘что’, *мыйöн* ‘чем’ / *мыйöн* ‘как только’ затруднений обычно не

вызывают. Союзное слово *кыдз, кыдзи* ‘как’ и союз *кыдз, кыдзи* ‘как’ труднее всего дифференцировать в изъяснительных конструкциях. Сравним: 1) *..., а гашикё и, ачым на вола видзёдлыны, кыдзи уджыд мунны кутас* (Игнатов 1988: 19) ‘..., а может и, сам еще приду посмотреть, как будет идти работа’, 2) *Уджалигад ме эг казявлы, кыдзи енэжас артмёмаёсь гырысьджык кымёръяс да и вель уна* (Там же: 23) ‘Работая, я не заметил, как на небе образовались облака покрупнее да и довольно много’. В первом предложении *кыдзи* ‘как’ является союзным словом, которое показывает, что в содержании придаточного предложения в центре внимания стоит указание на способ действия, и в составе придаточного предложения выполняет функцию обстоятельства. Во втором предложении *кыдзи* ‘как’ выступает в функции союза. По своему значению такие предложения близки к конструкциям с союзом *мый* ‘что’ (выражают реальный объект) и отличаются от последних оттенком качественно-обстоятельственного значения, которое всегда присутствует в союзе *кыдз, кыдзи* ‘как’ и затрудняет его отграничением местоименного наречия *кыдз, кыдзи* ‘как’.

Трудно оценить и скрепу *кор* ‘когда’. В сложноподчиненных предложениях с придаточным времени *кор* ‘когда’ обычно трактуется как союзное слово [СКЯ 1967: 219–223; Лудыкова 1995: 42]. Сравним: 1) *Медводдзаысь, кор меным тырис вит арёс, батьё сетис киё гудёк* (Игнатов 1988: 21) ‘В первый раз, когда мне исполнилось пять лет, отец дал мне в руки гармошку’, *Кодыр библия ме лыдди, / сюртём дявёл ангел пыдди / орчён мекёд пукалгён / сералис пыр ньёжйёникён* (Куратов 1979: 35) ‘Когда Библию читал я, / вместо ангела витая, / дьявол в образе чертенка / хохотал беззвучно-тонко’; 2) *... он өд, буракё, восьлав ас шодйён, кор кузялаыс розь жервидзё да корёг торвидзё, кор сыысь и видзчысьны колё, дугдывтёг гогьявны, медым он коньясь кытчёкё либё коктё мургыльт* (Юшков 1988: 4) ‘... ведь не будешь, наверно, шагать свободно, когда вдоль зияют отверстия и торчат комья, когда того и нужно остерегаться, постоянно озираться, чтобы не споткнуться где-нибудь либо ногу не подвернуть’, *А кодыр собрание*

вылысь мѳдїсны разѳдчыны, Свежов Микитѳс да Глашаѳс тшѳктїс кольччыштлыны (Юхнин 1983: 40) ‘А когда с собрания стали расходиться, Свежов Микиту и Глашу попросил остаться ненадолго’. В первом случае *кор* и *кодыр* ‘когда’ являются союзными словами и выполняют функцию обстоятельства времени, во втором случае *кор* и *кодыр* ‘когда’ такой функции не имеют и являются союзами, выражающими временное значение.

В разграничении союзных слов и союзов заметную роль играют следующие факторы: 1) союзные слова, входя в состав придаточного предложения, выступают в качестве одного из его членов, как и любой другой член предложения, они произносятся с ударением, а односложные союзные слова *мый*, *кыдз(и)* выделяются обычно и логическим ударением, чтобы их отделить от похожих на них союзов; 2) союзы, как правило, не являются носителями логического ударения, и этим отличаются от союзных слов; поэтому в устной речи разрядке соответствует эмфазовая интонация.

3.4. Выводы по главе

Заканчивая обзор подчинительных союзов и союзных слов, сделаем некоторые выводы.

1. Подчинительные союзы в коми языке получили свое развитие за счет: 1) внутренних языковых ресурсов, путем перехода других частей речи в союз – чаще местоимений, местоименных наречий, частиц; 2) заимствования из русского языка; 3) калькирования русских конструкций.

Сущность перехода отдельных форм полнозначных слов (или сочетаний этих форм) в союзы состоит в том, что они утрачивают грамматические признаки, присущие соответствующим частям речи, и приобретают грамматические признаки, типичные для слов, принадлежащих к разряду союзов. Кроме корневых элементов в подчинительных союзах могут выделяться суффиксальные элементы – падежные форманты, содержащиеся в словах, на основе которых формировались союзы (*кытч + -ѳдз* ‘пока’, *мый + -ла* ‘потому что, оттого что’, *мый + -ѳн* ‘как только’).

В состав большинства сложных (или составных) союзов в коми языке входят компоненты местоименного происхождения (*кодыр* ‘когда’, *кыдз сӧмын* ‘как только’, *мыйӧн сӧмын* ‘как только’, *сы вӧсна мый* ‘потому что’, *сы понда мый* ‘потому что и др.’).

2. Среди подчинительных союзов коми языка обнаруживаются заимствованные союзы из русского языка, большинство из которых в процессе заимствования претерпели определенные фонетические изменения. Таковыми будут: *пока* ‘пока’, *кӧть* ‘хотя’, *бытьӧ* ‘будто’, *ыштӧ* ‘что’, *ыштӧкӧ* ‘как будто; точно; словно’ и др. Значения и функции заимствованных союзов в языке-рецепторе в основном те же, что и в языке-реципиенте.

Встречаются также частичные заимствования: одна часть союза представляет компонент русского союза, другая часть – исконное коми слово. Таковыми союзами будут: *бытьӧкӧ* ‘как будто, будто бы; словно’ (< русск. *бытьӧ* ‘будто, как будто; точно, словно; как’ + к. *кӧ* ‘если’), *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; словно’ (< русск. *ыштӧ* ‘что’ + к. *кӧ* ‘если’) и др.

3. Исследованный материал показал, что одни подчинительные союзы распространены широко (*мед*, *медым* ‘чтобы’, *кӧть* ‘хотя’, *кор* ‘когда’, *да* ‘когда; потому что, так как’), другие встречаются значительно реже (*ыштӧ* ‘что’, *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; словно’, а некоторые – чрезвычайно редко (*лӧка* ‘потому что, так как’, *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* ‘несмотря на то, что’). В коми-зырянских диалектах (вым., иж., лл., уд.) употребляются устаревшие, имеющие просторечную окраску, характерные для синтаксиса сложного предложения в севернорусских говорах, союзы *ежели*, *коли*, *так (дак)*. В литературном коми языке они не укрепились. Наиболее употребительны в языке следующие союзы: *кор*, *кыдз*, *кӧ*, *мед (медым)*, *мый*, которые в сложноподчиненных конструкциях выражают более общие отношения, т.е. **синтаксические**.

4. Наряду с подчинительными союзами мы выделили **союзные слова**, хотя вторые являются самостоятельными словами и входят в состав

придаточного предложения в качестве одного из его членов предложения. Союзные слова, как и подчинительные союзы, организуют сложноподчиненное предложение: служат для связи придаточного предложения с главным, указывая при этом на зависимость придаточной части от главной, а также для выражения грамматических отношений между ними, т. е. выполняют такую же функцию, что и подчинительные союзы.

ГЛАВА 4. ПОКАЗАТЕЛИ СВЯЗИ, ФУНКЦИОНАЛЬНО СБЛИЖАЮЩИЕСЯ С СОЮЗАМИ

В современном коми языке пополнение союзных средств за счет других частей речи является живым и активным процессом, что ведет к значительному увеличению корпуса союзных средств. Нельзя сказать, что в современном состоянии языка их выделение уже завершено. Они выделяются постепенно, по мере усложнения языкового строя.

Много слов находится в состоянии перестройки, формирования не только новых союзов, но и их новых типов. В результате многие единицы находятся на пути перехода из одного разряда в другой. Генетическая связь многих союзов (*кор* ‘когда’, *кыдз(и)* ‘как’, *кытчӧдз* ‘пока’, *сэсса* ‘затем, потом’ и т.д.) с местоименными словами и особенно с наречиями непосредственно очевидна.

Слияние союзов с уточняющими их частицами, теряющими знаменательность словами, втягивающимися в сферу выражения отношений между событиями, является активным процессом не только в коми языке, но и в языках разных систем. Кроме того, есть немало переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий.

В процессе работы над союзными средствами в синтаксических конструкциях мы не могли не обратить внимание на то, что в коми языке есть немало показателей связи, функционально сближающихся с союзами и заслуживающих специального изучения. Интересующая нас проблема относится к числу неизученных.

В данной главе не ставится цель представить подробное описание показателей связи, функционально сближающихся с союзами, т.к. для достижения этой цели необходимо выполнить крупное самостоятельное

исследование. В качестве предварительных замечаний представляется уместным кратко осветить вопрос о некоторых типах показателей связи в коми языке и обратить внимание на те характерные трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при попытке определить границы союзных средств современного коми языка.

М. И. Черемисина и Т. А. Колосова условно делят эти трудности на субъективные и объективные: «Субъективные трудности связаны с различными теоретическими интерпретациями определенных, относительно неизменных фактов. Объективные трудности обусловлены тем, что общее множество скреп на современном этапе развития <...> языка находится в состоянии перестройки; в него активно втягиваются живые формы, отрывающиеся и в разной мере оторвавшиеся уже от соответствующих частей речи, закрепляющиеся в составе разного рода сочетаний» [Черемисина, Колосова 1987: 125].

4.1. Частицы как показатели связи в коми языке

Исследование показало, что показателями связи между синтаксическими единицами могут быть не только союзы и союзные слова, но и частицы определенной семантики. Помимо принятых «союзных частиц» в коми языке [Подорова 1954: 11; СКЯ 1955: 283; ÖКК 2000: 515–516] в функции союзных средств могут выступать также усилительно-выделительные, выделительно-ограничительные, некоторые модальные частицы, способные реализовать различные грамматические отношения в синтаксических конструкциях между соединяемыми компонентами: однородными членами, частями предложения в структуре высказывания, предикативными частями в сложных предложениях.

Выполнение частицами союзной функции рассматривается в работах многих финно-угроведов [Серебрянников 1967: 256; ГМЯ 1980: 393; Иванова 1984: 37–38; Майтинская 1982: 90; Ерина 1997: 37–72; ПСД 1971: 183; Попова 2012: 168–172 и др.].

Квалификацию «союзных частиц» в коми языке получили присоединительные частицы, которые «соединяют различные синтаксически разъединенные единицы, устанавливая между ними смысловую связь» [Подорова 1954: 11; СКЯ 1955: 283; ÖКК 2000: 515–516].

Как «заместители союзов» могут использоваться частицы-синонимы *усилительной* семантики с оттенком эмоциональности *весиг / весигтӧ, быдӧн / быдсӧн* ‘даже’, которым также характерна выделительная функция. Этот синонимический ряд можно дополнить частицей *вийӧдз / вийӧдзтӧ*, образованной на базе собственно коми языка, и заимствованной из русского частицей *дажӧ* ‘даже’, однако, они здесь не рассматриваются из-за того, что употребляются редко.

В грамматике «Современный коми язык» [СКЯ 1955: 271, 277] и «Кратком очерке грамматики коми языка» [Лыткин, Тимушев 1961: 904] слово *весиг* ‘даже’ рассматривается в разделе служебных слов в системе союзов и частиц. Квалифицируется как усилительно-ограничительная частица и как сочинительный союз, но при этом не указывается, какую семантическую группу союзов составляет. *Быдӧн / быдсӧн* как служебная единица не получила отражения. В последней научной грамматике [ÖКК 2000: 508–509]; и «Коми-русском словаре [КРК 2000: 72, 94] *весиг / весигтӧ, быдӧн / быдсӧн* подаются как усилительные частицы

Частицы *весиг / весигтӧ, быдӧн / быдсӧн* ‘даже’ служат для усиления и выделения смысла отдельного слова или предложения в целом, придавая им большую выразительность и убедительность, и могут относиться к любому слову в предложении.

Частицы *весиг / весигтӧ, быдӧн / быдсӧн* кроме своей основной функции могут выполнять союзную функцию и выражать грамматические отношения между синтаксическими единицами. Основанием тому стало сочетание усилительной функции с союзным значением. В. В. Виноградов отмечал, что А. М. Пешковским было сделано очень тонкое замечание о связи некоторых «первообразных» усилительных частиц с союзами: «Самая

усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается в предыдущей речи» [Виноградов 1972: 522–523].

В силу своего акцентирующего свойства, частица *весиг / весигтӧ* способна выражать градационные отношения между однородными членами предложения (частицу *быдӧн / быдсӧн* в аналогичной функции обнаружить не удалось), напр.: *Туисова нинӧм эз шу, ышловзис, петіс машинаысь кага моздорнас, весиг пасибӧ эз гӧгӧрво шуны шудтӧм шоферлы* (Попов 1986: 75) ‘Туисова ничего не сказала, вздохнула, вышла из машины с ребенком на руках, даже спасибо не догадалась сказать несчастному шоферу’; *Кор сійӧ [Симьӧн] приметитліс нин тайӧ ышӧдана местасӧ, весигтӧ карандашӧн пасйӧдъяс вӧчавліс, но алипаа краскаӧн гижны эз на удайтчыв* (Безносиков 1985: 144) ‘Когда он [Симьӧн] заметил уже это привлекательное место, даже делал наброски карандашом, но писать масляной краской пока не удавалось’; *Помланьыс Исанев ошкышитіс кодсюрӧс вӧрпункт нимсянь, весигтӧ стахановецӧн ыдждӧдліс, тиӧтши и Кальӧ Коляӧс да Елисаӧс* (Юшков 1988: 130) ‘К концу Исанев похвалил кое-кого от имени лесопункта, даже назвал стахановцами, и Кале Колю и Елису тоже’. Частица *весиг / весигтӧ* в приведенных предложениях акцентирует однородные сказуемые: *эз гӧгӧрво шуны* ‘не догадалась сказать’, *вӧчавліс* ‘делал’, *ыдждӧдліс* ‘назвал’, проявляя тем самым «союзность».

Частицы *весиг / весигтӧ, быдӧн / быдсӧн* могут выступать показателем присоединительного значения между частями предложения, когда какая-то часть в структуре высказывания в виде дополнительной информации прикрепляется к основному высказыванию: – ... *Сэні ӧд шонтысьнытӧ некӧн, весиг куритчыны оз позь. ...* (Льноров 1988: 159) ‘ – ... Там ведь погреться негде, даже курить нельзя. ...’; *Неыджыд тушаа [Бойко], и пельпомьясыс абу паськыдӧсь, и тош оз новлы, весиг гӧрдӧв юрсиа и быдтор* (Игнатов 1988: 126) ‘Невысокого роста [Бойко], и плечи неширокие, и бороду не носит, даже волосы рыжеватые и тому подобное’. При реализации

присоединительных отношений частицы *весиг* / *весигтö*, *быдöн* / *быдсöн* могут занимать позицию в конце прикрепляемой части: *Калиса эз виччысь тайö паныдасьöмсö, дрöгнитіс весиг ...* (Безносиков 1973: 28) ‘Калиса не ожидала этой встречи, вздрогнула даже’, *Варукыд веськыда пузис, тшöкмунліс быдöн* (Там же: 126) ‘Варук прямо вспылила, поперхнулась даже’.

Частицы *весиг* / *весигтö*, *быдöн* / *быдсöн* могут употребляться как союзные средства в сложных предложениях сочинительного ряда и между его частями выражать присоединительно-пояснительные отношения, когда второе предложение, как добавочное сообщение, поясняет предыдущее. Примеры: *Бвласö быттьö пелькöдöма праздникъяс кежлö, весиг йöлöга кылö* (Льжоров 1988: 11) ‘Улицу как будто прибрали к праздникам, даже эхо отдается’; *Енэжыс посныдик кымөрöсь нин, но шондйыс шонтö бура, весиг неуна ёнджыка сыысь, мыйта эськö вöлі колö* (Игнатов 1988: 22) ‘На небе уже маленькие облака, но солнце греет хорошо, даже немного больше того, сколько бы нужно было’; *Либö чукчи, либö тар кыпöдчас, оз татчöс байдöг лэбзьöм шы кодь кыв – вöрыс чуймывлö быдöн* (Там же: 19) ‘Или глухарь, или тетерев поднимется, звук, не похожий на звук полета здешней куропатки, – даже лес замирает от удивления’; – ... *Топыда курччис [Нешумов] пиньяссö, быдöн черल्याсыс чургöдчисны, думыштчис. ...* (Попов 1986: 87) ‘... Крепко стиснул [Нешумов] зубы, даже челюсти выступили, задумался. ...’.

Следует отметить, что с помощью частицы *весиг* в предложении между его частями могут выражаться отношения общего и частного: *Борис ас кежас мыйкö век думайтö, думайтö, а Иван Григорьевич, сы вылö видзöдöмön, тшöтши: весиг Лена дорöдз кыв-мöдöн сöмын и шыасльö* (Игнатов 1988: 151) ‘Борис про себя что-то все думает, думает, а Иван Григорьевич, глядя на него, тоже: даже к Лене лишь несколькими словами обращается’.

Частица *весиг* ‘даже’ может выполнять роль союза в сложноподчиненных предложениях, в которых придаточное раскрывает образ действия, меру или степень действия или признака, выраженного в главном предложении. Такие придаточные соединяются с главным посредством союза *мый* ‘что’, а главное предложение не закончено и содержит соотносительное местоимение [СКЯ 1967: 232–233]. Иногда в таких предложениях синтаксическую функцию союза *мый* ‘что’ способна выполнять частица *весиг* ‘даже’, напр.: – *Пёчө, кёдзыд ванад, колёкө, юктав, а то сэтишма кынёмой сюзалө, **весиг** войсө узьны некөн! – зддоровайтчөм пыдди Симаковлөн шмонь артмис да со сувтовкерис дзирья-калитка дорас...* (Безносиков 1985: 136) ‘– Бабушка, холодной водой, может быть, напоишь, а то так кушать хочется, даже ночевать негде! – вместо того, чтобы поздороваться, Симаков пошутил и остановился возле калитки...’.

Частицу *быдён* / *быдсөн* ‘даже’ следует различить от обобщительно-распределительного местоимения *быдён* / *быдсөн* ‘все; каждый’ (в начальной форме), от которого она сформировалась и которое в предложении выполняет в основном функцию подлежащего. Например, в предложении ***Быдён** нюмдөмаось, быттьө Петров-Сидоров төдис думьяснысө да висьталис кёсиймнысө* (Игнатов 1988: 26) ‘Все улыбались, будто Петров-Сидоров знал их мысли и высказал их желание’ лексема *быдён* является местоимением и выполняет функцию подлежащего. Существенным признаком, отличающим частицы от знаменательных слов, является отсутствие у первой самостоятельного лексического значения. Следовательно, частицы не могут быть членами предложения. В устной речи разграничению местоимения и частицы способствует эмфазовая интонация.

Функцию союза могут выполнять частицы *выделительно-ограничительной* семантики, которые логически выделяют слова или словосочетания, а также целые предложения в высказывании и указывают на то, что предмет, действие или явление проявляется ограниченно, до каких-то

пределов, т.е. не больше того, что показано тем словом, словосочетанием или предложением, к которому они относятся.

К частицам с выделительно-ограничительной семантикой в коми-языке относятся: *кӧть* ‘хоть’, *куш* ‘только’, *медтыкӧ* ‘лишь бы’, *тыкӧ* ‘лишь, только’, *сӧмын* ‘только’, *толькӧ* ‘только’ [ÖKK 2000: 508]. Рассмотрим частицы *медтыкӧ* ‘лишь бы’ и *сӧмын* ‘только’, так как остальные частицы в функции союзного средства, подобно частицам усилительной семантики *выйӧдз / выйӧдзтӧ*, *дажӧ* ‘даже’, выступают редко.

Частица *медтыкӧ* ‘лишь бы’ и *сӧмын* ‘лишь только’ в синтаксических конструкциях способны проявлять семантику *исключения*, функционировать наравне с сочинительными союзами и оформлять специфические синтаксические отношения, которые невозможно выразить с помощью союза, напр.: *Медтыкӧ аслас уджыс вӧлі бур, медтыкӧ ачыс йӧз водзын нинӧмӧн лӧкӧн эз пет* (Изьюров 1984: 73) ‘Лишь бы своя работа была хорошая, лишь бы сам перед людьми ничем плохим не проявил себя’; *Ставыс нин вӧлі дась, сӧмын прӧскурня абу сюрӧма* (Безносиков 1973: 115) ‘Все уже было готово, только лишь просвирня не нашлась’; *А войыс! Сэзь, кӧдзыд, кодзувъяса, сӧмын тӧлысьтӧм* (Льюров 1988: 159) ‘А ночь то! Безоблачная, холодная, звездная, только лишь безлунная’; *Быттӧ генерал [Митин], сӧмын погоньяс оз тырмыны* (Безносиков 1985: 38) ‘Будто генерал [Митин], только погонов не хватает’.

Частицы *медтыкӧ* ‘лишь бы’ и *сӧмын* ‘только’ способны выразить *присоединительные* отношения в структуре простого предложения между его частями, сложного предложения между предикативными частями и между отдельными предложениями, напр.: *Но немтор, велалан да, позьӧ тай овны и син пӧлӧн, мукӧдлаті кӧ лючки да ён. Медтыкӧ дзоньнас олӧмыс лючки да лада вӧлі-а. Медтыкӧ олӧм-уджалӧмсьыс мырдысьӧн эз падмӧдны-а* (Торопов 1989: 11) ‘Но ничего, привыкнешь, и можно, оказывается, жить и с одним глазом, если другие органы здоровые. Лишь бы жизнь в целом была благополучной и порядочной. Лишь бы жить и работать насильно не

мешали»; *Пыж увдорё быйкнитіс суетса синъяса тюлень [Оксен], сӱмын усъяс оз тырмыны* (Безносиков 1973: 94) 'Под лодку нырнул тюлень [Оксен] с испуганными глазами, только усов не хватает'.

Как показывают материалы исследования, частица *сӱмын* 'только (но, однако)' в сочинительных конструкциях может выполнять роль противительного союза, напр.: *Руӱн пӱлясьыс еджыд самӱварыс рӱмпӱштан моз нерис чай юысьясӱс. Мый вӱчӱ Проконей, сійӱ жӱ артмӱ самӱвар вылас, сӱмын тешкодъджыка...* (Юхнин 1983: 117) 'Пышащий паром светлый самовар, подобно зеркалу, дразнил пьющих чай. Что делает Проконей, то же получается на самоваре, только смешнее...'; *Дзырыда на локтіс сълӱн [шондӱлӱн] кызсьыв югӱрыс, сӱмын инмана шоныдсӱ эз нин вай* (Юшков 1988: 3) 'Ярко еще сверкали его [солнца] лучи, только тепла уже не давали'. Функционально и семантически близка (на первый взгляд даже кажется синонимична) союзу *но*, однако, говорить о семантической близости частицы *сӱмын* и союза *но* не следует. Во-первых, если с союзом *но* решающим для описываемой ситуации является второй компонент, то с частицей *сӱмын* – наоборот: более значимым является первый компонент конструкции; во-вторых, конструкция с союзом *но* допускает (с соответствующим изменением в значении) перестановку частей, а конструкция с *сӱмын* – не допускает. Ср.:

(1) *Поводдяыс шоныд, но зэра* 'Погода теплая, но дождливая'.

(2) *Поводдяыс шоныд, сӱмын зэра* 'Погода теплая, только дождливая'.

Можно сказать: *Поводдяыс зэра, но шоныд* 'Погода дождливая, но теплая', и, видимо, нельзя сказать: *Поводдяыс зэра, сӱмын шоныд* 'Погода дождливая, только теплая'.

Основными факторами, способствующими выражать отношения противопоставления между синтаксическими единицами в сочинительных конструкциях, являются: 1) значение препятствующего ограничения, которое содержит частица *сӱмын*; 2) место в сочинительной конструкции: частица *сӱмын* должна занимать инициальную позицию.

Функцию показателей связи могут принимать и замещать союзные скрепы, некоторые модальные частицы и сочетания, напр.: *зэв нин* ‘особенно’, *торйён нин* ‘особенно’, *медводз* ‘в первую очередь’, *сідзкё* ‘значит’ и др. Каждый из этих аналогов модифицирует соединительное значение в соответствии со своей лексической семантикой. Сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением или поправкой к предшествующей части. Примеры: *Вёлі сентябрь шёр. Зэръяс бёрын сувтіс мича поводдя. Бурети вотчан кад. Лёсьыд татшём каднас вёрын, торйён нин расьясын* (Льюров 1988: 94) ‘Была середина сентября. После дождей установилась хорошая погода. Как раз время собирать грибы и ягоды. Приятно в такую пору в лесу, особенно в рощах’; *Тайё кадсё [ужин бёрса] медся ёна радейтлісны полевой гоститальса йёз, торйён нин кокньыда ранитчёмьяс* (Там же: 132) ‘Это время [после ужина] больше всего нравилось людям в полевом госпитале, особенно легкораненым’.

Исследование подтверждает, что рассмотренные нами частицы способны выполнять союзную функцию, оформляя синтаксические отношения между однородными членами предложения, между частями предложения, между предикативными частями сложного предложения, между отдельными предложениями, а также выступать при этом в своей основной функции – в функции частицы, не теряя своих свойств. Нужно отметить, что связующая функция реализуется рассмотренными нами частицами в том случае, если они занимают инициальную позицию, а иногда постпозицию после прикрепляемой части. В постпозитивном положении они могут выражать только присоединительные отношения. В интерпозиции они теряют связующую функцию. В русском языке Е. А. Стародумова выделяет еще один фактор, способствующий выполнению частицами союзной функции: частицы должны употребляться самостоятельно, без союза [Стародумова 1980: 51–52]. Союзы слабо противопоставлены частицам,

функционирующим как средство связи между синтаксическими единицами. Как оценить функцию таких слов в предложении?

А. Б. Шапиро их не рассматривает как союзы, а именует частицами по тем причинам, что 1) они, служащие для выражения отношений между предложениями, выполняют лишь вспомогательную роль: усиливают, иногда уточняют то отношение между предложениями, которое в основном выражено другими средствами <...> между тем как союзы служат основным средством выражения отношений между предложениями; 2) они отличаются значительной подвижностью и занимают в предложении место в зависимости от того, где стоит тот член предложения, к которому они примыкают по смыслу, между тем как союзы всегда помещаются в начале предложения; 3) они всегда неударяемы (проклитичны или энклитичны) [Шапиро 1953: 59–60].

А. Ф. Прияткина считает необходимым строго разграничивать союзы и частицы, которые, хотя и выступают в связующей, т. е. союзной функции, союзами при этом не становятся [Черемисина, Колосова 1987: 99].

В данном случае перед нами показатели связи, функционально сближающиеся с союзами. Однако мы не должны отождествлять показатели связи с союзами, поскольку «отождествление показателей связи с союзами существенно искажает действительную картину. Союзы противопоставляются и союзным словам, и частицам, и соотносительным словам (коррелятам), и целому ряду других показателей связи [Черемисина, Колосова 1987: 18].

Однако общепринятой теории по данной проблеме пока не существует. Одной из причин разногласий являются расхождения в интерпретации языковедами природы показателей связи.

4.2. Многокомпонентные показатели связи

Несмотря на то, что в научной литературе категория союза получила многоаспектное изучение, следует отметить, что недостаточно изучены

различные союзные образования. При изучении составных союзов возникают трудности в установлении статуса сочетаний, выполняющих союзную функцию. В лингвистической литературе наметилась тенденция включать в состав союзов, часто неоправданно, любые относительно устойчивые сочетания, выступающие в функции союза.

4.2.1. Союзные соединения с конкретизаторами и квалификаторами

Часто в коми языке основные («базовые») союзы (*и, да, а, но, либӧ, кор, кӧть* и др.) образуют сочетания с местоимениями, наречиями и частицами, чаще с наречиями и частицами. Такими соединениями могут быть: *и сэсса* ‘и затем’, *и сы вӧсна* ‘и потому’, *и сійӧн* ‘и потому’, *и та вӧсна* ‘и поэтому’, *и весиг* ‘и даже’, *и век жӧ* ‘и все же’, *да сы вӧсна* ‘и поэтому’, *да весиг* ‘и даже’, *да сӧмын* ‘да (но) только’, *а сӧмын* ‘а только’, *а сэсса* ‘а затем’, *а вермас лоны* ‘а может быть’, *а сідзкӧ* ‘а значит’, *но ӧд* ‘но ведь’, *но сӧмын* ‘но только’, *но век жӧ* ‘но все же’, *кор весиг* ‘когда даже’, *кор ӧд* ‘когда ведь’, *кор эськӧ* ‘когда бы’, *кӧть весиг* ‘хоть даже’, *кӧть эськӧ* ‘хотя и’ и т. д. Примеры: *Ӧльӧксанлӧн батъыс дӧвеч, мамыс кувсьылӧма водз, ӧтка пиыскӧд и оліс, эз весиг гӧтрасьлы выльысьсӧ, тыдалӧ, ёна радейтлӧма гӧтырсӧ, а сэсса сійӧ радейтӧмыс вуджӧма ӧтка пиыс вылӧ* (Льжорв 1988: 42) ‘Отец у Олексана вдовец, мать умерла рано, с единственным сыном и жил, не женился даже снова, видимо, сильно любил жену, а затем эта любовь перешла на единственного сына’; *Кадысь кадӧ вом доръясӧдыс вуджӧртлӧ нюм, да та вӧсна думайтсьӧ, мый сылӧн [Чёрныйлӧн] юрас пыр жуӧны скӧр мӧвпъяс* (Игнатов 1988: 22) ‘Время от времени на губах мелькала усмешка, и поэтому кажется, что у него [Черного] в голове постоянно роятся злые мысли’; *Но Гена эз кывзыйсь менсьым, нуӧдіс эз нӧльнан отделениесӧ, а сӧмын кыкӧс* (Там же: 159) ‘Но Гена не послушался меня, повел не все четыре отделения, а только два’; *Бур эськӧ, пӧжассяс кӧ, да сӧмын тай няньшомыс кӧттӧм на* (Тимин 1990: 28) ‘Хорошо бы, если пропечется

[хлеб], да (но) только вот тесто еще не заквашено’; *Ачыс [Петров-Сидоров] том на, сѡстѡм шыльыд чужѡма, весиг кажитчѡ вѡлі, мый быттьѡкѡ мортыс ньѡтчыдысь на абу и бритчывлѡма, кѡть эськѡ комын гѡгѡр арѡсанин* (Игнатов 1988: 15) ‘Сам [Петров-Сидоров] еще молодой, с чистым гладким лицом, даже казалось, что будто бы человек ни разу еще не брился, хотя и около тридцати лет уже возрастом’.

Вопрос о подобных сочетаниях в коми языке очень кратко упоминала В. М. Лудыкова в работе «Коми кывйын сложной сѣрникузя» [Лудыкова 1995: 10, 12, 17], однако подробного описания они в коми языке не получили. Подобные сочетания авторами «Русской грамматики» характеризуются как *союзные соединения с конкретизаторами* и комментируются следующим образом: «По отношению к сочинительным союзам семантически дифференцирующую функцию часто выполняют специальные конкретизаторы, т. е. слова и словосочетания, которые подключаются к союзу и уточняют его значение. Авторы «Русской грамматики» говорят о конкретизаторах и при подчинительных союзах: «Типичным способом конкретизации подчинительных союзов является их соединение с предложными сочетаниями: *после того как, ввиду того что, несмотря на то что, вопреки тому что, не в пример тому как, подобно тому как*; в результате такого соединения образуется составной союз» [РГ 1980 I: 714]. Однако М. И. Черемисина и Т. А. Колосова в подобных сочетаниях видят скрепы существенно иного типа – *одноместные многокомпонентные*, которые называют союзными единствами.

Термин «союзные соединения» с конкретизаторами М. И. Черемисина и Т. А. Колосова закрепили за теми *одноместными скрепами*, «структура которых определяется как относительно свободное соединение: простого союза (сочинительного: *и, а, но, да, или*) и уточнителя – конкретизатора либо квалификатора». Далее исследователи приходят к выводу, что с конкретизаторами сочетаются и *подчинительные союзы*. «При этом

конкретизатор может предшествовать союзу или компоненту союза» [Черемисина, Колосова 1987: 148–149; 153].

Какова роль конкретизаторов в составе союзных соединений, и следует ли считать подобные соединения целостными союзными средствами (скрепами)?

Для рассмотрения возьмем построения с сочетаниями *и та вёсна* ‘и поэтому’, *да та вёсна* ‘и поэтому’, *да сійён* ‘и потому’, *и век жё* ‘и все же’, *да век жё* ‘и все же’. В предложениях: *Тёвру оз ыркнит, и та вёсна бусыс зэв дыр оз пуксьы* (Тимин 1990: 52) ‘Ветерок не подует, и поэтому пыль очень долго не садится’, *Кадысь кадё вом доръясёдыс вуджёртлө нюм, да та вёсна думайтсьё, мый сылён [Черныйлөн] юрас пыр жуёны скёр мөвпъяс* (Игнатов 1988: 22) ‘Время от времени на губах появляется улыбка, и поэтому думается, что у него [Черного] в голове постоянно роятся злые мысли’, *Ышловзис [Ирина]: тёв йылын өні ог овлы, да сійён татшём чужёмой* (Попов 1986: 51) ‘Вздохнула [Ирина]: на улице (букв. на ветру) теперь не бываю, и потому лицо такое’ можно элиминировать любой из контактирующих компонентов и оставшийся передаст, несколько упрощенно, но те же отношения, поскольку в сочетании *и* ‘и’ и *та вёсна* ‘поэтому’, *да* ‘и’ и *та вёсна* ‘поэтому’, *да* ‘и’ и *сійён* ‘потому’ компоненты находятся в отношениях семантического согласования: *Тёвру оз ыркнит, и бусыс зэв дыр оз пуксьы / ... та вёсна бусыс зэв дыр оз пуксьы* ‘Ветерок не подует, и пыль очень долго не садится / ... поэтому пыль очень долго не садится’, *Кадысь кадё вом доръясёдыс вуджёртлө нюм, да думайтсьё, мый сылён [Черныйлөн] юрас пыр жуёны скёр мөвпъяс / ... та вёсна думайтсьё, мый сылён [Черныйлөн] юрас пыр жуёны скёр мөвпъяс* ‘Время от времени на губах появляется улыбка, и думается, что у него [Черного] в голове постоянно роятся злые мысли / ... поэтому думается, что у него ‘Черного’ в голове постоянно роятся злые мысли’, *Ышловзис [Ирина]: тёв йылын өні ог овлы, да татшём чужёмой / ... сійён татшём чужёмой* ‘Вздохнула

[Ирина]: на улице (букв. на ветру) теперь не бываю, и такое лицо / ... потому такое лицо’.

В сочетаниях *и век жö* ‘и все же’, *да век жö* ‘и все же’ между сочинительным союзом и последующим компонентом-наполнителем семантического соответствия нет. Например, в построениях с сочетанием союза *и* ‘и’ с конкретизатором *век жö* ‘все же’, при устранении союза или конкретизатора получается иной результат. Например, в предложении *Уна фашистскöй танк лои жугöдöма, и век жö ми этиша вермим мунны водзö* (Осипов 1979: 7) ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, и все же нам мало удалось продвинуться вперед’, устранив союз *и*, мы обедняем содержание мысли, но фраза остается осмысленной: *Уна фашистскöй танк лои жугöдöма, век жö ми этиша вермим мунны водзö* ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, все же нам мало удалось продвинуться вперед’. Но если мы устраним компонент *век жö*, фраза становится ненормативной: *Уна фашистскöй танк лои жугöдöма, и ми этиша вермим мунны водзö* ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, и нам мало удалось продвинуться вперед’.

Аналогичную ситуацию семантического несоответствия находим и в сочетании союза *да* ‘и’ с конкретизатором *век жö* ‘все же’: *А сэки буретши мыччысис шондi. Буракö, чайиис-косявлiс кымöрьяссö да век жö мыччысис, но радлыны сы вылö, вöлöмкö, нинöмла* (Раевский 1988: 17) ‘А тогда как раз вышло солнце. Кажется, разрывало облака и все же вышло, но радоваться ему, оказывается, не за что’.

Анализ материала показывает, что скрепы подобного типа в структурном отношении целесообразно подразделять на *союзные соединения с конкретизаторами* и *союзные соединения с квалификаторами*. В случаях, если союз семантически согласуется с последующим регулярно контактирующим «конкретизатором», то тесного сращения между ними не происходит. «Второй компонент действительно остается конкретизатором отношений, уже намеченных сочинительным союзом. В случаях же, когда

между сочинительным союзом и наполнителем следующей позиции семантического соответствия нет, связь между ними оказывается более тесной, их сочетание приобретает идиоматичность, скрепа становится более целостной <...> вторая ее составляющая выполняет уже не конкретизирующую, т.е. уточняющую, а квалифицирующую функцию. Устранение такого квалификатора может привести к заметному сдвигу в семантике высказывания» [Черемисина, Колосова 1987: 155]. Таковыми, например, в коми языке будут соединения: *и век жö* ‘и все же’, *да век жö* ‘и все же’, *и сэсся* ‘и затем’, *а сэсся* ‘а затем’, *а сідзкö* ‘а значит’, *а вермас лоны* ‘а может быть’ и др.

Обычно союзное соединение в нашем понимании представляет последовательное контактное соединение, которое начинает союз, а за ним уже конкретизатор (или квалификатор). Однако последние могут следовать за союзом и дистантно.

Анализ материала показывает, что подобные соединения приобретают характер союзной скрепы, передавая в построениях более тонкие, точные оттенки отношений между соединяемыми компонентами и являются одними из источников в пополнении союзных средств в коми языке.

4.2.2. Составные союзы

Составные союзы, как мы уже отмечали, по своему строению представляют нецельнооформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово. «Составной союз должен отвечать требованиям идиоматичности, целостности, неразъемности» [Черемисина, Колосова 1987: 142]. Главными признаками составных союзов, отличающими их от других типов сочетаний, будут следующие: во-первых, они не допускают изменения взаимного расположения компонентов; во-вторых, между компонентами составного союза нельзя вставить никаких отрезков текста. Сложившимися составными союзами в коми языке будут: *а сідзжö* ‘а также’, *кызь быттö* ‘как будто’,

кыдз сӧмын ‘как только’, *мыйӧн сӧмын* ‘как только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сӧмын на* ‘едва, только, едва только’, *сы вӧсна мый* ‘потому что’, *сы понда мый* ‘потому что’.

Союз *мый* ‘что’ в придаточных изъяснительных может сочетаться с модальными словами *быттьӧ* ‘будто’, *быттьӧкӧ* (*быттьӧкӧнӧсь*) ‘будто бы’: *мый быттьӧ* ‘что будто’, *мый быттьӧкӧ* (*мый быттьӧкӧнӧсь*) ‘что будто бы’, которые часто встречаются в разговорной речи. Изъяснительный союз *мый* ‘что’ – носитель грамматического значения, основным значением которого является сообщение о факте, в достоверности которого сообщаемый не сомневается. Носителем грамматического значения могут быть и *быттьӧ* ‘будто’, *быттьӧкӧ* (*быттьӧкӧнӧсь*) ‘будто бы’, способные выражать в сложноподчиненных предложениях изъяснительные отношения с модальным характером. В отличие от собственно изъяснительного союза *мый* ‘что’, они вносят в придаточную часть добавочный смысловой оттенок: не только сообщается о факте, но и выражается сомнение в достоверности того, о чем сообщается в придаточной части. Сочетания *мый быттьӧ* ‘что будто’, *мый быттьӧкӧ* (*мый быттьӧкӧнӧсь*) ‘что будто бы’ вводят такую придаточную часть, которая содержит в себе не только передачу чужой речи, но и оценку (со стороны говорящего) достоверности этой части. Как интерпретировать данные соединения: как составной союз, как сочетание двух союзов, как сочетание союза и модальной частицы?

Возьмем следующее построение: *Радио висьталіс, мый быттьӧкӧ поводдяыс мичаммас* ‘По радио сказали, что будто бы погода улучшится’. В сочетании *мый быттьӧ* ‘что будто’ можно устранить любой из контактирующих компонентов, и оставшийся передаст те же отношения. Однако, устранив компонент *быттьӧ* ‘будто’ мы обедняем содержание мысли: *Радио висьталіс, мый ... поводдяыс мичаммас / ... быттьӧкӧ поводдяыс мичаммас* ‘По радио сказали, что ... погода улучшится / ... будто бы погода улучшится’.

Сочетание *мый быттьокö* ‘что будто бы’ представляет «союзное соединение», структура которого определяется как относительно свободное соединение двух компонентов: простого (изъяснительного) союза *мый* ‘что’ и конкретизатора *быттьокö* ‘будто бы’, что подтверждается возможностью их дистантного расположения и вхождения между ними фрагментов текста: *Радио висьталіс, мый пажын бöрын быттьокö* поводдяыс мичаммас ‘По радио сказали, что после обеда будто бы погода улучшится’. Союзные соединения тем и отличаются от составных союзов, что отношения между их компонентами свободные: второй компонент может линейно отрываться от первого, а в составных союзах, как уже отмечали, нельзя вставить никаких отрезков текста, т. е. они лишены признака идиоматичности. Значит, в данном случае можем говорить о союзном соединении с конкретизатором.

4.3. Выводы по главе

1. Среди показателей связи в коми языке выделяются, прежде всего, простые, «гибридные» слова, имеющие право называться частицами, функционально сближающиеся с союзами и в составе простых и сложносочиненных предложений, между отдельными предложениями выражающие отношения градации, присоединения, пояснения, противопоставления, исключения, иногда специфические синтаксические отношения, которые невозможно выразить с помощью союза.

2. Наряду с союзными образованиями, уже приобретшими структурную устойчивость, в языке используются различные по степени слияния компонентов сочетания.

Среди многокомпонентных показателей связи различаются скрепы (функтивы), которые обладают признаками сложившихся составных союзов. От составных союзов выделяются менее идиоматичные союзные единства – сочетания союзов с квалификаторами. Этим устойчивым многокомпонентным союзам противопоставляются союзные соединения –

сочетания союзов с конкретизаторами –, компоненты которых связаны относительно свободно.

Формирование новых показателей связи за счет втягивания в орбиту союзных средств частиц, взаимодействия союзов с местоимениями, наречиями, частицами ведут к увеличению корпуса связующих средств в коми языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория союза в коми языке, как и в большинстве финно-угорских языков, является результатом позднего образования. Ее формирование относится к сравнительно позднему периоду языкового развития. Некоторые союзы могут восходить к общепермскому праязыку или даже к более древним временам, однако фонетические и морфологические изменения, происходившие в период самостоятельной жизни отдельных языков, являются серьезным препятствием для их реконструкции.

Появление и развитие союзов в коми языке наглядно демонстрируют памятники древнекоми письменности, в текстах которых встречаются бессоюзные и союзные сложные предложения. В союзных сложных предложениях этого периода уже использовались союзы, как заимствованные из церковнославянского языка, так и исконного происхождения.

В формировании категории союза в коми языке, начиная с древнепермского периода и до наших дней, первостепенную роль сыграл русский язык. Среди сочинительных союзов на базе собственного языка сформировался только союз *сэсса* ‘и, и затем; да и’, остальные являются заимствованными из русского языка или представляют кальку с русского (*а сідзжӧ* ‘а также’, *кыдзи – сідзи и* ‘как – так и’, *не сідз – кыдз* ‘не так – как’, *не (эз) сӧмын – но и* ‘не только – но и’ и др.).

По своим синтаксическим свойствам союзы современного коми языка, как и русские, делятся на сочинительные и подчинительные. В зависимости от значения и грамматических особенностей сочинительные и подчинительные союзы подразделяются на семантические группы.

Сочинительные союзы в целом сохраняют семантические и функциональные характеристики языка-донора. Это касается противительных и разделительных союзов. Однако функционирование

некоторых соединительных союзов в языке-реципиенте имеет особенности, а именно:

1) союз *да* в коми языке может использоваться в случае следственной зависимости и временной последовательности; чаще бывает одиночным, но может и повторяться; 2) союз *ни ... ни* может употребляться одиночно, на основе чего образовались устойчивые сочетания фразеологического характера (*кыв ни пель* ‘глухой, глухая тетеря, немой’, *шы ни гу* ‘полная тишина’, *ис ни ру* ‘ни жару, ни пару (в бане)’ и т.д.); 3) союзы *да, дай, и, ни, и...и, ни ...ни* в синтаксических конструкциях могут локализоваться как перед соединяемым компонентом, так и после, союз *да ... да* употребляется только после соединяемого компонента.

Постпозитивное употребление соединительных союзов характерно также для севернорусских (а иногда некоторых сибирских говоров). Для современного русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции нехарактерно: они всегда локализируются перед соединяемой частью. Вопрос о причинах такого грамматического явления в коми языке и севернорусских говорах пока остается открытым. Не исключено, что это явление имеет контактное происхождение, учитывая несколько столетий самых тесных контактов коми с северными русскими и роль коми наряду с русскими в освоении Сибири.

Подчинительные союзы по значению делятся на семантические, которые точно и однозначно указывают своим лексическим значением на те отношения, которые складываются между компонентами сложноподчиненного предложения: *мыйӧн* ‘как только’, *кытчӧдз* ‘пока’, *мыйла* ‘потому что’, *лӛка* ‘потому что, так как’, *сы вӧсна мый* ‘потому что; ввиду того что’ и др.) и асемантические (или синтаксические, функциональные), которые могут употребляться в различных по значению сложноподчиненных предложениях, указывая лишь на подчиненность придаточного предложения: *кор / кодыр* ‘когда’, *мед, медым* ‘чтобы’, *мый* ‘что’, *да* ‘когда; потому что, так как’ и др.

Среди подчинительных союзов, получивших развитие за счет внутренних ресурсов, наиболее многочисленна группа союзов местоименного происхождения. Структурной основой союзов этого типа может быть местоименное слово, превратившееся в союз (*кор* ‘когда’, *кыдз* ‘как’, *кытчөдз* ‘пока’, *мый* ‘что’, *мыйöн* ‘как только’ и др.), и уже в этом, новом качестве, выступающее в роли опорного элемента составных производных союзов (*кыдз быттё* ‘как будто’, *кыдз сөмын* ‘как только’, *мыйöн сөмын* ‘как только’, *сийöн мый* ‘потому что’, *сы вöсна мый* ‘потому что’, *сы понда мый* ‘ввиду того что’).

Многие подчинительные союзы представляют собой застывшие падежные формы относительных или указательных местоимений (*кытчөдз* ‘пока’, *мыйöн* ‘как только’, *мыйла* ‘потому что’, *сийöн* ‘поэтому’ и др.). Имеются также союзы, сформировавшиеся на базе частиц: *а* ‘хотя’, *да* ‘когда; потому что, так как’, *мед* ‘чтобы’.

В системе союзов подчинительного ряда в коми языке обнаруживается много заимствований из русского языка, большинство из которых в процессе заимствования претерпели фонетическую адаптацию (*көть* ‘хотя’, *быттё* ‘будто’, *ыштё* ‘что’ и др.), или представляющих кальку с русского (*сы вöсна мый* ‘потому что’, *кыдз сөмын* ‘как только’, *сы вылө видзөдтөг мый* ‘несмотря на то, что’ и др.). Происходит также построение нового союза через комплекс: свое + чужое, напр.: *быттёкө* ‘как будто, будто бы; словно’ (< рус. *быттё* ‘будто, как будто; точно, словно; как’ + к. *кө* ‘если’), *ыштёкө* ‘будто, как будто; словно’ (< рус. *ыштё* ‘что’ + к. *кө* ‘если’) и др. Наблюдается проникновение некоторых подчинительных союзов из русских народных говоров и укрепившихся в коми-зырянских диалектах (*ежели*, *коли*).

Функцию подчинительных союзов в сложноподчиненных предложениях могут выполнять *союзные слова*, в качестве которых способны выступать вопросительно-относительные местоимения (*кодi*, *код* ‘кто, который’, *мый* ‘что’, *кутшöм* ‘какой’ и др.) и местоименные наречия (*кöни*

‘где’, *кыти* ‘где, откуда’, *кор* ‘когда’ и др.), проблема разграничения которых и на современном этапе составляет определенную трудность.

Кроме собственно союзов и союзных слов в коми языке есть средства связи, функционально сближающиеся с союзами. Таковыми являются частицы определенной семантики: усилительно-выделительные (*весиг* / *весигтö*, *быдöн* / *быдсöн* ‘даже’), выделительно-ограничительные (*кöть* ‘хоть’, *куш* ‘только’, *медтыкö* ‘лишь бы’, *тыкö* ‘лишь, только’, *сöмын* ‘только’, *толькö* ‘только’), некоторые модальные частицы и сочетания частиц (*медводз* ‘в первую очередь’, *сидзкö* ‘значит’, *зэв нин* ‘особенно’, *торйöн нин* ‘особенно’), способные выражать различные грамматические отношения, существующие в синтаксических конструкциях между соединяемыми компонентами, иногда специфические грамматические отношения, которые невозможно выразить с помощью союза. Однако при этом они не переходят в разряд союзов.

С усложнением синтаксиса письменного языка активизируется процесс производства многокомпонентных показателей связи, среди которых имеются сформировавшиеся союзные единицы с устоявшимися значениями, функциями, как например, *а сидзжö* ‘а также’, *дай сийö* ‘да и то’, *кыдз бытттьö* ‘как будто’, *кыдз сöмын* ‘как только’, *мыйöн сöмын* ‘как только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сöмын на* ‘едва, только, едва только’ и др., и такие образования, которые имеют относительно устойчивую структуру, но не являются собственно союзами, а только употребляются в союзной функции.

От составных союзов следует отличать менее идиоматичные союзные единства – сочетания союзов с квалификаторами. Этим устойчивым многокомпонентным союзным единствам противопоставляются союзные соединения – сочетания союзов с конкретизаторами –, компоненты которых связаны относительно свободно. Подобные соединения приобретают характер союзной скрепы, передавая в синтаксических построениях более тонкие, точные оттенки значений между соединяемыми компонентами и

являются одними из источников в пополнении союзных средств в коми языке.

Таким образом, союзы коми языка представляют собой сложную структурно-семантическую систему, в состав которой входят элементы разного происхождения: союзы, восходящие к древнекоми периоду развития, большой пласт русских заимствований и союзы позднего происхождения, сформированные и формирующиеся из собственного языкового материала.

Формирование и становление союзных средств в коми языке происходило постепенно, в разные периоды его развития под мощным влиянием русского языка. Проведенное исследование позволяет сделать заключение, что появившаяся как внешняя инновация русская система связочных средств прошла полный путь адаптации в грамматической системе коми языка и стала основой формирования синтаксиса сложных предложений.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Памятники древнепермской письменности: ЛЕ – Лепехинско-Евгеньевские тексты; Сош. – древнепермская надпись на иконе “Сошествие св. духа”.

Языки: к. – коми, кп. – коми-пермяцкий, рус. – русский, ц.-сл. – церковно-славянский.

Диалекты и говоры: 1) коми-зырянские диалекты: вв. – верхневычегодский диалект, вс. – верхнесысольский диалект, вым. – вымский диалект, иж. – ижемский диалект, лл. – лузско-летский диалект, нв. – нижневычегодский диалект, *скр.* – присыктивкарский диалект, *уд.* – удорский диалект;

2) говоры коми-зырянских диалектов: Важ. – говор с. Важгорт удорского диалекта, Ваш. – говор бассейна Вашки удорского диалекта, Венд. – говор дер. Вендинга удорского диалекта, верх. Мез., ниж. Мез. – говоры бассейна Мезени удорского диалекта, Гур. – говор с. Гурьевка лузско-летского диалекта, З. – говор с. Занулье лузско-летского диалекта, К. – говор дер. Кони вымского диалекта, Кб. – говор с. Кобра верхнесысольского диалекта, Крив. – говор дер. Кривое удорского диалекта, Лет. – говор с. Летка лузско-летского диалекта, М. – говор с. Мyelдино верхневычегодского диалекта, Н. – говор с. Ношуль лузско-летского диалекта, Онеж. – говор с. Онежье вымского диалекта, Пор. – говор с. Поруб лузско-летского диалекта, С. – говор д. Синдор вымского диалекта, Ч. – говор с. Читаево лузско-летского диалекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабин В. Мулӧн лов шы: выль кывбуръяс / В. Бабин // Войвыв кодзув: литер.-худож. журнал. – Сыктывкар, 1993. – 10-ӧд №. – 36-ӧд л. б.
2. Безносиков В. И. Свӧякъяс: повесть, висътъяс / В. И. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – 130 л. б.
3. Безносиков В. Ӗкуль тьӧтлӧн гӧсть / В. Безносиков // Войвыв кодзув: литер.-худож. да обществ.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1982. – 7-ӧд №. – 3–30 л. б.
4. Безносиков В. И. Кӧнӧ менам шудӧй? Повесть, висътъяс / В. И. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 240 л. б.
5. Безносиков В. Мый корсян, сӧйӧ и югдӧ / В. Безносиков // Войвыв кодзув: литер.-худож. журнал. – Сыктывкар, 1994. – 9-ӧд №. – 24–30 л. б.
6. Игнатов М. И. Юсьяс, донаяс, вай жӧ висъталӧй...: повестьяс, висътъяс / М. И. Игнатов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 288 л. б.
7. Изъюров И. Миян грездса нывъяс / И. Изъюров. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 352 л. б.
8. Исаев В. И. Шаньшор / В. И. Исаев // Пармалӧн шыӧз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 306–330 л. б.
9. Коданев И. Талун оз зӧр / И. Коданев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 136 л. б.
10. Куратов И. А. I – Куратов И. А. Ой, жизнь ты, жизнь...: стихотворения, поэмы / Пер. с коми / И. А. Куратов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 272 с.
11. Куратов И. А. II – Куратов И. А. Коми гор. Художественнӧй гижӧд чукӧр / И. А. Куратов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. – 440 л. [32] л. портр.: ил.

12. Куратов И. А. III – Куратов И. А. Менам муза / И. А. Куратов. – Сыктывкар, 1979. – 606 л. б.
13. Куратова Н. И. Вөр гормөг: повестьяс, висьтъяс / Н. И. Куратова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. – 160 л. б.
14. Льюров А. А. Вунёдлытём серпасъяс: повестьяс да висьтъяс / А. А. Льюров. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 176 л. б.
15. Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады / А. К. Микушев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ие, 1969. – 284 с.
16. Напалков В. Е. Томъяс: повестьяс / В. Е. Напалков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 216 л. б.
17. Напалков В. Вотöса август / В. Напалков // Войвыв кодзув: литер.-худож. журнал. – Сыктывкар, 1996. – 6-öd №. – 7–22 л. б.
18. Оласö – Оласö да вöласö: коми-пермяцкöй сказкаэз, легендаэз, преданнёэз, сказзэз, быличкаэз, висьтассэз. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-пермяц. отд. 1990. – Т. 1. – 368 л. б.
19. Осипов В. Танкъяс пырöны биö (казьтылöмъяс) / В. Осипов // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1979. – 4-öd №. – 6–24 л. б.
20. Плесовский Ф. М. Коми шусьöгъяс да кивйöзъяс / Сост. Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 208 л. б.
21. Попов Н. П. (Жугыль) Настя: повестьяс, висьтъяс / Н. П. Попов (Жугыль). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 144 л. б.
22. Пыстин И. И. Бушкола вояс / И. И. Пыстин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 255 л. б.
23. Раевский С. С. Шоныд войвыв: висьтъяс / С. С. Раевский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 152 л. б.
24. Рочев Е. В. Лöз тундра: повесть да висьтъяс / Е. В. Рочев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 208 л. б.
25. Рочев Я. М. Кык друг: роман / Я. М. Рочев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. – 414 л. б.

26. Тимин В. В. Ракета видзöдö енэжö: повесть / В. В. Тимин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. – 208 л. б.
27. Тимушев С. Ф. Зумыш пармаын: повесть / С. Ф. Тимушев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 144 л. б.
28. Торопов В. Арся войö / В. Торопов // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1988. – 11-öд №. – 39–40 л. б.
29. Торопов И. Вошöм гортö мунан туйыс: роман-хроника /И. Торопов // Войвыв кодзув: литер.-худож. журнал. – Сыктывкар, 1998. – 8-öд №. –3–44 л. б.
30. Торопов И. Гымöбтис керка шöрын: повесть / И. Торопов // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1989. – 4-öд №. – 9–28 л. б.
31. Торопов И. Г. Оштö эн лый кыкысь: повестьяс / И. Г. Торопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 352 л. б.
32. Фадеев Т. П. Олöм лун: рассказзэс да повесттез / Т. П. Фадеев. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-пермяц. отд., 1991. – 352 л. б.
33. Федосеев С. А. Кусöм бизз: повесттез / С. А. Федосеев. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-пермяц. отд., 1991. – 301 л. б.
34. Фёдоров Г. А. Кыа петигöн: роман / Г. А. Фёдоров. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 544 л. б.
35. Фёдоров Г. Чужан мусянь ылын. Му вöрöм (1) / Г. Фёдоров // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1988. – 10-öд №. – 11–24 л. б.
36. Фёдоров Г. А. (Педь Гень). Бöрйöм гижöдъяс. (Мöд книга). Роман, повесть, очерк / Г. А. Фёдоров. – Сыктывкар: Коми кн изд-во, 1994. – 624 л. б.
37. Шадрин И. Дёма / И. Шадрин // Пармалöн шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. – Кудымкар, 1997. – 46–86 л. б.

38. Шахов Б. Гөрд дзоридзьяса съод шаль / Б. Шахов // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1987. – 9-өд №. – 3–24 л. б.
39. Шахов Б. Овлісны-вывлісны. Лөг (романлөн мөд юкөн) / Б. Шахов // Войвыв кодзув: литер.-худож. журнал. – Сыктывкар, 1997. – 5-өд №. – 6–33 л. б.
40. Ширяев В. Ас сиктын: висът / В. Ширяев // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1975. – 7-өд №. – 42–44 л. б.
41. Юхнин В. В. Алёй лента / В. В. Юхнин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 456 л. б.
42. Юхнин В. В. Діньельса вөрпункт: повесть / В. В. Юхнин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 176 лб.
43. Юшков Г. А. Ловья лов: повестьяс да висътъяс / Г. А. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 528 л. б.
44. Юшков Г. А. Чугра: роман / Г. А. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 416 л. б.
45. Юшков Г. А. Рөдвуж пас: роман / Г. А. Юшков // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1987. – 3-өд №. – 3–26 л. б.
46. Юшков Г. А. Рөдвуж пас: роман / Г. Юшков // Войвыв кодзув: литер.-худож. да общест.-политич. журнал. – Сыктывкар, 1987. – 5-өд №. – 3–27 л. б.
47. Юшков Г. А. Рөдвуж пас: роман, повесть / Г. А. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 432 л. б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова С. Н. Сложносочиненные предложения с союзом *и* в коми и русском языках / С. Н. Аксенова // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2001. – 297 с.
2. БАСРЯ 2004 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1. / РАН. Ин-т лингвист. исслед. – М. – СПб: Наука, 2004. – 661 с.
3. БАСРЯ 2007 – Большой академический словарь русского языка. Т.7. / РАН. Ин-т лингвист. исслед. – М. – СПб.: Наука, 2007. – 728 с.
4. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1975. – 225 с.
5. Баталова Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков / Р. М. Баталова. – М., 1990. – 205 с.
6. Баталова Р. М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка / Р. М. Баталова. – М. – Гамбург, 1995. – 197 с.
7. Баталова Р. М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: научн. доклад дис. ... доктора филол. наук / РАН. Ин-т языкозн. / Р. М. Баталова. – М., 1998. – 69 с.
8. Баталова Р. М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка / Р. М. Баталова. – М. – Гамбург, 2002. – 168 с.
9. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Учебн. пособие для филол. специальностей ун-тов / В. А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
10. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка / Д. В. Бубрих. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1949. – 200 с.

11. Бузаков И. С. Сложное предложение в мордовских языках: Труды НИИ ЯЛИ и Экономики при Совете Министров Морд. АССР / И. С. Бузаков. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. – Вып. 46. Ч. I. – 180 с.
12. Бузаков И. С. Союзные слова и подчинительные союзы в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Бузаков; АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1966. – 26 с.
13. ВВД 1966 – Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1966. – 253.
14. ВД 1998 – Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – Сыктывкар: Изд-во «Пролог», 1998. – 440 с.
15. Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы»: Введение // Семиотика / А. Вежбицкая. М., 1983. – С. 225–252.
16. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
17. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. 2-ое изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
18. ВСД 1975 – Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка / Т. И. Жилина. М.: Наука, 1975. – 268 с.
19. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: учеб. пособие для студентов. Ч. I. Морфология / И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 204 с.
20. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Пособие для пединститутов / А. Н. Гвоздев. 2-ое изд. – М.: Учпедгиз, 1961. – Ч. I: Фонетика и морфология. – 432 с.
21. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. 4-ое изд. / А. Н. Гвоздев. 4-ое изд. – М.: Просвещение, 1973. – Ч. II: Синтаксис. – 350 с.
22. ГВЯ 1981 – Зайцева М. И. Грамматика вепского языка (фонетика и морфология) / М. И. Зайцева. – Л.: Наука, 1981. – 360 с.

23. ГМЯ 1962 – Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология / Науч.-исслед. ин-т языка, лит-ры и истории. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
24. ГМЯ 1980 – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: учеб. для нац. отд-ий вузов. – Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980. – 430 с.
25. ГСРЛЯ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
26. ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
27. ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. – Ижевск, 1974. – 167 с.
28. Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): дис. ... канд. филол. наук / Марийский государственный университет / Р. П. Дмитриева. – Йошкар-Ола, 1998. – 195 с.
29. Ерина О. В. Частицы в мордовских языках / О. В. Ерина. – Тарту, 1997. – 150 с.
30. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / Л. Н. Жеребцов. – М.: Наука, 1982. – 224 с.
31. Иванова З. К. Частицы между однородными членами в марийском языке / З. К. Иванова // FU 11. – 1984. – С. 37–42.
32. ИД 1976 – Сахарова М. А. Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.
33. Кадыров Ш. К. Семантика союзов *пока* и *пока не* в современном русском языке / Ш. К. Кадыров // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении: межвуз. темат. сб. науч. трудов. – Калинин, 1987. – С. 13–25.

34. Калашникова В. Г. Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении): дис. ... канд. филол. наук / Тартуский государственный университет / В. Г. Калашникова. – Тарту, 1974.
35. Карелсон Р. Союзы в прибалтийско-финских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Карелсон. – Тарту, 1959. – 31 с.
36. Карпова Л. Л. Особенности служебных частей речи среднечепецких говоров (в контексте севернудмуртских диалектов) / Л. Л. Карпова // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 104–111.
37. Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис / Г. М. Керт. – Л.: Наука, 1971. – 355 с.
38. КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русской словарь [Коми-пермяцко-русский словарь]. – М.: Русский язык, 1985. – 621 с.
39. КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для вузов. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. – 340 с.
40. Кренделева Т. В. Союз *кор* как средство связи в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени / Т. В. Кренделева // Вопросы коми филологии: сб. науч. трудов. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2009. – Вып. 5. – С. 37–43.
41. Кренделева Т. В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Кренделева. – Сыктывкар, 2010. – 27 с.
42. Кренделева Т. В. Семантика временных союзов *кытчӧдз* ‘пока’ и *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ в современном коми языке / Т. В. Кренделева // Динамика структур финно-угорских языков: сб. науч. статей на материалах Всерос. финно-угорской языковедческой конф., посвящ. юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора

Е. А. Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов РФ А. Н. Ракина (11 – 12 ноября 2009 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2011. – С. 139–143.

43. Кривощекова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка / А. С. Кривощекова-Гантман // Баталова Р. М., Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман; АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: «Русский язык», 1985. – С. 596–621.

44. КРК 2000 – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукӧр [Коми-русский словарь] / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанин, 2000. – 815 л. б.

45. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения / С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. – 2-ое изд. М.: Просвещение, 1977. – 192 с.

46. Кузнецова Р. Д. О границах составных подчинительных союзов / Р. Д. Кузнецова // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении: межвуз. темат. сб. науч. трудов. – Калинин, 1987. – С. 4–13.

47. Куратов И. А. Лингвистические работы / И. А. Куратов. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939. – 137 с.

48. КЭСК 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка (переиздание с дополнением) / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

49. КЯД 1961 – Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.

50. КЯЭ 1998 – Коми язык. Энциклопедия. – М.: Изд-во ДИК, 1998. – 607 с.

51. Лейнонен М. Параллели севернорусских *да / дак* на Европейском Севере / М. Лейнонен // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы.

Материалы междунар. науч. конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). – Сыктывкар, 2000. – С. 471–474.

52. Лейнонен М., Лудыкова В. М. Конечное слово *da* в коми языке с ареально-типологической точки зрения / М. Лейнонен, В. М. Лудыкова // Journal de la Société Finno-ougrienne.– Helsinki, 2001. – № 89. – С. 127–165.

53. ЛЛД 1985 – Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

54. Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Лобанова; РАН. Ин-т языкозн. – М., 1993. – 167 с.

55. Лудыкова В. М. Коми кывйын сложной сёрникузя [Сложное предложение в коми языке]: учеб. пособ. по спецкурсу / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. – 104 с.

56. Лыткин В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / В. И. Лыткин; АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 174 с.

57. Лыткин В. И. Коми кывлӧн исторической морфология [Историческая морфология коми языка]: учеб. пособ. / В. И. Лыткин. 2-ое изд., доп. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. – 102 с.

58. Лыткин В. И., Тимушев Д. А. Краткий очерк грамматики коми языка / В. И. Лыткин, Д. А. Тимушев // Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Коми-русский словарь / Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова; АН СССР. Коми филиал. – М.: Госуд-ое изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – С. 839–923.

59. Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык / Г. С. Лыткин. – СПб., 1889; 2-ое издание. М., 1996. – 464 с.

60. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкозн. АН СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.

61. Майтинская К. Е. Венгерский язык / К. Е. Майтинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. I: Введение. Фонетика. Морфология. – 304 с.

62. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1982. – 186 с.
63. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К.Е. Майтинская. – Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 186 с.
64. Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения с союзами *кор*, *кодыр* в коми языке / Н. Д. Манова // Коми филология: Труды ИЯЛИ. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1975. – Вып. 18. – С. 50–60.
65. Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке с союзами неместоименного происхождения / Н. Д. Манова // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1975. – №2. – С. 90–95.
66. Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении (основные типы): дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Манова. – Научный архив Коми НЦ УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 198.
67. Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении (основные типы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Манова. – М., 1976. – 23 с.
68. Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения с союзом *l'oka* в коми языке / Н. Д. Манова // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1976. – № 2. – С. 104–107.
69. Манова Н. Д. Об истории развития коми подчинительного союза *да* / Н. Д. Манова // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1978. – № 3. – С. 200–203.
70. Манова Н. Д. Из истории развития сложноподчиненных предложений с союзом *кõ* в коми языке / Н. Д. Манова // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. науч. ст. – Ижевск, 1987. – С. 124–128.
71. Манова Н. Д. К происхождению подчинительных союзов в коми языке / Н. Д. Манова // Материалы VI Международного конгресса финно-

угроведов / АН СССР, УрО, КНЦ, Ин-т яз., лит. и истории. – М.: Наука, 1990.
– Т. 2: Языкознание. – С. 123–125.

72. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.

73. Милославский И. Г. Морфология / И. Г. Милославский // Современный русский язык. – М., 1981. – С. 240–362.

74. Михайлов П. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка / П. Михайлов. – Архангельск: Губернская типография, 1873. – 83 с., 75 с.

75. Мишина Г. Г. Употребление союза *ли – ли* в сложноподчиненном предложении / Г. Г. Мишина // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении: межвуз. темат. сб. науч. трудов. – Калинин, 1987. – С. 136–144.

76. НВД 1978 – Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева. – М.: Наука, 1978. – 227 с.

77. Некрасова Г. А. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1997. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 388. – 40 с.

78. Некрасова О. И. Развитие коми отглагольных оборотов (на примере коми деепричастных конструкций) / О. И. Некрасова // Пути развития пермских языков: история и современность: Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2014. – Вып. 73. – С. 226–248.

79. ОКЗР 1971 – Образцы коми-зырянской речи / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар, 1971. – 311 с.

80. Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1976. – 464 с.

81. ÖKK 2000 – Лудыкова В. М., Некрасова Г. А., Попова Э. Н., Федюнева Г. В., Цыпанов Е. А. Öñя коми кыв. Морфология /

В. М. Лудыкова, Г. А. Некрасова, Э. Н. Попова, Г. В. Федюнева,
Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000. – 544 лб.

82. ПД 1976 – Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.
Печорский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков,
Н. А. Колегова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 153 с.

83. Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов
предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин. – Воронеж:
Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 210 с.

84. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении /
А. М. Пешковский. Изд. 7-ое. – М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.

85. ПНГУЯ 1975 – Первая научная грамматика удмуртского языка. –
Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1975. – 113 с. + [Примечания] 16 с.

86. Подорова А. И. Частицы в коми языке: автореф. дис. ... канд.
филол. наук / А. И. Подорова; АН СССР. Коми филиал. – М., 1954. – 19 с.

87. Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского
диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук / Удмуртский
государственный университет / Л. Г. Пономарева. – Ижевск, 2002. – 206 с.

88. Попова Э. Н. Присоединение в современном коми языке /
Э. Н. Попова // Пермистика-7: Диалекты и история пермских языков во
взаимодействии с другими языками (сборник статей) – Сыктывкар, 1999. –
С. 151 – 156. (Коми научный центр Уральского отделения Российской
академии наук).

89. Попова Э. Н. Значения и функции союза *и* в современном коми
языке / Э. Н. Попова // Коми слово в грамматике и словаре: Труды ИЯЛИ
Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 62. – С. 58–65.

90. Попова Э. Н. Слово *кӧ* в коми языке (функционально-
семантическая характеристика) / Э. Н. Попова // Пермистика XI: Диалекты и
история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. –
Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 241–246.

91. Попова Э. Н. Союзы и частицы в северо-западных диалектах коми языка / Э. Н. Попова // Динамические процессы в системах пермских языков: Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2011. – Вып. 68. – С. 71–77.
92. Попова Э. Н. Частицы как показатели связи в коми языке / Э. Н. Попова // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания: Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 69. – С. 168–172.
93. ПСД 1971 – Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык / Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1971. – 276 с.
94. РГ 1980 I – Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
95. РГ 1980 II – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
96. Редеев К. Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского / К. Редеев. – Сыктывкар, 1996. – 59 с.
97. Редеев К. Сочинительные и подчинительные союзы коми языка / К. Редеев // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2005. – С. 228–234.
98. Ромбандеева Е. И. Синтаксис современного мансийского языка / Е. И. Ромбандеева. – Тюмень, 2017. – 241 с.
99. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка / В. Д. Рягоев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1977. – 277 с.
100. Савваитов П. И. Грамматика зырянского языка / П. И. Савваитов. – СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1850. – 168 с.
101. Санников В. З. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис) / В. З. Санников. – М.: Наука, 1989. – 267 с.

102. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
103. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
104. Сибатрова С. С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка / С. С. Сибатрова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. – 426 с.
105. Сидоров А. С. Избранные статьи по коми языку / А. С. Сидоров. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. – 153 с.
106. СКЯ 1955 – Современный коми язык: учеб. для высш. учеб. завед. / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. – 312 с.
107. СКЯ 1967 – Современный коми язык: учеб. пос. для высш. учеб. завед. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. Ч. II: Синтаксис. – 284 с.
108. СМЯ 1961 – Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.
109. Сорвачева В. А. Морфологические особенности верхневашского говора коми языка: дис. ... канд. филол. наук. / В. А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1950. – 189 с.
110. СРНГ 1986 – Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. – Л.: Наука, 1986. – Вып. 21. – 360 с.
111. СРЯ 1981 – Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: учеб. пособие для студ. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1981. – Ч. III: Синтаксис. Пунктуация. – 271 с.
112. СРЯ 1984 – Словарь русского языка / АН СССР. Ин-т рус. яз. Т. IV.– 2-ое изд. М.: Русский язык, 1984. – 785 с.
113. СРЯ 2006 – Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд-во «Академия», 2006. – Ч. 2. Морфология. Синтаксис. – 624 с.

114. ССД 1980 – Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1980. – 226 с.
115. ССКЗД 1961 – Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / И. Т. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 492 с.
116. Стародумова Е. А. Характер синтаксических частиц / Е. А. Стародумова // Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. Иркутск, 1980. С. 41–55.
117. Тихомирова Е. А. Анафорические знаки подчинения как наиболее архаический тип связи в сложном предложении / Е. А. Тихомирова // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении: межвуз. темат. сб. науч. трудов. – Калинин, 1987. С. 93–103.
118. УД 1990 – Сорвачева В. А., Безносилова Л. М. Удорский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, Л. М. Безносилова. – М.: Наука, 1990. – 283 с.
119. УРС 1983 – Белов А. С., Вахрушев В. М., Скобелев Н. А., Тепляшина Т. И. Удмуртско-русский словарь / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Н.-и. ин-т при Совете Министров Удм. АССР. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.
120. Федюнева Г. В. Указательные местоимения и их производные в пермских языках / Г. В. Федюнева; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2007. – 240 с.
121. Флеров А. Ф. Зырянская грамматика, изданная отъ главного правления училищ / А. Флеров. – Санктпетербург: Типография Императорской Акад. наук, 1813. – 46 с.
122. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. I: Фонетика и морфология / Л. Хакулинен. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1953. – 312 с.

123. Хегай В. М. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук / В. М. Хегай. – М., 1981. 21 с.
124. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова; АН СССР. Сибирское отделение, Ин-т истор., филол. и философ. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
125. Черкасова Е. Т. Русские союзы неместоименного происхождения / Е. Т. Черкасова; АН СССР. Ин-т рус.яз. – М.: Наука, 1973. – 221 с.
126. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1981. – Ч. II: Словообразование. Морфология. – 270 с.
127. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров / А. Б. Шапиро; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 317 с.
128. Aksjonova S. Rinnasteiset *u*-konjunktiiviset lauseet komin kielessä / S. Aksjonova // IFUSCO: XVII Congressus Internationalis Studentiorum Fennougristarum. Summaria dissertationum. – Tallinn, 2000. – P. 4–5.
129. Aksjonova S. Komin kielen *da*-konjunktiiviset lauseet / S. Aksjonova // IFUSCO-XVIII. Esitelmien tiivistelmät: Abstracts (Helsinki, 11.–15.9.2002). – Helsinki, 2002. – S. 7–8.
130. Aksjonova S. Lainattujen konjunktiivien kilpailu komisyrjäänissä / S. Aksjonova // XXX Kielitieteen päivät: esitelmien tiivistelmät. – Joensuu, 2003. – S. 43.
131. Wiedemann F. J. Versuch einer Grammatik der Tsheremissischen Sprache. – Reval, 1847. – 144 S.
132. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einen kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

133. Wiedemann F. J. Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte. – St.-Petersbourg: MM. Eggers et Cie, H. Schmitzdorff, 1875. – 664 S.

134. Wiedemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St.-Petersbourg, 1884. – 255 S.

135. Gabelentz H. C. Grundzuge der syrjanischen Grammatik / H. C. Gabelentz. – Altenburg, 1841. – 75 S.

136. Kalima J. Die russischen Lehnwörtern im Syrjänischen / J. Kalima. – Helsingfors, 1910. – 187 S. (= SUST 29).

137. Leinonen M. Syntactic convergence in Komi Zyryan and northern Russian dialects / M. Leinonen // Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt. – Maastricht, 1997. – Pp. 151–158.

138. Leinonen M. The Influence of Russian on Sentential Subordination in Komi-Zyryan / M. Leinonen // Dialectologica et Geolinguistica. 6. – Bamberg, 1998. – 81–98 S.